

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ Н. ТИХОМИРОВЫМЪ И А. АДЛЬФОВЪ.**

ФЕНЕЛОНЪ.
О ВОСПИТАНІИ ДѢВИЦЪ.

—
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. НЕДАЧИНА.

Съ портретомъ Фенелона и краткой его біографіей.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Э. ЛИСНЕРА И Ю. РОМАНА,
Воздвиженка, Престолоподп. пер., д. Лиснера.
1896.

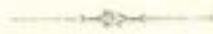
ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ТИПОГРАФИИ С. С. СИНДІКАТА

ФЕНЕЛОНЪ.

О ВОСПИТАНІИ ДѢВИЦЪ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ

К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ.

ВЫПУСКЪ X.

Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.
1896.

ФЕНЕЛОНЪ.

О ВОСПИТАНІИ ДѢВИЦЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. НЕДАЧИНА.

Съ портретомъ Фенелона и краткой его биографіей.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.
1896.

Жизнь и деятельность Фенелона.

Франсуа Солиньяк де Ламотт де Фенелонъ родился 6 августа 1651 года въ замкѣ Фенелонъ, въ имѣвшемъ департаментѣ Дордонъ, и принадлежалъ къ одной изъ знаменитѣйшихъ и старинныхъ семействъ южной Франціи. Еще въ ранней юности онъ обнаружилъ выдающіяся способности, полному развитію которыхъ помогло заботливое воспитаніе подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его отца, умнаго и образованнаго графа де Ламотт Фенелонъ. Этотъ богато одаренный и весьма воспримчивый мальчикъ уже двѣнадцати лѣтъ говорилъ по-латыни, недурно понималъ по-гречески и прочелъ нѣсколько доступныхъ его возрасту древнихъ авторовъ. Предназначенный къ духовному званію, Франсуа сначала поступилъ въ ближайшій университетъ въ Кагоръ, откуда перешелъ въ Парижъ, въ коллегію Дюлесси, гдѣ слушалъ богословскія науки. По совѣту своего дяди, маркиза Антуана де Фенелонъ, въ домѣ котораго онъ жилъ, 18-лѣтній юноша удалился отъ свѣтскаго шума въ духовную семинарію, въ Сенъ-Сулписъ, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ готовился къ духовной дѣятельности. Здѣсь онъ мечталъ о миссіяхъ въ далекія страны, о духовномъ воспитаніи дикарей Сѣверной Америки и Канады; его влекло въ Грецію, эту метрополию европейской цивилизаціи; онъ хотѣлъ видѣть Дельфы, Парнасъ, Темпейскую долину, хотѣлъ проповѣдывать въ Аонвахъ, гдѣ протекала дѣятельность Сократа и апостола Павла, которыхъ онъ стремился подражать. Тотчасъ по окончаніи курса онъ былъ посвященъ въ санъ священника и парижскимъ архіепископомъ Харлафомъ

былъ поставленъ во главѣ одного общества образованныхъ дамъ высшаго круга, которое имѣло своею задачею обученіе вновь обращенныхъ въ католичество протестантскихъ дѣвушекъ. На этомъ поприщѣ Фенелонъ работалъ въ теченіе десяти лѣтъ и занялъ себя здѣсь мудрымъ воспитателемъ, отечески нѣжнымъ и любящимъ совѣтникомъ и руководителемъ. Плодомъ этой его дѣятельности было его знаменитое, много разъ переизданное и переведенное почти на всѣ европейскіе языки, сочиненіе «О воспитаніи дѣвицъ», вышедшее впервые въ 1687 году¹⁾.

Дѣятельность даровитаго молодого священника скоро была замѣчена въ высшихъ сферахъ, и когда Людовикъ XIV задумалъ обращеніе протестантовъ своего государства, то Воссюэтъ и герцоги Бовилье и Шеврѣзъ единогласно указали ему на Фенелона, какъ на человѣка, по своему уму, такту и блестящему образованію исполнѣ подходящему для этой трудной и щекотливой миссіи. Фенелонъ былъ назначенъ въ Пуату и Сентанжъ и вмѣстѣ со своими друзьями, аббатами Ланжерономъ и Флѣри, дѣятельно занялся духовнымъ увѣщаніемъ протестантовъ названныхъ провинцій. Эта тяжелая и отвѣтственная дѣятельность омрачалась крутыми и жестокими правительственными мѣропріятіями, и Фенелонъ часто обращался къ королю, прося у него пощады и терпѣливаго отношенія къ обращающимся протестантамъ. Къ этому періоду его дѣятельности относится его *Traité du ministère des Pasteurs*, вышедшій въ 1688 году, изъ котораго усматривается гуманный, проникнутый любовью и терпимостью, характеръ его миссіи.

16 августа 1689 года произошло событіе, которое рѣшило всю послѣдующую жизнь Фенелона: къ радости всей Франціи онъ былъ назначенъ воспитателемъ трехъ сыновей дофина, маленькихъ герцоговъ Бургундскаго, Анжуйскаго и Беррійскаго, изъ которыхъ старшему, будущему наследнику престола, герцогу Бургундскому, тогда было около семи лѣтъ.

¹⁾ Объ этомъ произведеніи см. въ концѣ настоящаго очерка.

Это назначеніе состоялось по рекомендаціи и настоятельнымъ просьбамъ гувернера принцевъ, герцога Бовилье, который былъ извѣстенъ за человѣка благочестиваго и твердаго въ своихъ нравственныхъ принципахъ; при этомъ подозрѣніе о принадлежности Фенелона къ иезуитизму было устранено Боссюэтомъ. Со всей свойственной ему энергіей, умомъ, добросовѣстностью и терпѣніемъ взялся Фенелонъ за свой знаменитый педагогическій опытъ, ознаменованный столь блестящими результатами. Онъ самъ говорилъ, что чувствовалъ робость и воодушевленіе при мысли, что отъ характера того, къ чьему воспитанію онъ призванъ, со временемъ будетъ зависѣть счастье или несчастье миллионновъ.

Маленькій герцогъ Бургундскій былъ ребенокъ красивой наружности, богато одаренный отъ природы, весьма восприимчивый, но болѣзненный, изнѣженный и испорченный воспитаніемъ: онъ былъ вспыльчивъ, непослушенъ и надмененъ. Сенъ-Симонъ въ своихъ мемуарахъ такъ описываетъ характеръ этого ребенка: «Этотъ принцъ отъ рожденія былъ ужасенъ, и его ранняя молодость заставляла бояться всего: его жестокость и вспыльчивость доходили до невѣроятныхъ предѣловъ и распространялись даже на неодушевленные предметы; его бѣшенство было неудержимо; онъ не могъ выносить ни малѣйшаго сопротивленія даже со стороны стихій или времени и испытывалъ такіе припадки гнѣва, что становилось страшно за его здоровье; онъ былъ чрезвычайно упрямъ и жадно предавался всѣмъ наслажденіямъ: онъ любилъ вино и хорошей столъ, былъ страстнымъ охотникомъ, съ восхищеніемъ слушалъ музыку и со страстью относился къ играмъ, при чемъ не выносилъ проигрыша и былъ чрезвычайно опасенъ въ такихъ случаяхъ; словомъ, — всѣ страсти и всѣ наслажденія носили у него необузданный характеръ; часто онъ становился совершенно дикимъ и по своей природѣ былъ склоненъ къ жестокости; его насмѣшки отличались грубостью и были безпощадны. Съ высоты своего величія онъ смотрѣлъ на всѣхъ людей безъ исключенія, какъ на ничтожные атомы, съ которыми у него не было ничего общаго. Даже своихъ братьевъ

онъ едва удостоивалъ замѣчать, какъ нѣчто посредствующее между нимъ и остальными людьми. Онъ блисталъ умомъ и остроуміемъ даже въ моменты наивысшаго страстнаго раздраженія. Какъ бы ни былъ онъ разсерженъ, онъ никогда не ошибался, и отвлеченныя званія были для него пустякомъ. Живость и подвижность его ума были изумительны, и онъ съ трудомъ могъ сосредоточиться на одномъ предметѣ... И вотъ изъ этой темной пропасти вышелъ кроткій и ласковый принцъ, гуманный, умѣренный, терпѣливый, скромный, богобоязненный и, насколько позволяло его положеніе, а иногда даже и больше этого, смиренный и суровый по отношенію къ себѣ. Весь поглощенный мыслью о своихъ обязанностяхъ, которыя казались ему громадными, онъ думалъ только о томъ, чтобы соединить обязанности сына и подданнаго съ тою ролью, которая была ему предназначена¹⁾.

Тонкое педагогическое чутье подсказало Фенелону, что онъ долженъ сначала овладѣть сердцемъ своего воспитанника, а потомъ ужъ вѣстись за его развитіе, — и онъ терпѣливо началъ обуздывать и исправлять этотъ непокорный нравъ. Основныя черты той педагогической системы, которой держался Фенелонъ при воспитаніи герцога Бургундскаго, мы находимъ въ его трактатѣ «О воспитаніи дѣвца». Эта система, основанная съ одной стороны на картезіанской философій, съ ея культотъ разума, а съ другой стороны на кроткомъ началѣ христіанской любви, состояла въ гармоническомъ сочетаніи твердости и звергіи съ кротостью и терпѣніемъ. Въ своихъ философскихъ и психологическихъ принципахъ воспитатель черпалъ убѣжденіе въ томъ, что радость и довѣрчивость должны господствовать среди настроеній дѣтской души, которая безъ нихъ омрачается и тернеть мужество, проникалась или раздраженіемъ или робостью. Страхъ похожъ на сильно дѣйствующее средство, которое иногда можетъ помочь, но нарушаетъ нормальный ходъ организма, и душа ребенка, которую воспитываютъ помощью страха, лишается черезъ это своей силы.

¹⁾ Saint-Simon, Mémoires.

Девизомъ воспитателя было: «Не принуждайте дѣтей, слѣдуйте природѣ и помогайте ей».

Понимая, что часто бываетъ достаточно одного мѣткого слова, чтобы показать ребенку на другихъ то, чего отъ него желаютъ, Фенелонъ не давалъ своимъ наставленіямъ тона отвлеченныхъ правилъ, а облечалъ ихъ въ конкретную форму басни, мифологическаго разсказа, аллегоріи, исторіи и т. п. Необыкновенная живость изложенія, картинное изображеніе лицъ и фактовъ, тонкій юморъ, изящный стиль, полный той прелести, которая, кажется, была свойственна лишь одному Фенелону, — вотъ отличительныя черты этихъ литературныхъ этюдовъ, которыми не доставало лишь приема, чтобы стать рядомъ съ баснями знаменитаго Лафонтена. Разница лишь та, что Фенелонъ самъ не давалъ въ нихъ правоученій и предоставлялъ ребенку самому наблюдать въ нихъ свои дурныя воступки и страсти со всѣми ихъ послѣдствіями, самому дѣлать свой выводъ и самому произносить свой приговоръ... Въ баснѣ «Пчела и Муха» послѣдняя такъ защищается противъ королевы воздуха: «Твой гнѣвъ, который уязвляетъ твоихъ враговъ, даетъ смерть тебѣ самой, и твои безразсудная жестокость приноситъ тебѣ больше вреда, чѣмъ другимъ. Лучше меньше блестящихъ преимуществъ, да побольше умѣренности» и т. д. Въ извѣстныхъ «Dialogues des morts»¹⁾ Фенелонъ даетъ прекрасный образецъ такого педагогическаго приема въ разговорѣ Меркурія съ Харономъ, въ которомъ принцъ Пикрохолоусъ (горько-желчный) такъ охарактеризованъ: «Онъ вспыльчивъ, но не золъ; онъ любознателенъ, понятливъ, исполненъ стремленія ко всему прекрасному, любитъ правдивыхъ людей и бываетъ благодаренъ имъ за то, что они направляютъ его на путь истины. Когда онъ сумѣетъ поборотъ свою торопливость и свою лѣнь, изъ него выйдетъ прекрасный человекъ». Харонъ, которому Меркурій даетъ это описаніе, никакъ не можетъ понять, какъ уживаются въ одномъ характерѣ эта лѣнь и эта подвижность. Тогда

¹⁾ Вышли въ первый разъ въ 1712 г.

Меркурий объясняет ему, что Пикрохолоусъ быстръ въ гнѣвѣ и лѣнивъ въ исполненіи своихъ обязанностей и т. д.

Такая система исправленія, основанная на тонкомъ знаніи человеческой природы и души ребенка, и полное согласіе воспитателей, связанныхъ одинаковымъ пониманіемъ своихъ задачъ и одинаковыми философскими и педагогическими взглядами, гарантировали полный успѣхъ. «Герцогъ Бургундскій пусть остается за дверью, а я пусть буду только вашимъ маленькимъ Людовикомъ», говорилъ мальчикъ своему воспитателю. Всевышности гордаго ребенка противопоставлялось безастрасное спокойствіе, пока не утихало его возбужденіе, и пока онъ снова не впадалъ въ свое горькое одиочество. Тогда опять приближался воспитатель съ лаской и любовью и высказывалъ сожалѣніе по поводу того, что раздраженіе такъ быстро заглушило въ немъ голосъ «разума и чести». Послѣ этого воспитанникъ самъ часто приговаривалъ себя къ наказанію, которое воспитатель уже только смягчалъ.

Что касается до воспитанія религіознаго, то на него было обращено особое вниманіе. По смерти своего воспитанника Фенелонъ самъ говорилъ, что именно религія сдѣлала изъ упрямго и надменнаго ребенка юншу скромнаго, мягкосердечнаго, отзвучиваго, способнаго сознаться въ своихъ заблужденіяхъ. По мѣрѣ того какъ герцогъ становился старше, кругозоръ «Dialogues des morts» становится обширнѣе, и на ряду съ воспитательнымъ значеніемъ они получаютъ уже и значеніе образовательное. Обращается вниманіе уже на исторію, затрогиваются вопросы политическіе, религіозныя и т. п.

Хотя, согласно основному взгляду воспитателя, молодого герцога не особенно принуждали къ книгѣ, однако научному образованію посвящались весьма большія заботы. Постепенно шагъ за шагомъ, въ непринужденной бесѣдѣ во время игры, обѣда, прогулки и пр. юнаго герцога вводили въ область знанія. Древніе языки изучались практически: «латинскій языкъ принцы изучаютъ на практикѣ безъ грамматическихкихъ правилъ, исключая самыхъ необходимыхъ первоначальныхъ указаній, такъ какъ изъ ихъ ученія стараются изгнать все

трудное и утомительное, чтобы сдѣлать его пріятнымъ. Изъ внушаютъ отвращеніе къ педантизму»¹⁾.

Изъ древнихъ классиковъ были прочтаны и разобраны римскіе: Цезарь, Цицеронъ, Ливій, Тацитъ и Виргилій, изъ греческихъ: Ксенофонтъ, Гомеръ, Гесіодъ и Софоклъ. Особенное вниманіе было обращено на изученіе политической и церковной исторіи родной страны, на ея географію, на земледѣліе и народное хозяйство. Все образованіе было завершено изученіемъ философіи и религіи въ ихъ постепенномъ развитіи. Такимъ образомъ всѣ отдѣльныя знанія были приведены къ единству, были осмыслены и упрочены въ сознаніи ученика разсужденіями подъ руководствомъ воспитателя.

Подъ вліяніемъ этого разумно-религіознаго воспитанія, изъ того своевольнаго и надменнаго принца, котораго нарисовалъ намъ Сенъ-Симонъ, вышелъ образованный и гуманный человекъ, нѣсколько робкій и застѣнчивый, побуждавшій всѣхъ своей честностію и величіемъ своей души. Послѣ его преждевременной смерти въ 1712 году тотъ же Сенъ-Симонъ такъ оплакивалъ эту потерю: «Францію постигло послѣднее наказаніе. Богъ отвѣлъ у нея принца, котораго она не стоила. Онъ былъ слишкомъ добродѣтеленъ для земли; онъ былъ уже достоинъ вѣчнаго блаженства».

Въ 1695 году Фенелонъ былъ назначенъ архіепископомъ въ Камбре и не могъ уже оказывать непосредственнаго вліянія на своего воспитанника. Но великій мужъ считалъ своею миссіей, возложенной на него свыше, образовывать изъ принца короля, который составилъ бы счастье родной страны, разстроенной правленіемъ Людовика XIV. Это обстоятельство послужило поводомъ къ сочиненію «Телемака», знаменитаго сочиненія, посредствомъ котораго Фенелонъ надѣялся продолжить образованіе наследника престола и свое надъ нимъ вліяніе.

Однѣ изъ биографовъ Фенелона съ достаточной вѣр-

¹⁾ Fénelon, Mémoire sur l'éducation des ducs de Bourgogne, d'Anjou et de Berry. Correspondance II, p. 358.

ностью полагаетъ, что сочиненіе знаменитыхъ «Les aventures de Télémaque» относится къ 1695—1696 году. Содержаніе ихъ слѣдующее. Сынъ Одиссея Телемакъ отправляется странствовать по свѣту съ цѣлью отыскать своего отца, еще не пернувашаго изъ-подъ Трои. Телемака сопровождаетъ Минерва, принявшая на себя образъ его воспитателя Ментора. Во время своихъ скитаній путешественники встрѣчаютъ различныя страны съ ихъ государями, съ ихъ учрежденіями, правами, законами и обычаями, что собственно и составляетъ предметъ наблюденій будущаго царя Итаки, сопровождаемыхъ объясненіями и наставленіями мудрой Минервы. Нѣсколько долѣ живутъ они у Идоменея, который былъ нѣкогда царемъ Крита, но за свои насилія, страсть къ завоеваніямъ, властолюбіе и гордость былъ изгнанъ своими подданными и основалъ въ Гесперіи маленькій городокъ Салентъ, гдѣ и царствовалъ. Несчастія смирили гордаго владку, и онъ внимательно слушаетъ наставленій Ментора-Минервы, въ которыхъ собственно и заключается сущность книги. Авторъ имѣетъ цѣлью показать въ нихъ будущему наследнику французскаго престола всю трудность и отвѣтственность предстоящей ему задачи. Признавалъ за наилучшую форму правленія неограниченную монархію, но монархію просвѣщенную, презирающую лишній блескъ, войны, праздества и т. п. и стремящуюся ко благу народному и водворенію патриархальной простоты, Менторъ представляетъ своему воспитаннику государство во всѣхъ проявленіяхъ его многообразной жизни. Въ живыхъ образахъ дамы здѣсь наставленія относительно всевозможныхъ отраслей жизни и управленія: государство и церковь, законодательство и обычай, война и политика, наука и искусство, земледѣліе, торговля и промышленность, общественное воспитаніе и образованіе и пр., — все нашло себѣ объясненіе въ этой книгѣ. По временамъ наставленія проивкнуты рѣзкимъ и бичующимъ тономъ и рисуютъ то тяжкое и жалкое, гнетущее состояніе, въ которое впадаетъ страна, живущая недостойнаго правителя, изображаютъ черты личности правителя достойнаго, желающаго блага странѣ своей и т. д.

Предназначая эту книгу своему воспитаннику, Фенелонъ былъ слишкомъ далекъ отъ мысли издать ее въ свѣтъ; его удерживало то обстоятельство, что, являясь результатомъ внимательнаго наблюденія и изученія современнаго положенія вещей и извѣстныхъ политическихъ личностей, книга заставляла читателя видѣть въ Салентѣ Версаль съ Людовикомъ — Идоменеемъ или Сезострисомъ во главѣ, и современникъ склоненъ былъ видѣть въ ней ѣдкій памфлетъ на короля и его фаворитокъ. Но одинъ изъ переписчиковъ, которому Фенелонъ довѣрилъ рукопись, продалъ нѣсколько копій съ нея, и она была напечатана книгопродавцемъ Андрианомъ Монжваномъ въ Гагѣ, въ іюнѣ 1699 года. Это «зеркало государей» было встрѣчено съ энтузіазмомъ какъ во Франціи, такъ и за границей. Оно выдержало массу изданій и безчисленное множество переводовъ на всѣ болѣе извѣстные языки. За чистоту и изящество стили сочиненіе это впоследствии стало школьной книжкой при обученіи французскому языку какъ вездѣ въ Европѣ, такъ и въ русскихъ школахъ.

Выходъ въ свѣтъ «Les aventures de Télémaque» страшно раздражилъ короля, и авторъ ихъ подвергся ошамѣ. Ему было приказано безвыѣздно жить въ Камбре, былъ запрещенъ пріѣздъ ко двору, былъ отнятъ титулъ «précepteur des enfants de France» и присвоенная этому званію пенсія¹⁾.

Полная разлука и строжайшее запрещеніе видѣться не могли уничтожить взаимной привязанности, соединившей великаго педагога и его воспитанника. Въ письмахъ, адресованныхъ къ своимъ друзьямъ и предназначенныхъ для молодого герцога, Фенелонъ продолжаетъ великую задачу воспитать для Франціи хорошаго правителя и даетъ ему совѣты, относящіеся къ будущей его дѣятельности. Эта переписка даетъ

1) Оставшая въ сторонѣ многотомная работа сочиненія Фенелона, мы упоминаемъ лишь о его «Explication des maximes des Saints sur la vie intérieure» содержащемъ въ себѣ близкое къ янсенистскому ученію о благодати, за которое Фенелонъ былъ временно отлученъ отъ церкви папою Иннокентіемъ III.

намъ возможность видѣть Фенелона, какъ дѣятеля политическаго. Дѣятельность его въ этомъ направленіи была столь замѣтна и значительна, что дала право нѣкоторымъ критикамъ признавать за нимъ наибольшія заслуги именно въ этой области, а не въ области педагогики. Въ его политическихъ письмахъ, прекращающихся лишь съ его смертью, передъ нами выступаетъ великая личность Фенелона, какъ патріота, всѣми силами своего сердца и ума, во всеоружіи полного званія внутренней и внешней жизни страны, стремящагося къ ея благу. Особеннаго вниманія заслуживаютъ письма, которыя Фенелонъ писалъ во время войны за испанское наслѣдство. Ни одинъ историкъ, желающій имѣть вѣрное представленіе о безотрадномъ положеніи тогдашней Франціи, не имѣетъ права обходить ихъ молчаніемъ. Мы приведемъ здѣсь небольшіе отрывки изъ двухъ писемъ Фенелона, относящихся къ 1710 г. и содержащихъ въ себѣ какъ бы пророчество о томъ переломѣ конца XVIII вѣка, который прекратилъ французскую монархію: «Если бы я взялъ на себя смѣлость судить о состояніи Франціи по тѣмъ отдѣльнымъ правительственнымъ дѣйствіямъ, которыя мнѣ случается наблюдать на этой границѣ, я долженъ былъ бы прийти къ заключенію, что французское государство продолжаетъ существовать какимъ-то чудомъ, что оно представляетъ собою ветхую машину, которая еще движется отъ сотрясенія, полученнаго ею прежде, но которая готова разсыпаться отъ перваго удара. Солдатамъ часто не хватаетъ припасовъ. Даже хлѣба у нихъ часто не бываетъ по нѣскольку дней. Хлѣбъ имъ даютъ почти всегда изъ овсяной муки, дурно выпеченный и съ примѣсью всякаго сора. Эти дурно питаемые солдаты сражаются, повидному, также довольно дурно. Среди нихъ раздается ропотъ и слышатся иногда такіа рѣчи, которыя должны бы были внушать опасенія... Жители настолько же страшатся арміи, которая обязана ихъ защищать, какъ и тѣхъ непріятельскихъ войскъ, которыя на нихъ нападаютъ; армія съ трудомъ можетъ совершать небольшіе переходы, такъ какъ хлѣба у нея обыкновенно бываетъ только на одинъ день... Населеніе не жи-

ветъ больше по-человѣчески, и не позволительно разсчитывать долге на его терпѣніе, такъ какъ оно подвергалось слишкомъ большимъ испытаніямъ. Такъ какъ жителямъ не на что больше надѣяться, то имъ нечего также и бояться. Матеріальныя средства всѣхъ городовъ ищерааны совершенно. Королевскіе доходы собраны съ нихъ за десять лѣтъ впередъ, и тѣмъ не менше у нихъ не стыдятся требовать съ угрозами новыхъ авансовъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже и внесены... Повидному, полное государственное банкротство сдѣлалось неизбѣжнымъ... Нація теряетъ свою честь; она становится предметомъ открытыхъ насмѣшекъ. Враги наши громко говорятъ, что испанское правительство, столь презиравшееся нами, никогда не падало такъ низко, какъ намѣ. Ни у народа, ни у солдатъ, ни у офицеровъ во Франціи не осталось ни привязанности, ни уваженія, ни довѣрія, ни боязни къ правительству, ни надежды, что оно когда-нибудь оправится»...

Въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ своему другу, герцогу Шеврсу, Фенелонъ указываетъ, что единственное спасеніе для страны состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать изъ войны вопросъ національный, а не вопросъ личной прихоти короля. Въ концѣ письма онъ обращается къ Людовику XIV со словами горькаго упрека, какъ къ причинѣ всѣхъ несчастій Франціи: «Вы мнѣ скажете, что Богъ поддержитъ Францію; но я спрошу васъ, на чемъ основано это обѣщаніе? Развѣ вы имѣете поручителя, отвѣчающаго намъ за чудеса? Безъ сомнѣнія вы нуждаетесь въ нихъ, чтобы сохранить свое положеніе, потому что вы висите какъ бы въ воздухѣ; но спрашивается, заслуживаете ли вы ихъ, когда даже перспектива полной гибели не можетъ исправить васъ, когда вы и теперь остаетесь попрежнему жестокимъ, надменнымъ, тщеславнымъ, необщительнымъ, безчувственнымъ и всегда готовымъ льстить себѣ? Сжалится ли надъ нами Богъ, видя васъ въ униженіи, но не смиравшимся, гибнущимъ отъ своихъ собственныхъ ошибокъ, но не желающимъ признаться въ нихъ и способнымъ снова приняться за то же самое, если бы у васъ была надежда протянуть хотя еще два года? Можетъ ли Богъ

удовлетвориться набожностью, состоящею въ томъ, что вы позолотите часовню, прочтете молитву, прослушаете музыку, придете въ ужасъ отъ нескромнаго слова, или прогоните нѣсколько лисенистовъ? Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы окончить вѣнскую войну, но также и о томъ, чтобы накормить свой народъ, умирающій съ голоду, возстановить земледѣліе и торговлю, уменьшить роскошь, развѣдающую общественные нравы, и вспомнить объ истинномъ назначеніи государства».

Среди мелкихъ сочиненій и писемъ къ самому герцогу бургундскому особаго вниманія заслуживаетъ «Direction pour la conscience d'un roi», или «Сокровенныя мысли объ обязанностяхъ короля», какъ ихъ называлъ самъ авторъ (Examen de conscience sur les devoirs de la royauté). Эти «Мысли» полны возвышенныхъ, истинно христіанскихъ идей объ образованіи, характерѣ и жизни государя, желающаго блага своимъ подданнымъ.

Когда 14 апрѣля 1711 года умеръ отецъ герцога Бургундскаго, великій дофинъ, то надежда Фенелона видѣть своего воспитанника на французскомъ престолѣ стала совсѣмъ близка къ осуществленію, и этотъ неутомимый человѣкъ пишетъ и редактируетъ въ живой формѣ, въ видѣ таблицъ, проектъ улучшеннаго государственнаго строя, извѣстный подъ именемъ «Шонскихъ таблицъ». Это важнѣйшее изъ всѣхъ политическихъ сочиненій Фенелона представляетъ замѣчательный документъ въ исторіи развитія политическихъ идей XVIII вѣка и обнимаетъ собою вопросы о военномъ дѣлѣ, внутренней администраціи, правосудіи, сословіяхъ, о торговлѣ и промышленности. Такимъ образомъ въ этихъ «Шонскихъ таблицахъ» набросанъ планъ военной, политической, общественной, юридической и экономической организаціи страны. Достойнымъ удивленія та необычайная сила ума, та гениальная прозорливость государственнаго дѣятеля, продуктомъ которыхъ явились нѣкоторыя идеи этихъ «Таблицъ», казавшіяся въ то время утопическими и только въ наши дни приводящіяся въ исполненіе. Таковы, напримѣръ, его мысли о дѣя-

тельною дворянскомъ сословіи, несущемъ на себѣ труды иѣстнаго управленія на пользу націи, о свободѣ торговли, о правительственномъ кредитѣ торговцамъ и промышленникамъ и т. д. Но надеждамъ на улучшеніе политической жизни Франціи не суждено было осуществиться: 18 февраля 1712 г. умеръ тотъ, кому Фенелонъ посвятилъ около двадцати пяти лѣтъ своей жизни — умеръ герцогъ Бургундскій, послѣдняя надежда Франціи. «Мои всѣ привязанности порваны: меня ничто уже болѣе не привязываетъ къ землѣ», — вырвалось у Фенелона при извѣстіи объ этой смерти. 5 января 1715 г., 63 лѣтъ отъ роду, умеръ этотъ великій человѣкъ, только на три года пережившій своего воспитанника, «Прекрасное одушевляло его умъ, благое — его сердце», — сказалъ про него Вольтеръ.

Секретъ того огромнаго успѣха и значенія, какія имѣла дѣятельность Фенелона въ области педагогики и въ дѣлѣ развитія политическихъ идей XVIII вѣка заключается въ его личности. Это былъ глубоко образованный умъ, удивительно гибкій и практический, умѣвшій приурочиться ко всякимъ положеніямъ жизни. Проникнутый разумной философіей Декарта съ ея педагогикой разума, требовавшей приближенія къ природѣ, этотъ благочестивый христіанинъ слилъ ее съ высокими идеалами христіанской любви къ Богу и ближнему и видѣлъ въ сближеніи человѣка съ природой — сближеніе его съ Творцомъ. Терпѣніе и кротость въ соединеніи съ твердостью и энергіей лежали въ основѣ того воспитанія, которое онъ такъ блестяще проводилъ въ жизни. Въ его политической дѣятельности, среди тѣхъ же качествъ, мы находимъ его высокій патріотизмъ, мы видимъ въ немъ француза, съ его національными чувствами, чуждаго того безличнаго космополитизма, которымъ такъ блистали раціоналисты XVIII вѣка, изъ родѣ Руссо.

Въ мемуарахъ Сенъ-Симона мы находимъ такое описаніе вѣнщины этого благороднаго мужа: «Этотъ прелатъ былъ худощавый человѣкъ, высокаго роста, хорошо сложенный,

съ блѣднымъ лицомъ, большимъ носомъ и съ блестящими глазами, изъ которыхъ какъ бы цѣлымъ потокомъ выривались его умъ и энергія; я не встрѣчалъ другого подобнаго лица; кто видѣлъ его хоть разъ, тотъ никогда не могъ забыть его. Въ этомъ лицѣ соединилось все, — и самыя противоположныя черты гармонически сливались въ немъ. Оно выражало въ одно и то же время и важность и свѣтскую любезность, и серьезность и веселье; оно одинаково могло принадлежать и доктору, и епископу, и знатному сеньеру, но что всего болѣе отражалось въ немъ, такъ же, какъ и во всей его фигурѣ, это его изящество, умъ, любезность, тактъ и особенное, ему свойственное, благородство. Надо было дѣлать усиліе надъ собой, чтобы оторваться отъ этого лица¹⁾.

Мы переходимъ теперь къ знаменитой книгѣ Фенелона «О воспитаніи дѣвицъ». Вышедшее въ первый разъ въ февралѣ 1687 г., а вскорѣ потомъ вторымъ и третьимъ изданіемъ въ 1696 и 1715 году, «Education des filles» было написано по просьбѣ супруга герцога Бовилье, друга автора, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ воспитателемъ принца. Въ изданіи 1715 года впервые былъ помѣщенъ и «Советъ одной знатной дамѣ», который съ этого времени входитъ во все изданія. Книга эта явилась результатомъ десятилѣтняго наблюденія надъ воспитаніемъ дѣвушекъ въ упомянутомъ выше дамскомъ благотворительномъ обществѣ и полна тонкихъ наблюденій надъ дѣтской природой и жизнью, вѣрныхъ и практическихъ наставленій и со- вѣтовъ для образованія ума и сердца.

До Декарта и послѣдователей его идей въ области педагогики, обученіе и воспитаніе, знанія и нравственность были двумя несоприкасающимися точками. Если требованія практической жизни заставляли заботиться о научномъ образованіи для мужчинъ, изъ которыхъ набирали свои кадры церковь и государство, то заботы о нравственномъ воспитаніи все же были ничтожны, а на долю женскаго пола не выпадало даже и такого образованія. Со времени Декарта на совокупность

¹⁾ Saint-Simon, Mémoires.

умственного и нравственного развитія стали смотрѣть, какъ на результатъ сообразнаго съ природой совершенствованія разума. Когда къ этикъ основамъ философіи разума были прибавлены еще неизбѣжные устой религіи любви, получилось удивительно прочное зданіе, въ которомъ эти двѣ величайшихъ силы человѣка, — разумъ и чувство, — соединились на борьбу противъ косности и рутини, тяготѣвшей надъ человѣчествомъ. Книга Фенелона «О воспитаніи дѣвицъ» является, такъ сказать, сводомъ педагогическихъ принциповъ, основанныхъ съ одной стороны на Декартовой философіи разума, и съ другой стороны на чувствѣ, и именно на чувствѣ любви къ Богу и ближнему, этомъ источникѣ вѣры христіанина.

Изъ прошедшей передъ нашими глазами дѣятельности Фенелона не трудно было уяснить сущность его педагогическихъ принциповъ, и мы лишь вкратцѣ изложимъ основныя черты этого педагогическаго ученія. Не слѣдуетъ насиловать природы ребенка и мѣшать ей естественному развитію, а напротивъ, воспитаніе и образованіе правораивлять къ этому естественному развитію и лучше меньше сообщать, чѣмъ несвоевременной поспѣшностью испортить дѣло природы. Нужно устранять дурныя вліянія, наблюдать за образованіемъ впечатлѣній и развитіемъ страстей и дѣйствовать при этомъ такимъ образомъ: любовно и терпѣливо наблюдать за первыми движеніями дѣтской души, соразмѣрять каждый свой шагъ, сообразно съ дѣтской природой; разумно распределять время игры и работы; не нагромождать приказаній; не поощрять и не награждать тѣмъ, что можетъ сдѣлаться цѣлью особеннаго желанія; во всемъ показывать ребенку собственный примѣръ; наказывать съ крайнею осторожностью, объясняя при этомъ ребенку каждый разъ причину наказанія, такъ чтобы дитя самъ извелъ себя изъ наказанія полезный нравственный урокъ. Обученіе ребенка должно быть приурочено къ его повседневному опыту и ни въ какомъ случаѣ не должно носить абстрактнаго характера. Простотой и умирностью долженъ отличаться весь жизненный строй ребенка, что про-

тиводѣствуетъ развитію опасныхъ страстей и т. д. Что касается совѣтовъ относительно собственно женскаго воспитанія, то они отличаются удивительнымъ знаніемъ женской природы и здравымъ, практическимъ взглядомъ на роль женщины въ общественной жизни и настоятельно указываютъ на то важное значеніе, какое имѣетъ воспитаніе женщины. По мнѣнію Фенелона, дѣвушка главнымъ образомъ должна обучаться тому, что соответствуетъ ея назначенію въ жизни. Она должна приобрести свѣдѣнія, какъ воспитывать дѣтей, мальчиковъ до школьнаго періода, дѣвочекъ до выхода замужъ, какъ вести хозяйство, управлять домомъ, имѣніемъ, слугами и пр. Помимо этихъ обязательныхъ для дѣвушки свѣдѣній, Фенелонъ считаетъ полезнымъ, чтобы дѣвушки занимались изученіемъ образцовыхъ произведеній поэзіи, знали важнѣйшія событія римской, греческой и отечественной исторіи, учились музыкѣ и живописи, особенно послѣдней, такъ какъ она развиваетъ вкусъ къ изящному, а это такъ необходимо въ домашнемъ быту. Свои совѣты авторъ «Education» заключаетъ такимъ положеніемъ: чему бы ни училась дѣвушка, необходимо обращать вниманіе на ея общественное положеніе, происхожденіе и тотъ родъ жизни, какой ей предстоитъ; при чемъ нужно заботиться о томъ, чтобы уберечь дѣвушку отъ надеждъ, стремленій и вкусовъ, превышающихъ ея состояніе.

Голоса въ пользу равноправности женскаго и мужскаго пола въ области научнаго образованія стали раздаваться слишкомъ рано и въ XVII вѣку вызвали, между прочимъ и во Франціи, стремленіе женщинъ къ образованію, одинаковому съ мужчинами. Сначала это стремленіе было направлено главнымъ образомъ на литературныя занятія; при этомъ особенно цѣнилось изящество формы, которое видѣли въ напыщенныхъ стихахъ и изысканныхъ выраженіяхъ. Отъ формы напыщенности и искусственности перешла и въ жизнь и породила тотъ сортъ жеманницъ, которыхъ такъ ядовито осмѣялъ Мольеръ въ своихъ «Précieuses ridicules». Сатира имѣла своимъ результатомъ обращеніе этихъ жеманницъ къ серьезнымъ

научнымъ занятіямъ: появились тѣ «Femmes savantes», которыхъ нашли своего обличителя въ томъ же Мольерѣ. Къ сатирику прикнулъ и педагогъ, и въ своей книгѣ, посвященной женскому образованію, рѣзко высказался противъ этой крайности, доказавши всю несостоятельность этого увлеченія со всѣмъ свойственнымъ ему знаніемъ женской природы.

Съ другой стороны, эта «ученость» отдѣльныхъ женщинъ несколько не способствовала подъему общаго уровня женскаго образованія въ странѣ, который былъ попрежнему низокъ. Дѣвушекъ попрежнему отсылали въ монастырь для приготовленія къ первому причастію, и если бы не эта благочестивая цѣль, то онѣ были бы лишены и тѣхъ скромныхъ познаній, которыя сообщилъ имъ монастырь. По свѣдѣніямъ, которыя даетъ намъ М-ше Сампан, молодую дѣвушку посылали въ монастырь на одинъ годъ, въ теченіе котораго она должна была основательно изучить катехизисъ, хотя въ большинствѣ случаевъ было въ обычаѣ отдавать дѣвочекъ въ монастыри съ самаго ранняго возраста и до восемнадцати лѣтъ. Образованіе, которое онѣ при этомъ получали, было настолько ничтожно, что дѣвушка часто выходила изъ монастыря неграмотной. Режимъ отдѣльныхъ монастырей отличался большимъ разнообразіемъ: между тѣмъ какъ въ однихъ шла монотонная, умственно бѣдная жизнь, при столь же бѣдной, — обыкновенно, грязной виѣшней обстановкѣ, — другіе блистали роскошью и веселіемъ. Поступавшія сюда богатые воспитанницы не чувствовали строгости монастырскаго устава, имѣли свои собственныя помѣщенія, свои «салоны» и свою прислугу. По описанію М-ше Сампан, въ одномъ изъ такихъ монастырей во Фландріи дѣвушки старались перещеголять одна другую роскошью своихъ помѣщеній и нарядовъ; изъ Парижа сюда наѣзжали торговцы модными товарами; мужчины толпились у рѣшетки монастырскаго приѣмнаго и пріучали юныхъ воспитанницъ къ непринужденному обращенію въ обществѣ.

Книга Фенелона обратила вниманіе и на этотъ вопросъ и нанесла тяжелый ударъ обычаю посылать дѣвушекъ въ монастыри. Благодаря тому рѣзкому приговору, который Фене-

ловъ произнесъ надъ монастырскимъ воспитаніемъ, французское общество сразу стало по отношенію къ нимъ въ отрицательное настроеніе. При дворѣ Людовика XIV это настроеніе привело къ практическому осуществленію идеи свѣтскаго воспитательнаго и образовательнаго учрежденія, а именно къ основанію фавориткой короля М-ме Ментенонъ знаменитаго Сень-Сирскаго института, послужившаго между прочимъ прототипомъ и нашихъ русскихъ институтонъ. При устройствѣ этого знаменитаго заведенія за основаніе были приняты главнымъ образомъ тѣ принципы, которые высказываетъ Фенелонъ въ своемъ «Education des filles» относительно воспитанія дѣвочекъ.

Вотъ какъ описывается этотъ институтъ у Грезара: «Ничто, касающееся дѣтей, не оставалось для нея (М-ме Ментенонъ, — основательницы) безразличнымъ; она заботилась о ихъ столѣ такъ же, какъ и о ихъ классной программѣ; о ихъ физическомъ развитіи такъ же, какъ объ образованіи ихъ характера. Она часто вступала также съ ними въ бесѣды; она знала и прошлое каждой ученицы, и ея умственные способности, и ея взгляды и всегда давала подходящій совѣтъ. Ее не только привлекали достоинства ея ученицъ, но она любила все въ дорогихъ для нея дѣвочкахъ: ихъ добродѣтели и ихъ недостатки, ихъ усилія и неудачи, ихъ работы, ихъ игры и все ихъ самые мельчайшіе интересы. Она переступала порогъ Сень-Сира съ рѣшимостью внести съ собою свѣтлый лучъ хорошаго настроенія... Она не отступала ни передъ какими рѣшеніями, ни передъ какими жертвами, — даже если дѣло шло о ея личныхъ взглядахъ, — чтобы только обезпечить счастье своихъ ученицъ. Эти дѣти, взятія ею изъ скромной среды, легко могли увлекаться блестящими надеждами; но м-ме Ментенонъ безжалостно разбивала ихъ. Если въ этомъ противодѣйствіи она и заходила слишкомъ далеко, то все же ко всемъ ея ошибкамъ и опасеніямъ примѣшивалась значительная доза здраваго смысла. Никто, быть можетъ, не чувствовалъ живѣе ея той опасности, которая вытекала изъ несоотвѣстности между воспитаніемъ молодой дѣвушки и судьбой,

ожидавшей ее въ такомъ обществѣ, гдѣ все зависѣло отъ рожденія и богатства. «Надо воспитывать вашихъ мѣщанокъ, какъ мѣщанокъ», писала она: «ихъ ожидаетъ скромная и уединенная провинціальная жизнь, всецѣло посвященная хозяйству, заботамъ объ управленіи небольшимъ состояніемъ, воспитанію дѣтей и надзору за прислугой». Вотъ что составляло предметъ большей части ея бесѣдъ. Она старалась заставить своихъ ученицъ смотрѣть на это будущее свѣтло и спокойно; она показывала имъ его серьезна и привлекательна стороны; она заинтересовывала въ немъ ихъ сердца и ихъ разумокъ; она хотѣла, чтобы ея воспитанницы отличались между всѣми другими по своей простотѣ, въ одно и то же время и привлекательной и сильной. Даже въ благочестіи, которое она считала основаніемъ добродѣтели, она избѣгала утонченности, излишнихъ мудрствованій, ложной стыдливости и витіеватыхъ проповѣдей. «Институтъ, — говорила она, — предназначается не для молитвъ, а для занятій». Она сама называла его «своего рода гимназіей». Это стремленіе приготовить дѣтей къ жизни, соединявшееся, особенно вначалѣ, съ яснымъ пониманіемъ потребностей дѣтскаго возраста, ставить мадамъ Ментенонъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ число лицъ, содѣйствовавшихъ освобожденію женскаго воспитанія¹⁾.

Книга Фенелона представляетъ собою первую цѣльную и законченную систему женскаго воспитанія, и притомъ настолько совершенную, что она не утратила своего значенія и до настоящаго времени. Въ теченіе слѣдующаго за ея появленіемъ XVIII столѣтія она всегда обращала на себя взоры всѣхъ тѣхъ, кто писалъ о воспитаніи, а ближайшіе послѣдователи автора настолько внимательно ее читали, что цѣлкомъ заимствовали изъ нея свои педагогическія мысли²⁾.

¹⁾ Gréard, Education et instruction, t. I. Paris 1880.

²⁾ Это особенно рѣзко наблюдается у М-ме de Lambert въ ея «Costruzione d'una matrona o воспитаніи дочерей» и у Руссо въ его «Эмилѣ».

Если время изменило условия жизни человека, если намъ, эпигонамъ, и могутъ казаться устарѣлыми нѣкоторыя мѣста этого знаменитаго сочиненія, то въ немъ все же остается много здраваго и имѣющаго глубокой педагогическій смыслъ. Многя мысли книги кажутся до того свѣжими, имѣющими столь живое и насущное значеніе, что и теперь, по прошествіи двухъ столѣтій, она имѣетъ большую педагогическую цѣну.

ГЛАВА I.

Важность воспитанія дѣвицъ.

Ни къ чему не относятся такъ небрежно, какъ къ воспитанію дѣвицъ; произволь и капризъ матерей имѣетъ тутъ очень часто рѣшающее значеніе. Обыкновенно полагаютъ, что для дѣвушекъ достаточно образованія самаго ничтожнаго¹⁾. Воспитаніе мальчиковъ считается одною изъ важнѣйшихъ заботъ по отношенію къ общественному благу, и хотя въ этомъ случаѣ происходитъ не менѣе ошибокъ, чѣмъ при воспитаніи дѣвочекъ, однако всѣ убѣждены въ томъ, что для успѣха въ этомъ дѣлѣ требуется много свѣдѣній. Самые талантливые люди пытались установить опредѣленные правила по этому предмету. Явилось много учителей и учебныхъ заведеній. Огромныя средства тратятся на изданіе книгъ, на научныя изслѣдованія, на открытія новыхъ методовъ изученія языковъ, на выборъ учителей. Хотя эти заботы отличаются скорѣе наружнымъ блескомъ, чѣмъ основательностью, однако онѣ указываютъ на то высокое значеніе, которое общество придаетъ мужскому образованію. Говорить, что дѣвушкамъ не нужна ученость, потому что она дѣлаетъ ихъ тщеславными и неестественными²⁾; достаточно, если онѣ сумѣютъ вести свое повседневное хозяйство и будутъ безпрекословно подчиняться мужу. При этомъ обыкновенно приводятъ въ примѣръ многихъ женщинъ, которыхъ ученость сдѣлала смѣшными, и послѣ этого уже считаютъ себя въ правѣ слѣпо поручать дочерей руководству ихъ невѣжественныхъ и безразсудныхъ матерей.

Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ опасаться, чтобы изъ дѣвушки не вышло такой ученой, которая въ глазахъ другихъ была бы смѣшна. Женщины обладаютъ обыкновенно умомъ болѣе слабымъ и болѣе пытливымъ, чѣмъ мужчины; поэтому совершенно неумѣстно вовлекать ихъ въ изученіе такихъ предметовъ, которые могутъ вскружить имъ голову. Имъ не придется управлять государствомъ, вести войны, или идти по духовному вѣдомству. Такимъ образомъ онѣ могутъ обойтись безъ подробнаго знакомства съ тѣмъ, что относится къ области политики, военного искусства, юриспруденціи, философіи, богословія. Точно такъ же большая часть искусствъ техническихъ къ нимъ не подходитъ: онѣ созданы для занятій, не требующихъ большого усилія. Ихъ тѣло и духъ менѣе сильны и устойчивы, чѣмъ тѣло и духъ мужчинъ; взаимно этого природа надѣлила ихъ усидчивостью, бережливостью и аккуратностью, чтобы онѣ могли скромно заниматься у себя дома.

Но что же вытекаетъ изъ естественной слабости женщины? Чѣмъ онѣ слабѣе, тѣмъ болѣе онѣ нуждаются въ подкрѣпленіи. Развѣ не на нихъ лежатъ тѣ обязанности, которыя составляютъ основу всей человѣческой жизни? Не женщина ли разоряетъ или же поддерживаетъ домъ, не она ли управляетъ всѣми мелочами домашней жизни, и, слѣдовательно, не отъ нея ли зависятъ все то, что ближе всего касается рода человѣческаго вообще? Благодаря этому, именно женщина и оказываетъ рѣшающее вліяніе на нравы всего міра, какъ хорошіе, такъ и дурные. Женщина разсудительная, рачительная и глубоко религіозная есть душа цѣлой семьи: она печется о благахъ земныхъ, равно какъ и о спасеніи души. Мужчина, пользующійся авторитетомъ въ обществѣ, не можетъ своими собственными средствами устроить надлежащаго благосостоянія своей семьи, если женщина тому не содѣлываетъ.

Мірѣ не приракъ; онъ не что иное, какъ совокупность множества отдѣльныхъ семей. Кто же, какъ не женщины могутъ столь заботливо и исправно управлять ими, — какъ не женщины, которыя, кромѣ своего естественнаго вліянія и усердія, обла-

даютъ врожденной заботливостью, внимательностью къ мелочамъ, изобрѣтательностью, способностью убѣждать и во все входить? И можетъ ли мужчина ожидать лично для себя радостей изъ жизни, если въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу онъ найдетъ лишь одни огорченія? Что станетъ съ дѣтми, нашимъ будущимъ поколѣніемъ, если матери будутъ портить ихъ съ самихъ раннихъ лѣтъ?

Вотъ занятія женщины, которыя не менѣе важны для общества, чѣмъ занятія мужчины, такъ какъ женщина должна управлять домомъ, составлять счастье мужа и хорошо воспитывать своихъ дѣтей. Прибавьте къ этому, что добродѣтель; такъ же необходима для женщины, какъ и для мужчинъ; но не говоря уже о томъ благѣ или злѣ, которое женщинамъ могутъ принести обществу, — онѣ суть половина рода человѣческаго, искупленная кровью Іисуса Христа и предназначенная къ жизни вѣчной.

Наконецъ, кромѣ пользы, приносимой женщинами, хорошо воспитанными, надо принять въ соображеніе и то зло, которое онѣ причиняютъ обществу, если имъ не достаеетъ воспитанія, видѣющаго въ нихъ добродѣтель. Дурное воспитаніе женщинъ несомнѣнно дѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ дурное воспитаніе мужчинъ, потому что самые недостатки мужчинъ происходятъ обыкновенно въ силу дурнаго воспитанія, полученнаго ими отъ матерей, или являются слѣдствіемъ тѣхъ увлеченій другими женщинами, въ которыя они впадаютъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

Какія интриги предстаютъ передъ нами въ исторіи, какое поправленіе законовъ и нравовъ, какія кровавыя войны, перемѣны религій, наконецъ, какіе государственные перевороты, коихъ причиною бывала распущенность женщинъ! Вотъ что свидѣтельствуетъ о важности хорошаго воспитанія для дѣвушки. Постараемся же изыскать къ тому способы.

ГЛАВА II. X

Недостатки обычнаго воспитанія.

Отсутствіе знаній бываетъ причиною того, что дѣвушка скучаетъ и не можетъ подыскать себѣ настоящаго дѣла. Достигнувъ извѣстнаго возраста и не привыкнуши сосредоточиваться на серьезныхъ предметахъ, дѣвушка не можетъ имѣть къ нимъ ни влеченія, ни уваженія. Все, что серьезно, ей кажется скучнымъ; все, что требуетъ постояннаго вниманія, утомляетъ ее; склонность къ удовольствіямъ, столь сильная въ молодости, примѣръ сверстницъ, поглощенныхъ удовольствіями, — все это заставляеть дѣвушекъ бояться правильной и трудолюбивой жизни. Въ этомъ раннемъ возрастѣ дѣвушкѣ недостаетъ ни опытности, ни вліянія, чтобы распорядиться хоть чѣмъ-нибудь въ домѣ своихъ родителей. Она даже не понимаетъ, насколько важно примѣниться ко всему этому, если только мать не позаботится посвятить ее во все это подробно. Если она принадлежитъ къ богатой семьѣ, то ей нѣтъ нужды въ ручномъ трудѣ; она будетъ работать только нѣсколько часовъ въ день, и то потому, что принято, не сознавая причинъ, говорить, что женщины слѣдуетъ работать. Обыкновенно это только дѣлается для виду и несколько не приучаетъ ее къ послѣдовательному труду.

Чѣмъ же остается заниматься дѣвушкѣ при этихъ условіяхъ? Общество матери, которая постоянно слѣдитъ за ней, бранить ее, воображаетъ, что, не спуская ей ничего, она ее хорошо воспитываетъ, притворяется передъ ней, заставляеть ее терпѣть отъ того, что она сама не въ духѣ, и предстаетъ передъ ней всегда поглощенной домашними заботами, — такое общество стѣсняетъ и отталкиваетъ дѣвушку. И вотъ ее отовсюду окружають женщины льстивыя, которыя стараются вкратъ въ ея довѣріе, угождая ей низкими и вредными средствами, потакають всѣмъ ея затѣямъ, занимають ее разговорами обо всемъ, что можетъ отвратить ее отъ добра; обязан-

ности по отношенію къ религіи кажутся ей дѣломъ скучнымъ и помѣхой во всѣхъ удовольствіяхъ. Займется ли она тогда чѣмъ-нибудь полезнымъ? Конечно, нѣтъ: бездѣйствіе обратится у нея въ неискоренимую привычку.

Рождается пустота, которую нельзя заполнить ничѣмъ серьезнымъ, а рядомъ съ нею занимаетъ мѣсто и легкомысліе. Въ праздности дѣвушка предается лѣни, и эта лѣнь, какъ слабость души, есть неизсякаемый источникъ скуки. Дѣвушка привыкаетъ спать на цѣлую треть болѣе, чѣмъ то необходимо для сохраненія здоровья. Такой сонъ только расслабляетъ ее, изнѣживаетъ и располагаетъ къ тѣлеснымъ недугамъ, тогда какъ сонъ умѣренный, вмѣстѣ съ правильными движеніями, дѣлаетъ человека веселымъ, добрымъ и крѣпкимъ, и все это, безъ сомнѣнія, должнымъ образомъ совершенствуетъ тѣло, не говоря уже о выгодахъ, которыя извлекаеть при этомъ умъ. Эта изнѣженность и праздность, въ соединеніи съ недостаткомъ образованія, рождаетъ пагубную склонность къ различнымъ развлеченіямъ и зрѣлищамъ, которыя развивають нескромное и неумѣренное любопытство.

Люди образованные и занятые серьезнымъ соблюдаютъ должную мѣру любопытства. Свѣдѣнія, которыми они обладаютъ, даютъ имъ возможность пренебрегать тѣмъ, чего они не знаютъ. Такіе люди ясно видятъ безволезность и смѣшную сторону предметовъ, которые такъ спѣшатъ изучать люди невѣжественные и праздные.

Напротивъ, дѣвушки, дурно воспитанныя и ничѣмъ не занятія, обладаютъ блуждающимъ воображеніемъ. За недостаткомъ серьезной пищи ихъ воображеніе съ увлеченіемъ обращается на вещи пустыя или опасныя. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ есть природный умъ, становятся неестественными и читають всякія книги, которыя могутъ дать пищу ихъ суетности. Такія дѣвушки зачитываются романами, комедіями, рассказами и издѣливыми приключеніями, въ которыхъ непремѣнно привѣшана грубая любовь. Онѣ приобрѣтають мечтательный умъ, привыкають къ напыщенному языку героевъ этихъ романовъ и черезъ это становятся непригодными для жизни, ибо всѣ

эти прекрасныя воображаемыя страсти, всѣ эти приключенія, придуманныя авторомъ ради удовольствія читателей, не имѣютъ ничего общаго ни съ истинными причинами, двигающими и рѣшающими всѣ мірскія дѣла, ни съ тѣми разочарованіями, которыми встрѣчаются намъ на жизненномъ пути.

Бѣдная дѣвушка, полная очарованія отъ тѣхъ чудесъ, которыми такъ плѣнили ее во время чтенія, бываетъ очень удивлена, не находя въ дѣйствительности людей, похожихъ на этихъ героевъ: ей хотѣлось бы жить, какъ всѣ эти воображаемыя принцессы романовъ, всегда прелестныя, среди всеобщаго поклоненія, стояща выше мірскихъ заботъ. Какъ противно будетъ ей потомъ спуститься до мелочей хозяйства³⁾!

Нѣкоторыя въ своемъ суетномъ любопытствѣ идутъ еще далѣе и вмѣшиваются даже въ религиозныя вопросы, хотя и не въ состояніи о нихъ судить. Тѣ же изъ нихъ, которыя не имѣютъ достаточнаго развитія для подобныхъ интересовъ, обращаютъ свое любопытство на другіе, болѣе доступные предметы: онѣ страстно желаютъ знать, кто что говоритъ и что дѣлаетъ, узнать какую-нибудь шансонетку, новость, силетню; получить письмо или хоть чужое прочесть; хотѣть, чтобы имъ все сообщали, равно и сами стремятся все высказать; онѣ пусты, — и это дѣлаетъ ихъ болтливыми; онѣ легкомысленны, а легкомысліе мѣшаетъ размышленіямъ, помогающимъ подчасъ сохранять молчаніе⁴⁾.

ГЛАВА III.

Главные основы воспитанія.

Воспитаніе дѣвушекъ можно начать съ самаго ранняго возраста; и это большое преимущество, которое является на помощь такой бѣдѣ. Этотъ нѣжный возрастъ, когда воспринимаются самыя сильныя впечатлѣнія, остающіяся на всю последующую жизнь, обыкновенно взвѣряютъ женщинамъ нескромнымъ и часто безнравственнымъ.

Подготовлять дѣтей къ обученію можно начать раньше, чѣмъ они научатся говорить; пожалуй, найдутъ, что я слишкомъ увлекаюсь; но нужно внимательно присмотрѣться къ тому, что происходитъ въ ребенкѣ, который еще не говоритъ: онъ изучаетъ языкъ, на которомъ скоро будетъ говорить правильно, чѣмъ ученые говорятъ на мертвыхъ языкахъ, которые они изучаютъ съ такимъ трудомъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Но въ чемъ же состоитъ изученіе языка? Это не есть заповѣданіе массы словъ, — это, какъ говоритъ св. Августинъ⁵⁾, есть еще вниманіе въ смыслъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Дѣти, говоритъ онъ, во время своихъ игръ и криковъ принимаютъ, какую вещь обозначаетъ каждое слово: они дѣлаютъ это, то наблюдая за естественными движеніями тѣла при дотрогиваніи или показываніи вещей, о которыхъ говорить, то поражааясь частымъ повтореніемъ какого-нибудь одного слова при обозначеніи одной и той же вещи. Правда, что по самому своему складу дѣтскій мозгъ обладаетъ свойствомъ удивительно легко воспринимать всѣ эти обозначенія, но какое же умственное напряженіе нужно для ихъ различенія и для того, чтобы привести съ ними въ связь обозначаемые ими предметы!

Замѣйте, что уже съ этого возраста дѣти предпочитаютъ тѣхъ, которые имъ потакаютъ, а избѣгаютъ тѣхъ, которые имъ противорѣчатъ. Посмотрите, какъ они во-время ужѣются закричать или замолчать, желая что-нибудь получить: сколько уже у нихъ лукавства и зависти! „Я видѣлъ, — говоритъ св. Августинъ⁶⁾, — завистливаго ребенка: онъ еще не умѣлъ говорить, но уже съ лицомъ блѣднѣнъ и полными гнѣва глазами онъ смотрѣлъ на дитя, которое сосало ту же самую грудь“.

Уже изъ одного этого видно, что дѣти съ этого самаго возраста начинаютъ понимать болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Поэтому вы можете при помощи словъ, сопровождаемыхъ жестами и звуками, внушить имъ стремленіе быть чаще съ людьми честными и добродѣтельными, которыхъ они видятъ, чѣмъ съ людьми неблагоразумными, любить которыхъ было бы для нихъ опасно; точно такъ же, измѣняя выраже-

ніе лица и интонацію голоса, вы можете отвратить ихъ отъ тѣхъ, кого они видѣли въ гнѣвѣ или въ какомъ-нибудь другомъ безпорядочномъ состояніи, и наоборотъ — принимая нѣжное выраженіе лица и ласковый тонъ, вы можете изобразить въ привлекательномъ свѣтѣ тѣхъ, кого они видѣли скромными и разсудительными.

Я не придаю этимъ мелочамъ особенно важнаго значенія, однако же этими начальными приемами не слѣдуетъ пренебрегать, и приемъ надалека предупреждать дурное въ дѣтяхъ имѣеть за собой часто огромныя преимущества, которыя очень и очень облегчаютъ дѣло воспитанія впоследствии.

Если кто сомнѣвается въ томъ могущественномъ вліяніи, которое имѣютъ полученныя въ дѣтствѣ представленія, тому стоитъ только вспомнить, какъ живы и дороги бывають воспоминанія о любимыхъ предметахъ въ зрѣлые годы. Если бы вмѣсто того, чтобы внушать дѣтямъ напрасный страхъ къ привидѣніямъ и духамъ, который чрезмѣрными потрясеніями можетъ только ослабить ихъ еще нѣжный мозгъ; если бы вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ слѣдовать своимъ наклонкамъ въ различеніи того, что любить и чего избѣгать, давали имъ пріятное представленіе о добрѣ и ужасное о злѣ, то этия облегчили бы имъ впоследствии осуществленіе всѣхъ добродѣтелей. Наоборотъ, дѣтей пугають священниками, одѣтыми въ черное; о смерти имъ говорятъ только съ тѣмъ, чтобы пугать ихъ; имъ рассказываютъ о томъ, что мертвые являются по ночамъ, принимая страшные образы. Все это въ концѣ концовъ дѣлаеть душу ребенка слабой и робкой и предубѣждаетъ ее противъ многого хорошаго и возвышеннаго.

Самое важное въ раннемъ дѣтствѣ это заботиться о здоровьи ребенка и стараться посредствомъ выбора пищи и правильнаго образа жизни предупреждать возбужденіе крови. Другими словами, слѣдуетъ регулировать его ѣду такъ, чтобы онъ ѣлъ всегда приблизительно въ одни и тѣ же часы. Пусть ребенокъ ѣсть достаточно часто, сообразно со своимъ потребностями, но внѣ установленнаго часа онъ не долженъ ѣсть, ибо это означило бы отягощать желудокъ въ то время, когда

пищевареніе еще не кончено. Ребенокъ не долженъ ѣсть ничего изысканнаго и возбуждающаго аппетитъ сверхъ мѣры: это отвратило бы его отъ пищи болѣе полезной для его здоровья; затѣмъ не слѣдуетъ допускать большого разнообразія въ пищѣ ребенка, ибо много питательныхъ блюдъ, появляющихся одно за другимъ, заставляютъ ребенка ѣсть, когда настоящей голодь уже утоленъ.

Затѣмъ важно также дать органамъ ребенка укрѣпиться, не обременяя его чрезмѣрно ученіемъ, избѣгать всего возбуждающаго страсти и незамѣтно приучить ребенка къ лишенію того, къ чему онъ выразилъ слишкомъ большое стремленіе, чтобы онъ никогда не надѣялся навѣрное получить то, чего онъ страстно желаетъ³⁾.

Какъ бы мало ни было хорошаго въ самой природѣ дѣтей, однако ихъ можно сдѣлать послушными, терпѣливыми, твердыми, веселыми и спокойными; наоборотъ, если оставить безъ вниманія эти первые дѣтскіе годы, дѣти на всю жизнь становятся нелкими и безпокойными, ихъ кровь кипитъ⁴⁾, образуются привычки; ихъ еще нѣжное тѣло и душа неустойчиваа болѣе склоняются ко злу, и въ нихъ происходитъ какъ бы вторично первобытный грѣхъ, который является источникомъ заблужденій всей ихъ послѣдующей жизни.

Когда дѣти подрастуть, и ихъ умъ волюнѣ разовьется, надо стараться, чтобы все, что имъ говорится, заставляло ихъ любить истину и внушало отвращеніе ко лжи. Поэтому не надо прибѣгать ни къ какой хитрости, чтобы ихъ усмирить или убѣдить въ желаемомъ; это приучаетъ ихъ къ хитрости, которой они никогда не забудутъ; по возможности же слѣдуетъ дѣйствовать на нихъ разумомъ.

Разсмотримъ теперь поближе свойства дѣтскаго возраста, чтобы подробно узнать, что именно имъ соответствуетъ. Дѣтскій мозгъ еще нѣженъ и твердѣеть съ каждымъ днемъ; что касается до развитія ребенка, то онъ ничего еще не знаетъ: все для него ново. Эта нѣжность мозга служитъ причиною того, что въ немъ все легко запечатлѣвается, а неожиданность новизны заставляеть его всѣмъ восхищаться и развиваеть

къ немъ любопытство. Очевидно, эта влажность и мягкость мозга, при его высокой температурѣ, обуславливаютъ въ ребенкѣ наклонность къ постоянному движенію. Отсюда истекаетъ та дѣтская подвижность, въ силу которой дѣти не могутъ долго сосредоточивать своего вниманія на какомъ-нибудь одномъ предметѣ, равно какъ не могутъ по долгу сидѣть на одномъ мѣстѣ.

Съ другой стороны, дѣти, не привыкнувъ еще самостоятельно дѣйствовать или мыслить, принимаютъ однако все, хотя говорить еще мало, если только взрослые не приучаютъ ихъ болтать, чего такъ надо остерегаться. Забава, которую допускаютъ взрослые съ интереснымъ ребенкомъ, его портитъ; дѣти привыкаютъ дѣлать все, что имъ придетъ въ голову, и говорить о вещахъ, о которыхъ они не имѣютъ яснаго представленія; у нихъ на всю жизнь остается привычка судить поспѣшно и говорить о предметахъ, имъ неизвѣстныхъ, а это даетъ уму дурное направленіе^{*)}.

Эта забава, которую для своего удовольствія позволяютъ себѣ взрослые съ дѣтми, имѣетъ на нихъ пагубное вліяніе: ребенокъ видитъ, что имъ любятъ, смотрятъ на все, что онъ дѣлаетъ, охотно его слушаютъ, и привыкаетъ думать, что весь свѣтъ всегда будетъ интересоваться имъ однимъ.

Вотъ въ этомъ-то возрастѣ, когда ребенокъ встрѣчаетъ всеобщее поклоненіе, не видитъ никакого противорѣчія, и слагаются тѣ несбыточныя надежды, которыя служатъ источникомъ безконечныхъ разочарованій въ теченіе всей послѣдующей жизни. Мнѣ приходилось видѣть дѣтей, которыя всегда воображали, что говорить о нихъ, если только при нихъ говорили по секрету, такъ какъ они замѣтили, что это часто бывало на самомъ дѣлѣ. Они воображали, что все въ нихъ необыкновенно и достойно удивленія. Поэтому, слѣдуетъ, конечно, заботиться о дѣтахъ, но не пужно давать имъ замѣтить, что о нихъ слишкомъ много думаютъ. Дайте имъ понять, что вы обращаете вниманіе на ихъ поведеніе только изъ любви къ нимъ или изъ желанія направить ихъ на путь истинный, а вовсе не потому, чтобы восхищаться ихъ умомъ.

Довольствуйтесь естественно являющейся возможностью постепенно развивать ребенка; и если вы даже въ состояніи сильно подвинуть впередъ его развитіе, не слишкомъ утруждая его, вы все-таки должны опасаться этого, ибо опасность сдѣлать его тщеславнымъ и надменнымъ всегда больше, чѣмъ то скороспѣлое развитіе, которому такъ много удивляются.

Достаточно слѣдовать природѣ и помогать ей¹⁸⁾. Дѣти знаютъ еще очень мало, и ихъ не слѣдуетъ возбуждать къ большимъ разговорамъ; но такъ какъ они о многихъ вещахъ вовсе не имѣютъ понятія, то у нихъ является потребность задавать много вопросовъ; въ этихъ случаяхъ достаточно отвѣтить имъ на ихъ вопросъ точно, прибавляя иногда небольшія сравненія, чтобы объясненіе стало болѣе нагляднымъ. Если дѣти начинаютъ судить о предметахъ, мало имъ знакомыхъ, слѣдуетъ неожиданно задать имъ нѣкоторые новые вопросы съ тою цѣлью, чтобы дать имъ почувствовать ихъ ошибку, но при этомъ не нужно слишкомъ рѣзко приводить ихъ въ смущеніе. Въ то же время, не прибѣгая къ пустымъ похваламъ, а явно показывая свое уваженіе, слѣдуетъ давать понять дѣтямъ, что къ нимъ относятся съ большимъ одобреніемъ, когда они высказываютъ сомнѣніе и разспрашиваютъ о томъ, чего не понимаютъ, вмѣсто того, чтобы рѣшать это по собственному разумію. Это вѣрный способъ, не оскорбляя самолюбія дѣтей, внушить имъ истинную скромность и полное нерасположеніе къ тѣмъ спорамъ, которые столь свойственны малоразвитымъ юношамъ.

Когда станетъ замѣтно, что ихъ мышленіе сдѣлало нѣкоторый шагъ впередъ, надо употребить хотя бы слѣдующій приемъ, чтобы предохранить ихъ отъ самоувѣрія: «Вы видите», скажете вы имъ, «что теперь вы болѣе разсудительны, чѣмъ были въ прошломъ году; за годъ вы достигнете многое, о чемъ теперь на имѣете еще никакого понятія. Если бы въ прошломъ году вы стали судить о томъ, что вы знаете теперь и чего не знали тогда, вы судили бы невѣрно, и вамъ причинило бы вредъ стремленіе судить о вещахъ, которыя выше нашего пониманія; и теперь, конечно, есть вещи, съ которыми

вамъ когда-нибудь придется познакомиться; со временемъ вы увидите, сколь несовершенны ваши теперешніи сужденія о нихъ. Поэтому слѣдуйте совѣтамъ тѣхъ людей, которые судить такъ, какъ и вы будете судить, когда будете ихъ возраста и опытности».

Дѣтское любопытство есть природная склонность, которая всегда идетъ какъ бы навстрѣчу воспитанію. Не упускайте возможности пользоваться ею¹¹⁾. Напримѣръ, въ деревнѣ дѣти видятъ мельницу и хотятъ знать, что это такое. Надо показать имъ, какъ готовится пища человѣка. Видятъ дѣти жнецовъ — надо объяснить имъ, что они дѣлаютъ, какъ сѣется хлѣбъ, какъ онъ произрастаетъ въ землѣ и пр. Въ городѣ ребенокъ видитъ мастерскія и лавки, въ которыхъ производятся и продаются различные предметы, — и вамъ никогда не надо тяготиться ихъ распросами; вѣдь это есть способъ, предоставляемый вамъ самой природой, дабы облегчить вамъ дѣло воспитанія. Старайтесь при этомъ показывать имъ, что ихъ вопросы доставляютъ вамъ удовольствіе, и такимъ образомъ вы незамѣтно покажете имъ, какъ производится потребные для человѣка предметы, составляющіе основу торговли. Мало-по-малу, безъ особаго изученія, они узнаютъ наилучшій способъ производства вещей, необходимыхъ для ихъ домашнего обихода, и воймутъ настоящую цѣну каждой вещи, а это и есть основа разумной расчетливости. Эти свѣдѣнія, которыми никто не долженъ пренебрегать, если не хочетъ, чтобы его обманывали при расходахъ, особенно необходимыми для дѣвушки.

ГЛАВА IV.

Какого именно подражанія слѣдуетъ бояться.

Дѣти имѣютъ мало познаній; въ ихъ мозгу ничего еще не запечатлѣлось, не сложились твердыя привычки, и это дѣлаетъ ихъ воспримчивыми и слонными подражать всему, что

они видятъ. Вотъ почему важно, чтобы они имѣли передъ глазами только хорошіе примѣры. Надо ставить ихъ въ общеніе лишь съ такими людьми, примѣру которыхъ полезно слѣдовать. Но такъ какъ, несмотря ни на какія предосторожности, иногда нельзя скрыть отъ дѣтей нѣкоторыя непристойности, то слѣдуетъ, какъ можно раньше, дать понять дѣтямъ грубость нѣкоторыхъ безнравственныхъ и порочныхъ людей, репутація которыхъ падать уже нечего; надо показать дѣтямъ, какъ справедливо презираютъ этихъ людей, какъ ничтожны всѣ тѣ, которые предаются страстямъ и не заботятся о развитіи разума¹²⁾. Такимъ образомъ, не приучая дѣтей къ насмѣшкамъ, можно развить въ нихъ вкусъ и сдѣлать ихъ чуткими къ истинной благопристойности. Слѣдуетъ даже, не задумываясь, указывать имъ на нѣкоторые важные пороки, хотя бы это могло открыть имъ глаза на слабости людей, которыхъ они должны уважать: вѣдь не можемъ же мы надѣяться скрыть отъ нихъ дѣйствительность, да и не должны стараться держать ихъ въ невѣдѣніи относительно истинныхъ правилъ нравственности. Къ тому же, наилучшее средство внушить дѣтямъ должныя отношенія къ окружающимъ, — это убѣдить ихъ въ томъ, что необходимо переносить недостатки ближнихъ, что не слѣдуетъ судить легко о людяхъ, что недостатки ихъ иногда кажутся большими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, и искушаются другими хорошими качествами, что на свѣтѣ все несовершенно, и уже тѣ, у кого мало недостатковъ, заслуживаютъ полнаго сочувствія. Конечно, подобныя наставленія слѣдуетъ приберегать на самый крайній случай, но во всякомъ случаѣ необходимо внушать дѣтямъ истинныя правила нравственности и предохранять ихъ отъ подражанія злу, которое они видятъ передъ глазами¹³⁾.

Не слѣдуетъ позволять дѣтямъ передразнивать сибѣнныхъ людей, ибо насмѣшливыя манеры и кривлянье имѣютъ въ себѣ нѣчто низкое, противное благороднымъ чувствамъ. Надо опасаться, чтобы дѣти не усвоили себѣ этихъ манеръ, такъ какъ развитая въ дѣтяхъ подражательность, вмѣстѣ съ гибкостью тѣла и игривостью, заставляетъ ихъ принимать различныя

смѣшныя формы, чтобы представлять все, что они видѣли смѣшного.

Эта склонность дѣтей къ подражанію является источникомъ многихъ бѣдъ, когда воспитаніе ихъ поручается людямъ недостойнымъ, ни въ чемъ при нихъ не стѣсняющимся. Но Господь Богъ далъ дѣтямъ, благодаря этой склонности, также способность легко подражать всему хорошему, ихъ окружающему. Часто, не говоря ни слова, можно заставить дѣтей исполнять желаемое, лишь показавъ имъ это въ комъ-нибудь другомъ.

ГЛАВА V.

Наставленія косвенныя: не должно насмѣвать дѣтской природы¹⁴⁾.

По моему мнѣнію, слѣдуетъ почаще пользоваться этими косвенными наставленіями, которыя вовсе не такъ скучны, какъ выговоры и нравоученія, хотя бы для того, чтобы пробудить вниманіе дѣтей къ окружающимъ ихъ примѣрамъ.

Допустимъ, что кто-нибудь задаетъ другому при дѣтяхъ такой вопросъ: „Почему вы это дѣлаете?“ — и тотъ отвѣчаетъ: „Я дѣлаю это на такомъ-то и такомъ основаніи.“ Напримѣръ: „Почему сознались вы въ своемъ проступкѣ?“ — „Потому что я сдѣлалъ бы еще хуже, если бы сталъ нагло лгать, ибо ничего нѣтъ лучше, какъ сказать прямо: я неправъ.“ Послѣ этого можно похвалить того, кто такъ чистосердечно сознался. Но притомъ слѣдуетъ дѣлать это естественно, потому что дѣти гораздо проникательнѣе, чѣмъ думаютъ. Какъ только они замѣтятъ хитрость въ своихъ воспитателяхъ, они теряютъ свойственную имъ простоту и довѣрчивость.

Мы уже замѣтили, что мозгъ ребенка влаженъ и горячъ¹⁵⁾, что и обуславливаетъ въ дѣтяхъ постоянную подвижность; благодаря этой подвижности дѣтскаго мозга, всѣ предметы легко въ немъ запечатлѣваются, и впечатлѣнія эти весьма живы. Поэтому надо снѣшить начертать въ дѣтскихъ

умахъ какъ можно больше, пока еще складывается ихъ характеръ¹⁶⁾. Но при этомъ слѣдуетъ дѣлать самый тщательный выборъ понятій, которыя мы хотимъ имъ внушить: въ сосудъ столь маленькій и драгоценный слѣдуетъ вливать лишь наилучшее содержимое. Надо помнить, что въ этомъ возрастѣ мы должны вкладывать въ дѣтскіе умы лишь то, что мы надѣемся удержать въ нихъ на всю жизнь. Первые образы, начертанные въ мозгу, пока онъ еще нѣженъ и не переполненъ другими впечатлѣніями, оставляютъ самый глубокой слѣдъ; затѣмъ эти образы твердѣютъ, по мѣрѣ того какъ съ годами мозгъ высыхаетъ, и становится неизгладимыми, въ этомъ лежатъ причины того, что въ старости вспоминаются предметы даже отдаленной молодости, тогда какъ образы, являющіеся въ послѣдующемъ возрастѣ, запечатлѣваются слабѣе, ибо слѣды были сдѣланы въ мозгу въ то время, когда онъ полонъ другихъ впечатлѣній.

Такимъ разсужденіямъ почему-то неохотно вѣрять, а между тѣмъ мы сами часто разсуждаемъ такимъ образомъ, того не замѣчая: „Я уже человекъ сложившійся, мнѣнтся мнѣ уже поздно; я такъ воспитанъ“, — говоримъ мы постоянно. А то особенное удовольствіе, какое мы ощущаемъ, вспоминая впечатлѣнія юности! Развѣ это не доказываетъ, что самыя сильныя склонности сложились въ этомъ возрастѣ, а привычки и впечатлѣнія дѣтства обладаютъ особенной силой? Но насколько легко воспринимаютъ дѣти различныя впечатлѣнія, настолько же мало они способны къ разсужденіямъ. Влажность дѣтскаго мозга, способствующая столь легкому воспріятію впечатлѣній, въ соединеніи съ возвышенной его температурой, производитъ ту подвижность, которая такъ мѣшаетъ послѣдовательному напряженію.

Мозгъ ребенка подобенъ зажженной свѣчкѣ, поставленной на вѣтру: ея пламя постоянно колеблется. Ребенокъ задаетъ вамъ вопросъ, и вы не успѣете ему еще отвѣтить, какъ онъ устался въ полъ и разсматриваетъ тамъ узоры или считаетъ стекла въ окнѣ. Если бы вы вздумали вернуть его къ первому его вопросу, то вы непременно стѣснили бы его и дер-

жали бы его, какъ въ плѣну. Поэтому надо съ большой осторожностью обращаться съ органами ребенка, пока онъ совсѣмъ не окрѣветъ. На его вопросы отвѣчайте ему немедленно и позволяйте ему задавать другіе, сколько ему угодно. Поддерживайте только его любознательность и содѣйствуйте увеличенію въ немъ запаса хорошихъ свѣдѣній. Придетъ время, когда всѣ эти познанія займутъ надлежащее мѣсто въ его окрѣшемъ мозгу, и ребенокъ научится рассуждать послѣдовательно. Вы же можете ограничиться лишь тѣмъ, что будете его поправлять въ неправильныхъ сужденіяхъ и при каждомъ удобномъ случаѣ показывать ему, какъ слѣдуетъ выводить правильное заключеніе¹⁷⁾.

Позволяйте ребенку играть и соединяйте игры съ обученіемъ: пусть мудрость показывается ему черезъ извѣстные промежутки и не иначе, какъ съ веселымъ лицомъ. Берегитесь утомлять его излишнею точностью¹⁸⁾.

Если ребенокъ усвоитъ себѣ непріятное и мрачное представленіе о добродѣтели, если свобода и безпорядочность привлекутъ его, то для васъ все потеряно, — всѣ труды ваши пропадутъ даромъ¹⁹⁾. Не позволяйте, чтобы дѣтямъ льстили недалекіе или безвѣрные люди; вѣдь ребенокъ быстро привыкаетъ любить образъ жизни и понятія людей, ему пріятныхъ, и то удовольствіе, которое вначалѣ находить онъ въ ихъ обществѣ, заставляетъ его уважать въ этихъ людяхъ даже то, что достойно презрѣнія.

Чтобы заставить дѣтей полюбить общество людей хорошихъ, надо указать имъ на хорошія и выгодныя ихъ стороны, на ихъ искренность, скромность, безкорыстіе, вѣрность, благоуміе, особенно на ихъ благочестіе, какъ источникъ всѣхъ остальныхъ добродѣтелей.

Если въ комъ-либо изъ такихъ людей окажется какая-нибудь погрѣшность, то скажите дѣтямъ, что неблагочестіе порождаетъ подобныя недостатки, и когда благочестіе совершенно, то оно или совсѣмъ искореняетъ эти недостатки, или смягчаетъ ихъ. Во всякомъ же случаѣ не слѣдуетъ принуждать ребенка быть въ обществѣ даже людей набожныхъ,

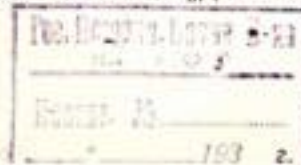
если ихъ наружность производитъ на него отталкивающее впечатлѣніе.

Какъ бы вы ни старались показать себя передъ дѣтями лишь съ хорошей стороны, не думайте, что ребенокъ не замѣтитъ вашихъ недостатковъ: онъ замѣтитъ даже самыя мелкіе промахи.

Св. Августинъ говоритъ²⁰⁾, что онъ уже въ раннемъ дѣтствѣ замѣчалъ тщеславіе своихъ учителей по поводу ихъ ученихъ работъ. Лучшее всего, если всѣ будутъ стараться такъ же хорошо замѣчать свои недостатки, какъ это дѣлаютъ дѣти, и будутъ просить своихъ лучшихъ друзей указывать на нихъ. Обыкновенно же воспитатели не прощаютъ дѣтямъ самыхъ пустыхъ проступковъ, въ то время какъ себѣ они извиняютъ рѣшительно все; это развиваетъ въ дѣтяхъ раздраженіе противъ старшихъ и критическое отношеніе къ нимъ, такъ что всякая замѣченная ими ошибка воспитателя доставляетъ имъ истинное наслажденіе и вселяетъ въ нихъ презрѣніе къ нему.

Старайтесь этого избѣгать и не бойтесь говорить дѣтямъ о вашихъ очевидныхъ недостаткахъ, равно какъ и о тѣхъ ошибкахъ, которыя проскользнули въ васъ въ присутствіи ребенка. Скажите ему, если только онъ въ состояніи понять васъ, что вы хотите своимъ примѣромъ научить его исправлять его собственные недостатки. Такимъ образомъ даже изъ нашего собственнаго несовершенства вы извлечете способъ наставлять дѣтей и поощрять ихъ къ самоусовершенствованію, и этимъ избѣгнете того презрѣнія и отвращенія, которое могутъ возбудить въ дѣтяхъ ваши недостатки.

Въ то же время надо изыскивать всевозможные способы сдѣлать пріятнымъ для дѣтей все то, чего вы отъ нихъ требуете. Если же вамъ нужно дать ребенку исполнить что-нибудь трудное, то убѣдите его, что за трудомъ всегда слѣдуетъ удовольствіе, покажите ему пользу всего того, чему вы его учите, укажите, какое отношеніе имѣетъ это къ общественной жизни. Безъ этого ученіе покажется ему трудомъ отягченнымъ, безплоднымъ и тяжелымъ. „Для чего“, скажетъ

ребенокъ. „я стану этому учиться, если объ этомъ нигдѣ не говорятъ ни слова, если это не имѣетъ никакого отношенія къ тому, что я долженъ буду дѣлать?“ Поэтому надо сдѣлать понятнымъ для дѣтей все, чему вы ихъ учите. „Вы учитесь этому для того, скажете вы имъ, чтобы умѣть хорошо выполнять ваши будущія обязанности, умѣть правильно разсуждать и приобрести здравый взглядъ на жизнь“. При этомъ надо указать дѣтямъ на какую-нибудь ясную и пріятную цѣль, которая бы давала имъ поддержку въ работѣ, и никогда не слѣдуетъ стараться принуждать ихъ, прибѣгая къ грубой неограниченной власти.

По мѣрѣ того, какъ разумъ ребенка развивается, надо все чаще и чаще разсуждать²¹⁾ съ ними о томъ, чего еще не хватаетъ въ ихъ образованіи не только для того, чтобы слѣдить за всѣми ихъ мыслями, но чтобы ознакомиться съ ихъ истиннымъ настроеніемъ, пользоваться этимъ для испытанія силы ихъ сужденія и для поддержанія интереса въ томъ, чего отъ нихъ хотятъ.

Никогда не принимайте безъ крайней необходимости чересчуръ строгаго и повелительнаго вида, приводящаго дѣтей въ трепетъ. Часто это бываетъ со стороны воспитателей однимъ педантизмомъ и увлеченіемъ: вѣдь дѣти и безъ того робки и застѣливы. Вы только заставите ихъ уйти въ себя и потеряете ихъ довѣріе, безъ котораго нельзя разсчитывать ни на какіе успѣхи въ дѣлѣ воспитанія. Напротивъ заставьте ихъ полюбить васъ, пусть они держатъ себя свободно въ нашемъ присутствіи и пусть не стараются скрывать отъ васъ своихъ проступковъ. Чтобы успѣть въ этомъ дѣлѣ, относитесь снисходительно къ тѣмъ, кто не танцетъ передъ вами. Старайтесь не выказывать ни раздраженія, ни удивленія при видѣ ихъ дурныхъ наклонностей; наоборотъ снисходите къ ихъ слабостямъ. Конечно, иногда можетъ случиться, что, не имѣя страха, они будутъ менѣе сдержанны, чѣмъ нужно; но все-таки ихъ довѣріе и искренность для нихъ полезнѣе, чѣмъ всякая строгая власть.

При томъ никогда не поядно употребить строгость, если

одного довѣрія и убѣжденія не достаточно; начинать же слѣдуетъ всегда съ откровенности, задушевности, непринужденности, но безъ униженія. Это дастъ вамъ возможность видѣть проступки дѣтей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и изучить ихъ вполнѣ. Наконецъ, если бы даже силой власти вы заставили ихъ выполнить всѣ ваши наставленія, вы все-таки не достигнете цѣли, потому что все это обратится въ стѣснительную формальность, а можетъ быть, и въ лицемеріе, и такимъ образомъ вы отвертаете ихъ отъ добра, внушая любовь къ коему вы призваны.

Если Премудрый²²⁾ совѣтовалъ родителямъ постоянно держать розгу надъ ребенкомъ и обѣцалъ въ будущемъ слезы отцу, который забавляется со своимъ сыномъ, то это вовсе не значитъ, чтобы онъ порицалъ кроткое и терпѣливое воспитаніе; онъ только изрекъ приговоръ надъ родителями слабыми и безразсудными, которые потакаютъ страстямъ своихъ дѣтей и видятъ въ нихъ для себя одну лишь забаву, позволяя имъ даже всевозможныя излишества.

Изъ этого ясно вытекаетъ, что родители должны беречь свою власть, какъ мѣру исправительную, потому что бываютъ натуры, на которыя можно дѣйствовать лишь страхомъ; но, повторяю еще разъ, къ этому слѣдуетъ прибѣгать лишь тогда, когда уже нѣтъ другого средства.

Ребенокъ, дѣйствующій только подъ вліяніемъ воображенія и сибивающій въ своемъ мозгу вещи, имѣющія для него взаимное отношеніе, ненавидитъ ученіе или добродѣтель только потому, что ненавидитъ то лицо, которое съ нимъ объ этомъ говоритъ.

Вотъ откуда происходитъ это столь мрачное и ужасное представленіе о благочестіи, которое ребенокъ сохраняетъ часто на всю жизнь: только это одно и остается ему иногда отъ строгаго воспитанія. Поэтому приходится часто оставлять безъ исправленія какіе-нибудь его недостатки и дожидаться того момента, когда его умъ сдѣлается расположеннымъ воспользоваться вашими наставленіями. Не браните ребенка, когда раздраженъ онъ или вы сами. Если погорячитесь вы

сами, то ребенокъ видитъ, что вы дѣствуете подъ вліяніемъ раздраженія или вспыльчивости, а не во здравому разсужденію или расположенію къ нему; этимъ вы безвозвратно теряете ваше на него вліяніе. Если же вы станете останавливать ребенка, когда раздраженъ онъ, то онъ не способенъ размышлять, а поэтому не способенъ сознаться въ своей ошибкѣ, побороть свое увлеченіе, сознать важность вашихъ замѣчаній, и это можетъ повлечь за собою потерю должнаго къ вамъ уваженія. Покажите ему, что вы умѣете владѣть собою, а это вы лучше всего докажете вашимъ терпѣніемъ. Выжидайте удобнаго момента даже нѣсколько дней, чтобы ваше замѣчаніе пришлось въ-время и имѣло свою силу. Никогда не говорите ребенку объ его недостаткахъ безъ того, чтобы не указать ему средства исправиться, что ободрить его; всегда надо избѣгать униженія и упадка духа, получаемаго отъ сухого правоученія. Если ребенокъ достаточно разсудителенъ, надо незамѣтно доводить его до того, чтобы онъ самъ попросилъ указывать на свои недостатки, — и это единственный способъ исправлять недостатки ребенка, не огорчая его; только не нужно указывать ему сразу на нѣсколько проступковъ.

Надо принять въ соображеніе, что умъ ребенка еще не твердъ, его возрастъ ни къ чему такъ не склоненъ, какъ къ удовольствіямъ; а между тѣмъ отъ дѣтей зачастую требуютъ такой точности и серьезности, на какую едва ли способны даже ихъ воспитатели. Говоря дѣтямъ безъ перерыва о предметахъ и о словахъ, значеніе которыхъ имъ совершенно непонятно, — только нагоняютъ на нихъ скуку и униженіе; ни свободы, ни веселья: сплошные уроки, молчаніе, сидѣніе на вытѣжку, наставленія, угрозы!

Древніе понимали все это гораздо лучше: главнѣйшія науки, правила добродѣтели и нравственности преподавались у древнихъ евреевъ, египтянъ и грековъ при посредствѣ любви учащихъ къ стихамъ и къ музыкѣ. Люди мало читавшіе съ трудомъ этому вѣрятъ, — такъ далеко все это отъ нашихъ нравовъ. Тѣмъ не менѣе, даже при самомъ небольшомъ зна-

комствѣ съ исторіей, мы уже перестаемъ сомнѣваться въ томъ, что это было во всеобщемъ употребленіи у древнихъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Ограничимся хотя тѣмъ, что по возможности будемъ соединять полезное съ пріятнымъ.

Хотя съ большинствомъ дѣтей, по природѣ своей грубыхъ и упрямыхъ, нельзя надѣяться обойтись безъ строгихъ мѣръ, тѣмъ не менѣе къ нимъ надо прибѣгать лишь тогда, когда испробованы всѣ другія средства. Надо всегда уяснять дѣтямъ, въ чемъ состоитъ предъявляемыя имъ требованія, и что нужно для того, чтобы ими оставались довольны. При этомъ нужно помнить, что веселость и добѣрчивость должны быть обычнымъ настроеніемъ въ этомъ возрастѣ; въ противномъ случаѣ дѣтскій умъ будетъ омрачаться, и бодрость ослабѣвать: дѣти съ характеромъ живымъ будутъ раздражаться, съ характеромъ вялымъ — еще болѣе отупѣютъ. Строгость подобна сильно дѣйствующему лѣкарству, употребляемому въ опасныхъ болѣзняхъ: оно очищаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и портитъ организмъ; управляемый страхомъ духъ постепенно слабѣетъ²³).

Наконецъ, хоть и не слѣдуетъ дѣлать угрозъ, не исполняя ихъ, чтобы ребенокъ не сталъ съ презрѣніемъ къ нимъ относиться, однако къ наказаніямъ слѣдуетъ обращаться еще рѣже, чѣмъ къ угрозамъ. Что касается до наказанія, то оно должно быть по возможности легкое, но непремѣнно должно быть обставлено такими условіями, которыя могутъ вызвать въ ребенкѣ стыдъ и угрызненія совѣсти. Напримѣръ, скажите ребенку обо всемъ, что вы дѣлали, чтобы не прибѣгать къ этимъ крайнимъ мѣрамъ; выражайте при этомъ ваше огорченіе, говорите съ другими въ его присутствіи о томъ, какъ несчастны люди, которые, по недостатку разума и чести, доводятъ себя до наказанія; постарайтесь не выказывать знаковъ обычнаго расположенія до тѣхъ поръ, пока вы не замѣтите, что онъ нуждается въ утѣшеніи. Наказать можно или при всѣхъ, или съ глазу на глазъ, смотря по тому, хотите ли вы пристыдить ребенка какъ можно сильнѣе, или же показать ему, что вы щадите его. Конечно, открытое наказаніе слѣдуетъ беречь,

какъ самое крайнее средство. Иногда прибѣгайте къ посредству какого-нибудь разсудительнаго человѣка, который утѣшилъ бы ребенка, сказалъ бы ему то, что вы не должны ему говорить въ это время, пусть онъ изгнѣчитъ ребенка отъ ложнаго стыда и обратитъ снова къ вамъ его сердце, которое болѣе свободно раскроетъ ребенокъ передъ другимъ въ своемъ душевномъ волненіи. Но никогда не заставляйте ребенка подчиняться насильственному наказанію: пусть самъ обречетъ себя наказанію и добровольно ему подчинится; вамъ же останется смягчить то наказаніе, которое онъ самъ на себя наложилъ²⁴). Никогда не слѣдуетъ забывать, что примѣнять общія правила нужно, сообразуясь съ даннымъ частнымъ случаемъ; всѣ люди, а особенно дѣти, не всегда бываютъ однимъ и тѣмъ же: что хорошо сегодня, можетъ быть опасно завтра, а потому одинаковый образъ дѣйствій не можетъ быть полезенъ всегда.

Чѣмъ меньше уроковъ по всей формѣ, тѣмъ лучше. Среди живого разговора можно дать массу свѣдѣній болѣе полезныхъ, чѣмъ даже самые уроки. Я видалъ много дѣтей, которые шутя выучивались читать; стоитъ только рассказать въ ихъ присутствіи что-нибудь интересное, заключающееся въ книгѣ и между тѣмъ показать имъ буквы. Послѣ этого дѣти сами желаютъ научиться тому, что можетъ доставить имъ столько удовольствій²⁵).

Два обстоятельства портятъ все дѣло при обученіи. Во-первыхъ, дѣтей сначала учатъ читать по-латыни, что отнимаетъ у нихъ всякую охоту къ чтенію, а, во-вторыхъ, ихъ учатъ читать наизусть и высокопарно. Для возбужденія интереса дѣтямъ слѣдуетъ давать книгу въ красивыхъ переплетахъ, даже съ золотымъ обрѣзомъ, съ хорошими картинками и отчетливой печатью²⁶). Все это пріятно дѣйствуетъ на дѣтское воображеніе и облегчаетъ ученіе. Книжки всегда надо выбирать съ коротенькими занимательными рассказами; повѣрите, что такимъ образомъ ребенокъ скорѣе научится читать. Не утруждайте его вѣрнымъ произношеніемъ: пусть онъ произноситъ естественно, какъ говорить; всѣ другіе приемы ученія

непригодны и отзываются школьной декламаціей. Когда языкъ ребенка разовьется, грудь станетъ крѣпче, увеличится навыкъ къ чтенію, онъ будетъ читать легко, отчетливо и изищно.

Способъ обученія письму долженъ быть почти такой же. Когда ребенокъ умѣетъ немного читать, можно, въ видѣ размеченія, дать ему писать буквы, а если дѣтей много, то можно вызвать среди нихъ соревнованіе. Дѣти сами очень любятъ рисовать фигуры на бумагѣ; стоитъ хоть немного помочь этой склонности или, по крайней мѣрѣ, не стѣснять ея, — и дѣти станутъ вырисовывать буквы и такимъ образомъ понемногу научатся писать. Можно даже поощрять ихъ къ этому обѣщаніемъ какой-нибудь награды въ ихъ вкусѣ, если только она не окажется потомъ на нихъ вреднаго дѣйствія.

— «Напишите мнѣ записочку; попроси въ письмѣ о томъ-то твоего брата, —» скажите вы ребенку, — и это доставитъ ему удовольствіе, лишь бы страшный призракъ систематическаго урока его не смущалъ. Ничѣмъ не стѣсняемая любознательность, говорить по собственному опыту св. Августина²⁷), возбуждаетъ дѣтскій умъ больше, нежели какое-нибудь правило или сознаніе необходимости, вызванное чувствомъ страха.

Замѣтите огромный недостатокъ обычнаго воспитанія: все пріятное собрано въ одномъ мѣстѣ, все непріятное въ другомъ, все скучное отдано урокамъ, все пріятное — удовольствіямъ. Что же остается дѣлать ребенку, какъ не сбѣжнть къ своимъ играмъ, съ потеряннѣмъ ожидая окончанія урока?²⁸)

Постараемся же измѣнить этотъ порядокъ; сдѣлаемъ ученіе пріятнымъ, откроемъ его подъ видомъ свободы и удовольствія; терпѣливо переждемъ, если изрѣдка ребенокъ прерветъ урокъ какими-либо всмышками веселья, — вѣдь дѣти нуждаются въ такихъ прерывахъ, чтобы дать отдыхъ своему уму²⁹).

Дадимъ имъ нѣкоторую свободу, позволимъ время отъ времени нѣкоторое отступленіе отъ урока или даже игру, чтобы ихъ мозгъ нѣсколько отдохнулъ, а потомъ исподволь вернемъ ихъ къ нашей цѣли. Чрезмѣрная строгость въ требованіи безпрерывныхъ занятій вредитъ дѣтямъ; часто воспитатели доводятъ эту правильность до крайности, тѣмъ болѣе, что она

для нихъ самихъ легче, чѣмъ постоянная и тяжелая обязанность ждать удобнаго момента для продолженія дѣла. Но въ то же время слѣдуетъ изъять изъ дѣтскихъ развлеченій все то, чѣмъ они могутъ слишкомъ сильно увлечься; среди этихъ удовольствій лишь тѣ должны имѣть мѣсто, которыя даютъ отдыхъ уму, могутъ представить пріятное разнообразіе, удовлетворить полезную любознательность, способствуютъ физическому развитію черезъ посредство нѣкоторыхъ приличныхъ искусствъ. Дѣти больше всего любятъ такіа развлеченія, во время которыхъ имъ приходится быть въ движеніи, имъ лишь бы кинуть мѣсто, и они будутъ довольны: волана или мяча съ ними вполне достаточно²⁹⁾. Поэтому не слѣдуетъ слишкомъ заботиться о прискаиваніи дѣтямъ развлеченій, они сами легко придумаютъ ихъ; достаточно предоставить имъ въ этомъ свободу, смотря на нихъ съ веселымъ видомъ, и умѣрять ихъ чрезмѣрное увлеченіе. Хорошо, конечно, дать дѣтямъ почувствовать, что и умственное занятіе бываетъ соединено съ удовольствіемъ, какъ, напримѣръ, разговоръ, чтеніе, а также нѣкоторыя игры, дающія уму работу и полезныя свѣдѣнія. Все это въ свое время придетъ; не нужно только насиловать въ этомъ смыслѣ вкусъ дѣтей; достаточно помогать имъ въ этомъ. Придетъ время, когда ихъ организмъ станетъ менѣ подвиженъ, а умъ возьметъ перевѣсъ.

Стараніе присоединить удовольствіе къ серіознымъ занятіямъ сослужить добрую службу въ томъ смыслѣ, что отвлечетъ юношеское стремленіе къ опаснымъ удовольствіямъ. Подчиненіе и скука заставляютъ дѣтей такъ нетерпѣливо жаждать развлеченій. Если бы дѣвушка менѣ скучала въ обществѣ своей матери, она не стремилась бы уйти отъ нея искать удовольствій въ обществѣ людей худшихъ.

При выборѣ развлеченій надо избѣгать всякаго сомнительнаго общества. Дѣвочки не должны быть съ мальчиками, а также съ такими подругами, умъ которыхъ еще не достаточно развитъ и установился. Нужно строго избѣгать игръ, которыя возбуждаютъ, развлекаютъ дѣвочекъ или приучаютъ къ нескромнымъ для дѣвочки тѣлодвиженіямъ, а также частыхъ

отлучекъ изъ дома или такихъ разговоровъ, которые могутъ вызвать желаніе подобныхъ отлучекъ. Пока человѣкъ еще не избалованъ удовольствіями, пока онъ не породилъ въ себѣ никакой жгучей страсти, онъ легко находитъ себѣ развлеченіе: здоровье и невинность — лучшіе источники для этого. Но люди, которые имѣли несчастіе привыкнуть къ сильнымъ удовольствіямъ, не удовлетворяются удовольствіями умѣренными и вѣчно скучаютъ въ безпокойныхъ поискахъ веселья³¹⁾.

Вкусъ къ удовольствіямъ можно такъ же испортить, какъ и вкусъ къ пищѣ: иногда люди такъ привыкаютъ къ изысканнымъ блюдамъ, что обычныя, просто приготовленные кушанья кажутся имъ безвкусными. Будемъ же остерегаться этой душевной смуты, послѣдствіями которой бываетъ скука и пресыщеніе. Особенно же это опасно дѣтямъ, которыя менѣ способны противиться своимъ чувствамъ и наиболее подвержены возбужденію. Постараемся развить въ нихъ вкусъ ко всему простому; пусть для нихъ питанія не требуется изысканныхъ блюдъ, а для ихъ развлеченія особенныхъ удовольствій. Умѣренность даетъ человѣку слишкомъ хорошей аппетитъ, чтобы прибѣгать еще къ различнымъ приправамъ, которыя вызываютъ невоздержность. Умѣренность, — говорили древніе, — есть лучшій источникъ наслажденія, и она, обуславливая здоровье душевное и тѣлесное, постоянно даетъ пріятную и тихую радость; съ нею не нуждаются ни въ какихъ инструментахъ, зрѣлищахъ или тратахъ для полученія удовольствія; какаа-нибудь придуманная самимъ игра, чтеніе, начатая работа, прогулка, невинный разговоръ, какъ отдыхъ послѣ работы, доставляютъ человѣку наслажденіе болѣе чистое, чѣмъ самая чудная музыка.

Правда, простые удовольствія менѣ живы и менѣ дѣйствуютъ на чувства, тогда какъ другія, имъ противоположныя, поднимаютъ духъ и затрогиваютъ страсти. Но простые удовольствія лучше дѣйствуютъ на человѣка; они даютъ продолжительное и ровное наслажденіе, не оставляя по себѣ вредныхъ послѣдствій; дѣйствіе ихъ всегда благотельно, въ то время какъ другія удовольствія, подобно поддѣльнымъ винамъ, сперва

правятся болѣе натуральныхъ, а потомъ возбуждаютъ жажду и вредятъ здоровью. Душевный складъ портится точно такъ же, какъ и вкусъ, въ поискахъ за сильными, возбуждающими удовольствіями. Все, что можно сдѣлать для дѣтей, которыхъ воспитываешь, — это приучать ихъ къ простой жизни, и эту привычку поддерживать въ нихъ, какъ можно дольше, предупредить ихъ о тѣхъ невыгодахъ, которыя сопряжены съ удовольствіями, и не предоставлять ихъ самимъ себѣ, какъ обыкновенно поступаютъ въ томъ возрастѣ, когда страсти уже даютъ чувствовать свою силу, и когда дѣти особенно нуждаются въ поддержкѣ.

Надо признать, что наибольшая трудность въ дѣлѣ воспитанія состоитъ въ воспитаніи дѣтей съ мало развитыми способностями. Живыи и чувствительныя натуры склонны къ ужаснымъ заблужденіямъ; ихъ увлекаютъ страсти и самонадѣянность; но вмѣстѣ съ этимъ онѣ обладаютъ большими дарованіями и возвращаются часто на путь истинный, зайдя уже очень далеко по пути увлеченій. Наставленіе, подобно скрытому зародышу внутри ихъ самихъ, пускаетъ свой ростокъ и часто даетъ плоды, когда опытность является на помощь разсудку, и страсти охладѣваютъ. Здѣсь по крайней мѣрѣ можно знать, что нужно для пробужденія внимательности и любознательности; въ нихъ самихъ скрыто то, чѣмъ можно заинтересовать ихъ, чему научить, чѣмъ затронуть ихъ самолюбіе. Что же касается до натуръ неспособныхъ, то часто совсѣмъ не знаешь, какъ за нихъ взяться. Мысли ихъ гдѣ-то блуждаютъ и никогда не направляются туда, куда нужно. Даже наказаніемъ ихъ нельзя задѣть за живое: они все выслушаютъ и ничего не почувствуютъ. Эта нечувствительность дѣлаетъ ребенка небрежнымъ и вызываетъ въ немъ отвращеніе ко всякой работѣ. И тогда самое лучшее воспитаніе можетъ вдругъ оказаться непригоднымъ, если не предупредить зла съ самаго ранняго дѣтства. Поэтому многіе, не зная въ сущь дѣла, заключаютъ изъ этой неудачи, что всему причиной натура ребенка, что она одна въ состояніи создать хорошаго человѣка, а воспитаніе

не играетъ тутъ никакой роли. Этихъ людей не худо бы вспомнить, что существуютъ натуры, подобныя неблагоприятной почвѣ, для которой даже усиленная обработка приноситъ мало пользы. Но еще хуже, если это столь трудное воспитаніе встрѣчаетъ противодѣйствіе и небрежное отношеніе или бѣзаетъ съ самаго начала дурно направлено.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что бываютъ такія дѣтскія натуры, въ которыхъ легко ошибиться. Съ перваго взгляда такія дѣти кажутся весьма симпатичными, потому что прелесть дѣтскаго возраста такъ обворожительна, что за нею совершенно скрываются всѣ другіе недостатки. Въ ихъ лицѣ видно столько нѣжности и прелести, что даже вблизи трудно разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, его черты. Всякое проявленіе ихъ ума васъ поражаетъ, потому что вы не предполагаете его въ такомъ возрастѣ. Вы легко извиняете имъ ошибочныя сужденія, которыя носятъ на себѣ печать граціозной наивности, а обычную дѣтскую подвижность принимаете за умъ. Отсюда происходитъ, что изъ много обѣщающихъ дѣтей часто впоследствии ничего не выходитъ. Такой-то въ пять лѣтъ былъ замѣчательно уменъ, но по мѣрѣ того какъ росъ, обращался въ ничто, и наконецъ, о немъ перестали говорить. Изъ всѣхъ качествъ дѣтскаго возраста, на которыя можно положиться, самое надежное это — здравый смыслъ; онъ самъ растетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, лишь бы давать ему правильное развитіе. Между тѣмъ какъ прелесть дѣтскаго возраста исчезаетъ, потухаетъ живость и пропадаетъ мягкость сердца, такъ какъ, подѣйствіемъ страстей и общенія съ ловкими людьми, незамѣтно черствѣютъ молодые люди, вступающіе въ свѣтъ. Старайтесь безъ увлеченія дѣтскою прелестью узнать, нѣтъ ли въ воспитываемомъ вамъ ребенкѣ недостатка любознательности, не мало ли въ немъ стремленія къ благородному соревнованію. Въ этомъ случаѣ легко можетъ быть, что взявшій на себя трудъ воспитать такого ребенка падетъ духомъ, видя, какъ неблагоприятна и бесплодна его работа. Надо поэтому какъ можно скорѣе затронуть всѣ струны дѣтской души, дабы вывести его изъ этой душевной дремоты. Если вы предвидите

это затрудненіе, то не спѣшите съ систематическимъ обученіемъ; будьте осторожны и не обременяйте память ребенка, ибо это поражаетъ и отягощаетъ его мозгъ; не утомляйте его строгими правилами, поддерживайте въ немъ веселое настроеніе духа; если онъ впадетъ въ состояніе, противоположное самонадѣянности, не бойтесь осторожно указать ему, на что онъ способенъ; будьте довольны малымъ; дайте ему замѣтить малѣйшіе его успѣхи; покажите ему, какъ напрасно боялся онъ того, что не будетъ имѣть успѣха въ томъ, что на самомъ дѣлѣ онъ дѣлаетъ хорошо; пустете, наконецъ, въ ходъ соревнованіе. Трудно себѣ представить, насколько сильна бываетъ дѣтская зависть; часто встрѣчаются дѣти, которыя худѣютъ и сохнутъ отъ скрытыхъ мученій — отъ того, что ихъ любятъ и ласкаютъ менѣе другихъ. Это довольно обычная жестокость матерей, которыя заставляютъ выносить своихъ дѣтей такіа мученія. Но вѣдь этимъ средствомъ вѣдо пользоваться только въ случаяхъ крайней необходимости; на-примѣръ, противъ нерадивости. Пусть ребенокъ, котораго вы воспитываете, находится среди дѣтей, лишь немногимъ превосходящихъ его, такъ какъ примѣры, слишкомъ противоположные его слабости, могутъ окончательно его обезкуражить.

Дайте ему возможность время отъ времени одерживать маленькія побѣды надъ тѣми дѣтьми, съ которыми онъ находится въ соревнованіи²³⁾; заставьте его, если можно посмѣяться вмѣстѣ съ нами надъ своей застѣнчивостью; покажите ему людей такихъ же застѣнчивыхъ, какъ онъ самъ, которымъ удалось пересилить въ себѣ этотъ недостатокъ. Косвенными намеками на примѣры другихъ людей укажите ему, что застѣнчивость и лѣность окончательно губятъ умъ, что нерадивые и вялые люди, какъ бы они ни были талантливы по своей натурѣ, постепенно слабѣютъ въ умственномъ отношеніи, единственно по своей виѣ. Но не издумайте давать ему эти наставленія суровымъ или вѣтеринаривымъ тономъ; вѣдь ничто не заставляетъ вялаго и застѣнчиваго ребенка такъ уходить въ себя, какъ грубое обращеніе. Напротивъ,

удвойте ваши заботы къ тому, чтобы посредствомъ свойственныхъ его природѣ различныхъ удовольствій и облегченій смягчить и сдѣлать по возможности пріятной для него ту работу, отъ которой вы не можете его совершенно избавить. Быть можетъ, вамъ понадобится время отъ времени слегка уколоть его презрѣніемъ и упреками, но вы не должны дѣлать этого сами: надо, чтобы это сдѣлалъ кто-нибудь другой, который ниже васъ, на-примѣръ, другой ребенокъ, чтобы казалось, будто вы ничего объ этомъ не знаете²⁴⁾.

Святой Августинъ рассказываетъ о томъ²⁵⁾, что упрекъ, сдѣланный его матери св. Моникѣ въ раннемъ дѣтствѣ служанкой, настолько подѣйствовалъ на нее, что сразу исцѣлилъ ее отъ дурной привычки пить вино, не смѣшанное съ водой, чего не могла достигнуть даже жестокими мѣрами ея воспитательница. Наконецъ, въ такихъ дѣтахъ слѣдуетъ стараться развить вкусъ къ умственному труду, подобно тому какъ развиваютъ ашеиты у тѣхъ больныхъ, которые его не имѣютъ. Имъ предоставляютъ самимъ выбирать что-нибудь по вкусу и при этомъ соглашаются даже на ихъ нѣкоторыя фантазіи, вопреки правиламъ діеты, лишь бы только они не доходили до опасныхъ излишествъ. Гораздо труднѣе развить вкусъ у того, кто его вовсе не имѣетъ, чѣмъ у того, у кого онъ неправильно развитъ.

Есть другое чувство, еще болѣе важное и необходимое, развить которое въ дѣтахъ еще труднѣе, — это чувство дружбы: только бы ребенокъ былъ способенъ къ этому чувству; весь вопросъ тогда сводится къ тому, чтобы направить это чувство на людей, могущихъ быть ему полезными. При помощи дружбы отъ ребенка можно добиться, чего угодно: это вѣрное средство направить его къ добру; надо лишь умѣть за это взяться. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ только бояться чрезмернаго увлеченія или дурного выбора привязанностей. Но бываетъ другой типъ дѣтей, отъ рожденія хитрыхъ, скрытныхъ и равнодушныхъ, таящихъ все въ себѣ. Они обманываютъ родителей, которыхъ любовь дѣлаетъ довѣрчивыми, и дѣлаютъ видъ, что любятъ ихъ, изучаютъ ихъ наклонности,

чтобы съ ними сообразоваться, кажутся послушнѣе другихъ дѣтей ихъ возраста, дѣйствующихъ безъ притворства и по минутному настроенію; ихъ мягкость, подъ которой скрывается твердая воля, сходитъ за настоящую иѣжвость; и этотъ скрытый нравъ обнаруживается окончательно тогда, когда его бываетъ поздно уже исправить.

Если только бываютъ такіа дѣтскія натуры, на которыя не можетъ дѣйствовать воспитаніе, то это и есть именно эти самыя натуры; и надо сознаться, что ихъ больше, чѣмъ предполагаютъ. Родители никогда не могутъ дойти до сознанія, что у ихъ дѣтей дурное среднее, а если родители сами этого не видятъ, то ужъ никто не смѣетъ уличать дѣтей, а зло между тѣмъ все растетъ; самое лучшее въ этомъ случаѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ давать дѣтямъ полную свободу выказывать свои склонности. Вѣдь раньше, чѣмъ браться за исправленіе ребенка, надо въ совершенствѣ знать его натуру; отъ природы дѣти просты и откровенны, но попробуйте ихъ стѣснять или подавать имъ примѣръ притворства, — и они уже никогда не возвратятся къ природной простотѣ. Конечно, любящее и иѣжное сердце мы получаемъ только отъ Бога: но мы можемъ возбуждать его примѣрами великодушія, честности, безкорыстія и презрѣнія къ себялюбію. Раньше, чѣмъ дѣти утратятъ свою естественную простоту, надо дать имъ испытать на себѣ радости взаимной сердечной дружбы. Ничто такъ не поможетъ этому, какъ если мы окружимъ ихъ людьми, не способными показать имъ ни грубости, ни лжи, ни низости, ни корыстолюбія. Лучше терпѣть при нихъ людей съ другими недостатками, только не съ этими. Надо хвалить дѣтей за все, что они дѣлаютъ изъ дружбы, лишь бы дружба эта не была неумѣства или слишкомъ горяча. Нужно, чтобы родители казались дѣтямъ исполненными самой искренней дружбы, потому что отъ самихъ родителей дѣти могутъ усвоить привычку ничего не любить. Затѣмъ и совѣтовалъ бы въ присутствіи дѣтей прекратить всякіе излишніе знаки учтивости по отношенію къ друзьямъ, всѣ притворныя выраженія дружбы, всякія льстивыя замѣчанья, потому что они привыкаютъ къ пустому

притворству даже по отношенію къ тому, кого они обязаны любить.

Есть еще недостатокъ, противоположный только-что упомянутому и болѣе свойственный дѣвушкамъ, — это увлеченіе вещами обыкновенно всецѣмъ ничтожными. Видя двухъ людей, несогласныхъ между собою, онѣ не могутъ обойтись безъ того, чтобы не принять сторону одного изъ нихъ; онѣ исполняются то любви, то ненависти безъ всякаго основанія; онѣ не признаютъ недостатковъ въ тѣхъ, кого любятъ, равно не замѣчаютъ достоинствъ въ томъ, кто имъ не нравится. Не слѣдуетъ возставать противъ этого съ самаго начала, ибо противорѣчіе усиливаетъ эти ихъ странности; но слѣдуетъ исподоволь показать дѣвухѣ, что вы лучше ее понимаете, чѣмъ есть хорошаго въ томъ, что она любитъ, или дурного въ томъ, что ей не нравится. Старайтесь также при случаѣ показать дѣвухѣ невыгодную сторону того, чѣмъ она очарована, и хорошую сторону того, что ей не нравится. Не торопите ее, и вы увидите, что она сама собой дойдетъ до этого. Затѣмъ напомните ей о ея прошлыхъ увлеченіяхъ со всецѣмъ ихъ безразсудствомъ; кратко скажите ей, что она скоро такимъ же образомъ пойметъ и тѣ увлеченія, отъ которыхъ она еще не излѣчилась. Сообщите ей о подобныхъ же увлеченіяхъ, испытанныхъ вами въ ея годы, а самое главное покажите ей, какъ можно нагляднѣе, то сильное смѣшеніе добра и зла, которое мы находимъ во всемъ, что можно любить или ненавидѣть, для того, чтобы охладить ея пылъ въ любви и неприязни.

Не обѣщайте никогда дѣтямъ въ награду нарядовъ или лакомствъ; этимъ вы причините двойное зло: во-первыхъ, внушите имъ такимъ образомъ любовь къ тому, что они должны презирать²²⁾, а во-вторыхъ, потеряете возможность дѣлать ребенку такіа награды, которыя бы облегчили вамъ вашу трудъ. Остерегайтесь угрожать дѣтямъ ученіемъ или подчиненіемъ какому-либо правилу. Правилъ вообще надо, насколько можно, избѣгать, а въ случаѣ если ужъ нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то по крайней мѣрѣ приводить ихъ въ исполненіе слѣдуетъ осторожно, не называя самаго

правила и показывая ребенку тѣ выгоды, которыя онъ получить, сдѣлать то или другое въ известномъ мѣстѣ и въ известное время.

Можно обезкуражить ребенка, если не хвалить его за хорошіе поступки²⁶), хотя вообще похвалъ нужно опасаться, чтобы не развить тщеславія; но иногда умѣстно ими пользоваться, чтобы возбудить въ дѣтяхъ энергію, не доводя однако ихъ до увлеченія этими похвалами. Такъ св. апостолъ Павелъ пользуется похвалою, чтобы ободрить слабыхъ или смягчить свои наставленія; отцы церкви пользовались тѣмъ же правомъ. Но чтобы онѣ были полезны, надо ихъ дѣлать безъ преувеличенія, безъ лести, и приписывать все хорошее Богу, какъ источнику всякаго добра. Можно также въ видѣ награды устраивать дѣтямъ невинныя игры или образовательныя прогулки, маленькіе подарки, какъ бы въ родѣ вознагражденія, на примѣръ, картинки, эстампы, медали, географическія карты, книжки съ золотымъ обрѣзомъ и пр.

ГЛАВА VI.

Историческіе рассказы въ дѣтскомъ обученіи.

Дѣти очень любятъ смѣшныя сказки; часто можно наблюдать ихъ восторги или слезы при рассказѣ о какихъ-нибудь приключеніяхъ. Пользуйтесь этой склонностью, и когда вы видите, что дѣти расположены васъ слушать, расскажите имъ какую-нибудь коротенькую интересную басню; выбирайте главнымъ образомъ рассказы о животныхъ, которые были бы остроумны и невинны, и объясните истинный смыслъ этихъ рассказовъ, равно какъ и ихъ серьезное значеніе²⁷). Что касается до изысканныхъ мифовъ, то дай Богъ, чтобы дѣлашки не узнали ихъ никогда, потому что они безнравственны и полны нечестностей, противныхъ нашей религіи; если же вы не можете ихъ окончательно скрыть отъ вашего ребенка, то

внушите ему по крайней мѣрѣ къ нимъ отвращеніе. Окончивъ одинъ рассказъ, подождите, чтобы ребенокъ самъ повспросилъ васъ рассказать другой; такимъ образомъ вы поддержите въ немъ постоянное желаніе новыхъ рассказовъ. Затѣмъ возбудите въ достаточной степени дѣтскую любознательность, переходите къ краткимъ исторіямъ; свяжите ихъ вмѣстѣ и откладывайте со дня на день продолженіе, чтобы держать дѣтей въ недоумѣніи относительно конца и заставить нетерпѣливо ожидать его. Внесите въ ваше изложеніе живость и задушевность; заставьте говорить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; живое дѣтское воображеніе будетъ ихъ видѣть и слышать; расскажите имъ, на примѣръ, исторію Іосифа²⁸); пусть его братья говорить грубо, а Іаковъ, — какъ нѣжный и огорченный отецъ. Іосифъ также ведетъ рѣчь: вотъ онъ повелитель Египта и находитъ удовольствіе въ томъ, что скрывается отъ своихъ братьевъ, устрашаетъ ихъ и, наконецъ, открывается. Эта безскусственная передача, въ соединеніи съ таинственностью самой исторіи, очаруетъ ребенка, если его не слишкомъ обременять такими рассказами, а напротивъ добиваться того, чтобы онъ самъ желалъ ихъ, и обещать ему за хорошее поведеніе другіе рассказы. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ этимъ рассказамъ придавать форму уроковъ и не надо заставлять ребенка повторять ихъ. Пересказъ стѣсняетъ дѣтей, если онъ не дѣлается по ихъ собственному желанію, и уничтожаетъ чувство удовольствія, полученное отъ самаго рассказа.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что ребенокъ самъ непременно начнетъ рассказывать наиболѣе заинтересовавшія его исторіи тому, кого онъ любитъ, если онъ уже умѣетъ говорить свободно; не нужно только дѣлать это обязательнымъ. Въ этомъ случаѣ можно пользоваться содѣйствіемъ кого-нибудь другого, съ кѣмъ ребенокъ держитъ себя болѣе свободно, кто бы сдѣлалъ видъ, что интересуется его исторіей, и ребенокъ съ восторгомъ ее ему расскажетъ. Вы же не показывайте только вида, что слушаете его, и не поправляйте его. Когда онъ повзрѣетъ, вы ему можете кротко указать наилучшій способъ изложенія, состоящій въ передачѣ простой.

краткой и безыскусственной, въ выборѣ такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ вся суть. Если у васъ нѣсколько дѣтей, приучайте ихъ мало-по-малу представлять вымышленными ими исторіи въ лицахъ: пусть одинъ будетъ Авраамомъ, а другой Исаакомъ и т. п. Эти представленія займутъ дѣтей лучше другихъ игръ и приучатъ ихъ думать и говорить о серьезныхъ вещахъ съ удовольствіемъ; самые же факты неизгладимо запечатлѣются въ ихъ памяти.

Надо стараться наиболѣе развѣивать въ дѣтяхъ любовь къ священной исторіи. При этомъ не старайтесь увѣрить ихъ, что рассказы изъ священной исторіи прекрасны, чему они, вѣроятно, не повѣрили бы, а заставьте ихъ самихъ почувствовать это. Укажите имъ на то, какъ эти рассказы важны, своеобразны и чудесны, полны естественной простоты и благородной живости въ изложеніи. Рассказы о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи Адама, о потопѣ, призваніи Авраама, жертвоприношеніи Исаака, о приключеніяхъ Иосифа, которыхъ мы уже касались, о рожденіи и бѣгствѣ Моисея не только способны пробудить любознательность дѣтей, но откроютъ имъ начала религіи, заложатъ основы ея въ дѣтскихъ умахъ. Надо совершенно не знать самой сущности религіи, чтобы не видѣть, что она все зиждется на исторіи; ея установленіе и непрерывное продолженіе, все, что заставляетъ насъ вѣрить въ нее и проводить ее въ жизнь, — все это представляетъ рядъ дѣйствительныхъ и чудесныхъ событій. Не слѣдуетъ думать, что знакомство съ этими фактами должно носить строго научный характеръ: рассказы изъ священной исторіи сами по себѣ кратки, разнообразны и способны заинтересовать даже самые грубые умы. Богъ, Который лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ имъ же созданный разумъ человеческій, раскрылъ религію въ фактахъ самихъ простыхъ и доступныхъ пониманію, которые не только не затрудняютъ простыхъ людей, но даже помогутъ постигнуть тайны религіи и сохранить ихъ въ своей памяти. Такъ, напримѣръ, попробуйте сказать ребенку, что Богъ одинъ по существу, но троиченъ въ лицахъ; постоянно слыша и повторяя это выраженіе, онъ его запо-

нить; но я весьма сомнѣваюсь, что онъ постигнетъ его смыслъ. Съ другой стороны, расскажите ребенку, что когда Иисусъ Христосъ выходилъ изъ воды Іорданскихъ, раздался съ небесъ гласъ Бога Отца: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ; Того послушайте“; прибавьте къ этому, что Духъ Святой сошелъ на Спасителя въ видѣ голубя, и ребенокъ никогда не забудетъ этой исторіи, гдѣ такъ наглядно показали ему Св. Троицу, и будетъ умѣть различать три лица Св. Троицы по различнымъ проявленіямъ ихъ божественной силы; вамъ останется только сказать ему, что вмѣстѣ всѣ три лица Св. Троицы составляютъ единого Бога. Этого примѣра достаточно, чтобы показать пользу рассказовъ изъ священной исторіи; хотя съ перваго взгляда кажется, что они замедляютъ обученіе, на самомъ же дѣлѣ они сильно ускоряютъ его ходъ и уничтожаютъ сухость катехизиса, гдѣ таинства религіи оторваны отъ фактовъ; въ тому же мы видимъ, что въ древности въ основѣ обученія лежали эти рассказы. Прекрасный приемъ, который св. Августинъ предлагаетъ для наставленія людей непросвѣщенныхъ, не есть методъ, исключительно принятый этимъ святымъ. Это методъ, имѣвшій повсемѣстное приѣмленіе въ христіанской церкви. Онъ показывалъ въ послѣдовательномъ ходѣ историческихъ событій религію — древнюю, какъ самъ міръ, и Христа въ Вѣтхомъ Заветѣ ожидаемаго, въ Новомъ — царствующаго, а въ этомъ вся основа христіанскаго ученія.

Конечно, такой методъ требуетъ немного болѣе времени и заботъ, чѣмъ то обычное преподаваніе, которымъ ограничиваются многіе; но видѣ только благодаря точному знанію священной исторіи можно хорошо уразумѣть религію; тогда какъ безъ этого знанія будутъ смутны представленія о Христѣ, Евангеліи, церкви, о необходимости подчиняться ея установленіямъ, равно какъ и объ сущности тѣхъ добродѣтелей, къ которымъ насъ облизываетъ имя христіанина. Недавно изданный Историческій катехизисъ³⁹⁾ — книжка простая, краткая и болѣе ясная, чѣмъ другіе общеупотребительные катехизисы, содержитъ въ себѣ все, что надо знать по этому

предмету; итакъ нельзя сказать, чтобы требовалось слишкомъ много. Это почти то же самое, что было установлено на Триентскомъ соборѣ съ тою только разницею, что катехизисъ этого собора черезъ чуръ переполненъ богословскими терминами, затруднительными для простыхъ смертныхъ.

Прибавьте къ вышеизложеннымъ рассказамъ еще переходъ евреевъ черезъ Черное море и пребываніе ихъ въ пустынѣ, гдѣ они ѣли хлѣбъ, падающій съ неба, и пили воду, которую Моисей извлекалъ изъ скалы, ударяя по ней своимъ железомъ. Изобразите чудесное завоеваніе обѣтованной земли, когда воды Иордана обратились къ своему истоку, и стѣны города падали сами собой въ виду осаждающихъ. Изобразите битвы Саула и Давида, который еще мальчикомъ, безъ оружія и въ пастушескомъ одѣяніи, сталъ побѣдителемъ гордаго великаго Голиафа. Не забудьте упомянуть о славіи и мудрости Соломона; расскажите о его мудромъ рѣшеніи спора между двумя женщинами изъ-за ребенка; но вмѣстѣ съ тѣмъ покажите какъ палъ онъ съ высоты этой премудрости, предавшись изнѣженности, которая бываетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ слишкомъ большого богатства.

Расскажите, какъ пророки говорили отъ имени Бога и читали въ будущемъ, какъ въ книгѣ; представьте ихъ смиренными и терпимыми непрерывнымъ гоненію за правду, но твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ свое время расскажите о первомъ разрушеніи Иерусалима, сожженіи храма и разореніи града за грѣхи народа, о Вавилонскомъ плѣненіи и о плачѣ евреевъ по дорогѣ въ Сіонъ; еще до разсказа о возвращеніи евреевъ на родину между прочимъ упомяните о чудесныхъ приключеніяхъ Товіа, Юдиной, Эсфирь и Данила. Не лишне также дать дѣтямъ высказаться по поводу этихъ святыхъ, чтобы узнать, кто имъ больше правится. Одинъ предпочтетъ Эсфирь, другой Юдиной; это вызоветъ маленькое преніе, глубже запечатлѣтъ въ ихъ умахъ самые историческіе факты и разовьетъ въ нихъ способность разсуждать. Затѣмъ продолжите свое повѣствованіе изображеніемъ возврата евреевъ въ Иерусалимъ и восстановленія развалинъ города и нарисуйте веселую

картину ихъ мира и благоденствія. Обрисовавъ потомъ жестокаго и нечестиваго Антиоха, умирающаго въ напрасномъ раскаяніи, расскажите о побѣдахъ Маккавеевъ въ царствованіе этого гонителя и о мученической кончинѣ этихъ братьевъ. Затѣмъ можно перейти къ разсказу о рожденіи Іоанна Крестителя. О рожденіи Іисуса Христа слѣдуетъ рассказать какъ можно подробнѣе, а изъ Евангелія нужно выбрать всѣ наиболѣе замѣчательныя событія изъ Его жизни, каковы: Его проповѣдь въ храмѣ, когда Ему было двѣнадцать лѣтъ, Его крещеніе, Его уединеніе въ пустынѣ и искушеніе дьяволомъ, призваніе апостоловъ; насыщеніе народа пятью хлѣбами и обращеніе грѣшницы, умастившей ноги Спасителя благовоннымъ миромъ, омывшей ихъ своими слезами и вытершей своими волосами. Передайте о бесѣдѣ Христа съ самарянкой, о исцѣленіи слѣпорожденнаго, воскрешеніи Лазаря, о торжественномъ входѣ Христа въ Иерусалимъ; изобразите Его страданія и Его воскресеніе изъ мертвыхъ. Потомъ расскажите о томъ тѣлесномъ общеніи Христа съ учениками, въ которомъ онъ пребывалъ сорокъ дней до своего вознесенія на небо. Сошествіе Св. Духа, побіеніе камнями св. Стефана, обращеніе св. Павла, призваніе сотника Корнелія, путешествія апостоловъ, въ особенности св. Павла, также очень интересны для дѣтей. Выберите самыя чудесныя изъ разсказовъ о св. мученикахъ и что-нибудь наиболѣе выдающееся изъ праведной жизни первыхъ христіанъ; упомяните тутъ о мужествѣ молодыхъ дѣвушекъ, объ изумительной строгости жизни св. подвижниковъ, объ обращеніи въ вѣру Христову императора и самой имперіи, объ ослѣпленіи евреевъ и объ ихъ ужасномъ наказаніи, продолжающемся понынѣ.

Всѣ эти рассказы, разумно переданные, запечатлѣютъ въ живомъ и вѣжномъ дѣтскомъ воображеніи послѣдовательно всю исторію вѣры отъ сотворенія міра до нашихъ дней и вложатъ въ ихъ душу благородныя и притомъ неизгладимыя понятія. Дѣти увидятъ въ этихъ разсказахъ десницу Божию, непрестанно милующую праведныхъ и карающую нечестивыхъ. Они привыкнутъ во всемъ видѣть присутствіе Бога, невидимо напра-

вляющаго къ своимъ цѣлямъ тѣ Свои созданія, которыя, по-видимому, болѣе другихъ отъ Него удаляются. Но необходимо собрать въ этихъ разсказахъ все наиболѣе радостное и величественное; надо употребить всѣ усилія къ тому, чтобы для дѣтей религія стала прекрасной, приятной и священной, а не тяжелой и скучной, какъ бываетъ обыкновенно.

Кромѣ неопытнаго преимущества такого преподаванія религіи дѣтямъ, этотъ запасъ интересныхъ разсказовъ, усваиваемыхъ дѣтьми съ самаго ранняго возраста, возбуждаетъ въ нихъ любознательность къ серьезнымъ вещамъ, вселяетъ въ нихъ удовольствіе къ умственнымъ занятіямъ, вызываетъ ихъ интересъ къ другимъ историческимъ разсказамъ, имѣющимъ связь съ тѣми, которые они раньше узнали. Но, повторяю, надо остерегаться насильно заставлять дѣтей слушать и запоминать эти разсказы и ни въ какомъ случаѣ не дѣлать изъ нихъ правильныхъ, систематическихъ уроковъ. Нужно, чтобы въ основѣ этихъ занятій лежало удовольствіе. Не торопите ихъ, — и даже съ самыми обыкновенными умами вы достигнете желаемыхъ результатовъ. Не слѣдуетъ только слишкомъ обременять ихъ, но стараться шагъ за шагомъ возбуждать ихъ любознательность. Но, скажете вы, какъ же достигнуть того, чтобы передача этихъ разсказовъ была жива, кратка, естественна и приятна? Гдѣ такіа воспитательницы, которыя умѣли бы это сдѣлать? На это и скажу, что предлагаю мой методъ лишь въ томъ случаѣ, если родители постараются выбирать въ руководители своимъ дѣтямъ людей умныхъ и этихъ послѣднихъ убѣдить, насколько возможно, въ его преимуществахъ. Тогда каждая воспитательница воспользуется имъ настолько, насколько это позволитъ ей ея педагогическое дарованіе. Наконецъ, какъ бы мало она ни была развита, дѣло пойдетъ все-таки лучше при этомъ методѣ, который самъ естествененъ и простъ.

Къ своимъ разсказамъ воспитательницы могутъ прилагать гравюры и картины, хорошо иллюстрирующія разсказы изъ священной исторіи. Въ повседневной практикѣ можно довольствоваться гравюрами, но если есть возможность показать дѣ-

тямъ настоящія хорошія картины, то этимъ не надо пренебрегать, потому что сила красокъ и натуральная величина фигуръ сильнѣе подѣйствуетъ на дѣтское воображеніе^(*).

Г Л А В А VII.

Какъ заложить въ душѣ ребенка первыя основанія религіи⁽¹⁾.

Мы уже замѣтили выше, что въ равномъ возрастѣ дѣти не способны размышлять не по недостатку тѣхъ понятій и основныхъ принциповъ мысленія, которыя они пріобрѣтутъ впоследствии⁽²⁾, но потому, что незнаніе многихъ вещей не позволяетъ имъ примѣнять къ дѣлу своего разума, а возбужденное состояніе ихъ мозга мѣшаетъ имъ слѣдить за ходомъ своихъ мыслей и связывать ихъ между собою.

Несмотря на это, слѣдуетъ мало-по-малу незамѣтно направлять первыя проблески ихъ разума на познаніе Бога и убѣдить ихъ въ христіанскихъ истинахъ, не давая имъ повода къ сомнѣнію. Дѣти видятъ, что кто-нибудь умеръ, и знаютъ, что его похоронятъ. Задайте имъ такой вопросъ: «Вѣдь умершій въ могилѣ?» — «Да» — «Значитъ, онъ не въ раю?» — «Нѣтъ онъ тамъ». — «Какимъ же образомъ онъ въ одно время и въ раю, и въ могилѣ?» — «Въ раю находится его душа, а его тѣло опущено въ землю». — «А душа развѣ не тоже, что и тѣло?» — «Нѣтъ». «А душа вѣдь не умерла?» — «Нѣтъ, она вѣчно будетъ жить на небѣ». — При этомъ вы можете прирѣзать: «А вы, дѣти, хотѣли бы сами спастись?» — «Да, но что же значитъ спастись?» — «Это значитъ, что послѣ смерти душа идетъ въ рай.» — «Въ чемъ же состоитъ смерть?» — «Въ томъ, что душа покидаетъ тѣло, которое обращается въ прахъ».

Я не требую, чтобы дѣти сразу давали такіе отвѣты; тѣмъ не менѣе я могу сказать, что многія изъ нихъ, начиная съ четырехлѣтняго возраста, уже могли мнѣ ихъ давать. Если

взять ребенка, наименѣе развитого и понятливаго, то въ самомъ худшемъ случаѣ придется терпѣливо прождать еще нѣсколько лѣтъ.

Укажите ребенку на домъ и заставьте его понять, что домъ выстроенъ не самъ собою. «Вѣдь не подымутся же камни сами вверхъ, если никто не свесетъ ихъ туда», скажете вы. Кстати покажите дѣтямъ и каменщиковъ, строящихъ домъ; затѣмъ обратите ихъ вниманіе на небо, землю, на главнѣйшіе предметы, созданные Богомъ на пользу человека; прибавьте при этомъ: «Посмотрите, дѣти, насколько прекраснѣе и лучше устроены этотъ міръ, чѣмъ домъ! Не созданъ ли онъ самъ собою? Конечно, нѣтъ: это созданіе рукъ Божіихъ».

Слѣдуйте прежде всего приему св. писаній: дѣйствуйте сильнѣе на ихъ воображеніе, и всѣ ваши объясненія облакайте въ самыя яркіе образы. Представьте имъ Бога, возсѣдающаго на престолѣ, съ очами, блистающими ярче солнца и сверкающими ярче молніи. Пусть вѣщаютъ уста Его, уши Его слышать, руки держать вселенную, десница Его да будетъ простерта для наказанія злыхъ, а сердце отечески нѣжно ко всѣмъ любящимъ Его. Придетъ время, когда вы дадите болѣе точныя познанія обо всемъ этомъ. Теперь же обратите вниманіе на всѣ проявленія дѣтскаго разума и попытайте его съ разныхъ сторонъ, чтобы узвать, какииъ образомъ вложить эти великія истины въ его дѣтскую голову, и въ особенности не говорите ему ничего новаго, не поясняя какими нибудь понятными сравненіями.

Напримѣръ, спросите ребенка, предпочтетъ ли онъ скорѣе умереть, чѣмъ отречься отъ Христа. Онъ отвѣтитъ вамъ: «Да» — «Какъ, скажете вы, развѣ ты дашь отрубить себѣ голову, чтобы попасть въ рай?» «Да», — отвѣтитъ вамъ онъ, думая, что у него хватитъ мужества рѣшиться на это. Но вы, желая дать ему понять, что никакой подвигъ немислимъ безъ благодати Божіей, не достигнете ничего, сказавъ ему просто, что безъ благодати нельзя остаться вѣрными Богу. Всѣ эти слова ему непонятны, и если вы приучите его произносить ихъ, не понимая, то вы далеко не уйдете. Что же вамъ слѣ-

дуетъ дѣлать? Расскажите ему исторію св. апостола Петра, гдѣ онъ гордо говоритъ Спасителю: «Я послѣдую за Тобою, если даже придется умереть; пусть все оставятъ Тебя, а же никогда Тебя не оставлю». Затѣмъ расскажите ребенку о паденіи Петра, о его тросекратномъ отреченіи отъ Христа изъ страха передъ служанкой; объясните, почему Богъ допустилъ его до такой слабости; потомъ воспользуйтесь сравненіемъ съ младенцемъ или съ больнымъ, который не можетъ ходить, и скажите, что и насъ, людей, Господу Богу приходится носить на рукахъ Своихъ, какъ кормилицѣ младенца; такимъ способомъ можете объяснить тайну благодати Божіей.

Но вотъ истина, которую всего труднѣе объяснить ребенку, — это превосходство души надъ тѣломъ. Поэтому слѣдуетъ приучать дѣтей съ самаго начала говорить объ ихъ душѣ; въ противномъ случаѣ, никогда не слышавши этого слова, дѣти даже смутно не будутъ сознать различія между душой и тѣломъ въ то время, когда не будутъ еще въ состояніи этого ясно постигнуть. Насколько пагубны предразсудки дѣтства, когда они ведутъ къ заблужденіямъ, настолько они полезны, когда приучаютъ воображеніе къ истинѣ, пока разумъ самъ не обратится къ ней, въ силу своихъ требованій. Но надо же, наконецъ, создать истинныя убѣжденія. Какъ это сдѣлать? Слѣдуетъ ли посвящать дѣвушку во всѣ тонкости философіи? Ничего не можетъ быть хуже этого; надо ограничиться лишь тѣмъ, чтобы разъяснить ей, насколько возможно ясно и понятно, все то, что она говоритъ и слышитъ каждый день.

Что же касается ея тѣла, то она слишкомъ хорошо съ нимъ знакома. Все способствуетъ тому, чтобы она занималась имъ, украшала его и дѣлала себѣ изъ него идола. Поэтому очень важно внушить дѣвушкѣ презрѣніе къ своему тѣлу, указавъ ей на что-нибудь лучшее въ ней самой.

Ребенку, который ужъ способенъ размышлять, задайте такой вопросъ: «Когда ты спишь, ѣсть твоя душа или нѣтъ?» Если онъ отвѣтитъ неудачно, то не браните его; но спокойно скажите, что душа не можетъ ѣсть, и что питаніе свойственно лишь нашему тѣлу, которое подобно животному. «А есть ли

у животныхъ разумъ, учены ли они?» опять спросите вы. — «Нѣтъ», отвѣтитъ ребенокъ. «Не имѣя разума», продолжите вы дальше, «животныя однако ѣдятъ; слѣдовательно, не разумъ ихъ питается, а тѣло; оно же движется и спитъ. А что же дѣлаетъ душа? Она размышляетъ, познаетъ міръ, нѣкоторые предметы любить, къ другимъ относится съ отвращеніемъ. Затѣмъ, какъ бы шутя, прибавьте: «Видишь ты этотъ столъ?» — «Да». — «Ты вѣдь его знаешь?» — «Да». — «Вѣдь ты видишь, что онъ сдѣланъ не такъ, какъ этотъ стулъ; знаешь, что онъ деревянный и не похожъ на этотъ каминъ, который сдѣланъ изъ камня?» — «Да», отвѣтитъ ребенокъ. Не продолжайте вашей бесѣды, пока не убѣдитесь по глазамъ и голосу ребенка, что эти простыя истины поразили его. А потомъ спросите его: «А этотъ столъ тебя знаетъ?» Ребенокъ конечно засмѣется на это. Но это ничего, продолжайте: «Кто тебя больше любитъ, столъ или стулъ?» Ребенокъ будетъ смѣяться, но вы опять продолжайте: «А вѣдь это умное окно, не правда ли?» Затѣмъ попробуйте идти еще дальше: «Отвѣчаетъ ли тебѣ эта кукла, когда ты съ ней говоришь?» — «Нѣтъ». — «Почему же? Развѣ у нея нѣтъ ума? Значитъ она не похожа на тебя, если ты ее знаешь, а она тебя со всѣмъ не знаетъ? Ну а послѣ твоей смерти, когда тебя зароютъ въ землю, будешь ты похожъ на эту куклу?» — «Да». — «Ты, значитъ, ничего не будешь чувствовать и никого болѣе не будешь знать?» — «Никого». — «А гдѣ же будетъ твоя душа? На небѣ?» — «Да». — «Увидитъ она тамъ Бога?» — «Конечно». «А гдѣ же теперь душа твоей куклы?» Изъ отвѣта ребенка или по его улыбкѣ вы ясно увидите, что онъ понимаетъ, что у куклы души быть не можетъ.

На этой основѣ, при помощи подобныхъ краткихъ и наглядныхъ бесѣдъ, вы мало-по-малу приучите ребенка распознавать отличительныя свойства души и тѣла. Не вдавайтесь только неосторожно въ разсужденіе касательно нѣкоторыхъ дѣйствій, въ которыхъ одинаково участвуетъ какъ душа, такъ и тѣло. Надо избѣгать всѣхъ тонкостей, могущихъ затемнить истину, и ограничиться лишь упоминаемъ о явленіяхъ,

въ которыхъ различіе души и тѣла особенно рѣзко. Можетъ быть, найдутся умы грубые, которые, несмотря даже на хорошее образованіе, не поймутъ вполне ясно этихъ истинъ; кромѣ того, для нѣкоторыхъ даже волиѣ яснаго пониманія предмета еще далеко не достаточно для того, чтобы отчетливо объяснить его. Богъ самъ лучше насъ читаетъ въ умѣ чловѣка то, что Онъ вложилъ въ него для познанія Своихъ божественныхъ тайнъ.

Что же касается дѣтей съ умомъ, способнымъ къ дальнѣйшему развитію, то можно, не вдаваясь черезъ-чуръ въ философію и сообразуясь со степенью ихъ развитія, объяснить имъ, какъ слѣдуетъ понимать выраженія: Богъ есть духъ, и душа наша также есть духъ. Я думаю, что наилучшій и простѣйшій способъ разъяснить дѣтямъ духовность Бога и души состоятъ въ указаніи имъ различія между чловѣкомъ мертвымъ и живымъ: въ одномъ лишь одно тѣло, въ другомъ же тѣло въ соединеніи съ духомъ. Затѣмъ надо указать имъ на то, что существо мыслящее много совершеннѣе того, которое имѣетъ лишь форму и способность движенія. Замѣтите при этомъ, что никакое тѣло не погибаетъ, но лишь разлагается; такъ частицы горящаго дерева превращаются въ пепелъ или улетаютъ въ видѣ дыма. Если, прибавите вы, вещество, состоящее изъ одного лишь пепла, не способнаго ни къ мысленію, ни къ знанію, а то никогда не погибаетъ окончательно, тѣмъ болѣе душа наша, которая мыслитъ и познаетъ, никогда не переставетъ существовать. Тѣло можетъ умереть, т.-е. отдѣлиться отъ души и обратиться въ прахъ, но душа будетъ жить вѣчно, ибо она не переставетъ мыслить.

Воспитатели должны какъ можно болѣе стараться развить въ дѣтскихъ умахъ эти знанія, составляющія основу всей религіи. Даже въ имѣи въ этомъ успѣха, они не должны отказываться отъ неразвитыхъ и грубыхъ умовъ, но, напротивъ, должны надѣяться, что незамѣтнымъ образомъ Господь Богъ Самъ просвѣтитъ ихъ. Чтобы нагляднѣе и проще показать дѣтямъ и утвердить въ нихъ это различіе души и тѣла, слѣдуетъ приучить ребенка относиться съ презрѣніемъ

къ одному и уважать другое во всѣхъ мелочахъ нашей повседневной жизни. Хвалите ученіе, питающее и возвышающее душу, восторгайтесь высокими истинами, видящими мудрость и добродѣтель; презирайте хорошую пищу, украшения и все то, что вѣжить плоть; дайте почувствовать, насколько добрѣе нѣя, чистая совѣсть и религія стоятъ выше грубыхъ удовольствій. При помощи подобныхъ чувствъ древніе римляне, не разсуждая о различіи души и тѣла, научили своихъ дѣтей презирать тѣло и жертвовать имъ для того, чтобы дать душѣ насладиться добродѣтелью и славой. У нихъ это не было достоинствомъ людей образованнаго класса — весь народъ былъ отъ природы воздерженъ, безкорыстенъ, полонъ презрѣнія къ жизни и чутокъ ко всему тому, что касалось чести и мудрости. Когда я говорю о древнихъ римлянахъ, я разумѣю тѣхъ, которые жили до эпохи ихъ мірового владычества, когда уже не было прежней простоты нравовъ.

Пусть не говорятъ поэтому, что воспитаніемъ нельзя внушить дѣтямъ извѣстныхъ привычекъ. Сколько видимъ мы правилъ, сложившихся въ нашей средѣ вопреки здравому смыслу⁴³⁾, въ силу лишь извѣстнаго обычая! Напримеръ, обычай дуэли, создавшейся въ силу ложнаго пониманія долга чести. Люди военные подвергали себя постоянной опасности, ставя свою жизнь на карту, и это происходило не въ силу извѣстнаго убѣжденія, а просто вслѣдствіе ложно понятата долга чести. Даже человекъ, живущій со всѣми въ мирѣ, могъ ежеминутно натолкнуться на ссору съ людьми, искавшими случая отличиться въ какомъ-либо поединкѣ. Даже при всей сдержанности нельзя было, безъ ущерба для своей ложной чести, избѣгнуть перваго встрѣчнаго, которому хотѣлось подраться⁴⁴⁾. Никакая власть не была въ состояніи уничтожить этотъ варварскій обычай⁴⁵⁾. Вотъ какъ могущественны привычки, внушенные воспитаніемъ, а эти привычки будутъ имѣть еще большую силу, если будутъ укрѣпляться разумомъ и надеждою на царство небесное. Римляне, о которыхъ мы уже говорили, и равше ихъ греки, въ лучшее время ихъ политической жизни, воспитывали въ своихъ дѣтяхъ ненависть

къ роскоши и извѣженности, учили уваженію къ славі, внушали стремленіе къ побѣдамъ надъ царями, обладателями сокровищъ, а не къ самымъ сокровищамъ, приучали вѣрить, что одна лишь добродѣтель въ состояніи дать человѣку счастье. Этотъ духъ такъ прочно вкоренился въ этихъ республикахъ, что, благодаря ему, граждане совершали изумительные подвиги единственно только въ силу правилъ, столь отличающихъ ихъ отъ прочихъ народовъ. Примѣръ множества мучениковъ и первыхъ христіанъ всякаго возраста и общественнаго положенія убѣждаетъ насъ въ томъ, что благодать, получаемая при крещеніи, въ соединеніи съ воспитаніемъ, оказываетъ еще болѣе чудесное дѣйствіе на вѣрующахъ и заставляеть ихъ презирать все тѣлесное. Постарайтесь же въ интересныхъ бесѣдахъ и понятныхъ сравненіяхъ показать дѣтямъ, что тѣло наше подобно животнымъ, а душа наша подобна ангеламъ. Изобразите всадника верхомъ на лошади управляющаго послѣдней; скажите, что душа по отношенію къ тѣлу тоже, что всадникъ по отношенію къ лошади. Въ заключеніе скажите, какъ слаба и несчастна душа, которая допускаетъ тѣлу увлечь себя, подобно бѣшеной лошади, повергающей всадника въ бездну. Дайте дѣтямъ замѣтить, что красота тѣлесная это цвѣтокъ, который распускается утромъ, а къ вечеру блекнетъ и помираетъ ногами, тогда какъ душа есть изображеніе безсмертной божественной красоты. «Существуютъ», скажите имъ, «вещи столь совершенныя, что ихъ нельзя познать несовершенными физическими органами, которыми мы познаемъ здѣсь на землѣ всѣ вещи, подверженныя порчѣ и измѣненію». Чтобы внушить дѣтямъ мысль о существованіи вещей, не познаваемыхъ нашими тѣлесными глазами или ушами, можно спросить ихъ: «Не правда ли, какъ умень такой-то, а такой-то еще умнѣе?» Когда ребенокъ отвѣтитъ «да», — прибавьте: «Видѣлъ ли ты умъ того человѣка? Какого онъ цвѣта? Слышалъ ли ты его? Производитъ ли онъ шумъ? Трогалъ ли ты его? Горячій онъ, или холодный?» На такіе и имъ подобные вопросы ребенокъ всегда будетъ смѣяться; онъ будетъ удивленъ, если его спросятъ, какого цвѣта умъ, кругъ

лиъ онъ или четырехугольный? «Итакъ», скажете вы ребенку, «ты знаешь несомнѣнно существующія вещи, которыя нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать, и всѣ эти вещи суть существа духовныя». Но слѣдуетъ съ большой осмотрительностью вступать въ подобныя разсужденія съ дѣвочками. Я допускаю ихъ только въ томъ случаѣ, если любознательность и разсудительность дѣвочки независимо отъ васъ приведетъ васъ къ подобнымъ вопросамъ. Въ этомъ случаѣ приходится руководиться степенью ихъ развитія и ихъ потребностями.

Удерживайте, насколько возможно, ихъ умъ въ извѣстныхъ границахъ. Внушите дѣвушкамъ, что ихъ полу подобаешь относиться къ наукѣ съ извѣстной скромностью, не меньшей, чѣмъ та, которая внушаетъ имъ отвращеніе къ порокамъ.

Въ то же время слѣдуетъ призвать воображеніе дѣвушекъ на помощь разуму и создать имъ чудные образы христіанскихъ истинъ, недоступныхъ для нашего тѣла. Изобразите имъ небесную славу такую, какъ представляеть ее намъ св. Іоаннъ, славу, когда не будетъ ни слезъ, ни смерти, ни страданій, ни криковъ; когда умолкнуть стоны и печали; когда вѣчная радость будетъ сіять надъ головами блаженныхъ, какъ волны надъ головой человѣка, погруженнаго въ бездну морскую. Покажите имъ этотъ Іерусалимъ славы, гдѣ самъ Богъ будетъ свѣтиломъ міра, дабы были вѣчные дни; гдѣ будетъ орошать рѣка міра, потокъ радостей, источникъ жизни; гдѣ все золото, жемчугъ и драгоценныя камни. Правда, что всѣ эти образы привлекають къ предметамъ чувственнымъ; но поразивъ дѣтей такимъ чудеснымъ зрѣлищемъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе, можно затѣмъ перейти къ предметамъ духовнымъ, употребивъ для этого одинъ изъ указанныхъ мною выше способовъ.

Въ заключеніе скажите, что мы здѣсь на землѣ не что иное, какъ путники въ гостинницѣ или въ походномъ шатрѣ; что тѣло наше погибнетъ и задержать эту гибель можно развѣ лишь на нѣсколько лѣтъ; что душа наша отлетитъ въ свое небесное отечество, гдѣ будетъ вѣчно жить въ Богѣ. Если вы приучите дѣтей съ радостью взирать на эти высокіе предметы и судить объ обычныхъ явленіяхъ лишь по ихъ

отношенію къ возвышеннымъ надеждамъ, этимъ самымъ вы преодолеете величайшія затрудненія въ дѣлѣ воспитанія.

И очень хотѣлъ бы произвести на дѣтей сильное впечатлѣніе разказами о будущемъ воскресеніи нашего тѣла. Пусть дѣти поймутъ, что природа имѣеть свои законы, установленныя Богомъ, и чудеса суть отступленія отъ этихъ общихъ законовъ: скажите ребенку, что для Бога сдѣлать сотню чудесъ такъ же легко, какъ мнѣ выйти изъ комнаты на четверть часа равнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Затѣмъ напомните исторію воскресенія Лазаря, воскресеніе самого Иисуса Христа и его неоднократныя явленія въ теченіе сорока дней многимъ лицамъ. Наконецъ, объясните дѣтямъ, что Тому, Кто сотворилъ человѣка, не трудно снова призвать его къ жизни. Употребите къ стати сравненіе съ зерномъ, которое бросаютъ въ землю, чтобы оно, истлѣвши тамъ, снова возросло и умножилось.

Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ внушать дѣтямъ этого ученія при помощи памяти, какъ это дѣлается при изученіи катехизиса; этой методой можно достигнуть лишь того, что религиозное воспитаніе обратится въ напыщенный фразы или по крайней мѣрѣ въ скучную [формальность. Помогайте только дѣтскому разуму и давайте ему такое направленіе, чтобы онъ въ самомъ себѣ могъ найти эти истины. Благодаря этому, дѣти легко и съ удовольствіемъ ихъ усвоятъ и живѣе запечатлѣють въ своемъ мозгу. Пользуйтесь всѣми способностями ребенка, чтобы онъ самъ усналялъ себя все, смутно еще понимаемое.

Но будьте осмотрительны: ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ говорить дѣтямъ о презрѣніи къ этой жизни, не доказавъ имъ всѣми мелочами вашего поведенія того, что вы говорите серьезно. Во всѣхъ возрастахъ примѣръ оказываетъ на человѣка необыкновенно могущественное дѣйствіе; въ дѣтскомъ же возрастѣ онъ — все. Дѣтямъ очень правится подражаніе: у нихъ еще не образовалось привычекъ⁴¹⁾, въ силу которыхъ было бы трудно подражать окружающимъ. Не имѣя твердыхъ и самостоятельныхъ убѣжденій, ребенокъ руководится болѣе самими дѣйствіями окружающихъ, чѣмъ тѣми

доводами, на которыхъ они обосновываютъ свои дѣйствія. Поступки оказываютъ на него большее вліяніе, чѣмъ всякія наставленія; если же ребенокъ видитъ обратное тому, чему его учатъ, то онъ привыкнетъ смотрѣть на религію, какъ на красивую церемонію, а на добродѣтель, какъ на идею невыполнимую.

Никогда не позволяйте себѣ шутить при дѣтяхъ надъ предметами, имѣющими отношеніе къ религіи. Иногда смѣются надъ набожностью какого-нибудь простака, надъ его привычкой совѣтоваться со своимъ духовникомъ или надъ наложенной на него епитиміей. Вы жестоко ошибаетесь, если считаете всѣ эти шутки невинными: въ этомъ отношеніи всякіе пустяки могутъ имѣть свои послѣдствія. Говорить о Богѣ и обо всемъ, что касается Его почитанія, нельзя иначе, какъ только серьезно и съ уваженіемъ, весьма далекимъ отъ всякихъ вольностей. Не допускайте никакой непристойности вообще, въ особенности же относительно этого предмета. Часто встрѣчаются люди, весьма деликатные и щепетильные въ свѣтскихъ разговорахъ, которые позволяютъ себѣ грубыя шутки по отношенію къ религіи.

Когда ребенокъ помощью должныхъ размышленій дойдетъ до самопознанія и до познанія Бога, приведите съ этимъ въ связь уже извѣстныя ему историческія событія; и эта связь съ исторіей поможетъ ему прослѣдить въ своей головѣ постепенное развитіе религіи. Ребенокъ съ удовольствіемъ замѣтитъ тѣсную связь, которая существуетъ между его размышленіями и исторіей рода человѣческаго. Онъ узнаетъ тогда, что человѣкъ не созданъ самъ собою; что его душа есть образъ Божій, а искусный механизмъ его тѣла созданъ могуществомъ и промысломъ Божиимъ, и при этомъ онъ вспомнитъ исторію сотворенія міра. Онъ будетъ размышлять о томъ, что рожденъ съ склонностями, противными разуму, что удовольствіе увлекаетъ его въ обманъ, что онъ владаетъ въ гнѣвъ, что его душа, вопреки разуму, поддается влеченіямъ сердца, подобно тому какъ всадникъ своей бѣшеной лошади, между тѣмъ какъ сама душа должна управлять тѣломъ. Ребенокъ

увидитъ причину такого несоотвѣтствія въ исторіи грѣхонаденія Адама; этотъ разсказъ заставитъ его ожидать Спасителя, который примиритъ людей съ Богомъ. Вотъ вся основа религіи.

Чтобы молодыя дѣвушки лучше понимали таинства дѣяній и ученія Иисуса Христа, надо въ нихъ вызвать расположеніе къ чтенію св. Евангелія. Слѣдовало бы съ самаго ранняго возраста приготовить дѣтей къ чтенію божественнаго Слова, подобно тому какъ готовятъ ихъ къ принатію тѣла Христова. Въ основаніе всего нужно полагать авторитетъ церкви, состоящей въ союзѣ со Христомъ и являющейся матерью всѣхъ вѣрныхъ. Скажите молодымъ дѣвушкамъ, что безпрекословно должно подчиняться рѣшеніямъ церкви, ибо Духъ Святой просвѣщаетъ ее, дабы она правильно изъяснила намъ Священное Писаніе. Только черезъ ея двери можно прийти ко Христу. Не забывайте нѣсколько разъ перечитывать дѣтямъ тѣ мѣста, гдѣ Иисусъ Христосъ обѣщаетъ поддерживать и одушевлять церковь, дабы она приводила своихъ чадъ на путь истины. Въ особенности внушайте дѣвушкамъ ту мудрую скромность и умѣренность, на которую указываетъ св. апостолъ Павелъ⁴⁵); вселяйте въ нихъ страхъ передъ всякими новшествами въ религіи, увлеченіе которыми столь свойственно ихъ полу; внушите имъ спасительный ужасъ предъ всѣми обособленіями въ дѣлѣ религіи; изобразите имъ то небесное совершенство и удивительный порядокъ, который царилъ между первыми христіанами; заставьте ихъ краснѣть при видѣ нашей распущенности, вздыхать по этой евангельской чистотѣ; заботливо удаляйте отъ нихъ всѣ мысли, могущія развить въ нихъ надменный критическій духъ или стремленія къ дерзкимъ преобразованіямъ.

Обращайте же ихъ взоры на Евангеліе и на великіе примѣры древности; но предварительно испытывайте ихъ покорность и чистоту вѣры. Возвращайтесь востоянно къ авторитету церкви; укажите имъ на цѣлый рядъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ церковь, въ силу данныхъ ей по Евангелію обѣтованій и власти, сохранила неизменно пріектвенность пасти-

рей и ученія, не зирая на столько переворотовъ и смуть, что и является очевиднымъ доказательствомъ исполненія сихъ обѣтованій Вожіихъ. Заложивъ сѣмена покорности, смиренія и отпащенія отъ всякой подозрительной обособленности, вы навѣрно усѣбно покажете молодежи все, что есть совершеннаго въ законѣ Вожіемъ, въ установленіи таинствъ и въ обрядахъ древней церкви. Я знаю, что нельзя рассчитывать преподавать всѣ эти свѣдѣнія во всей ихъ полнотѣ всякому ребенку; и только предлагаю ихъ, чтобы вамъ можно было, по возможности точно, сообщать ихъ дѣтямъ, сообразуясь съ ихъ возрастомъ и степенью ихъ развитія.

Ничто такъ не опасно для слабаго пола, какъ суетвѣріе; но, съ другой стороны, ничто такъ не искореняетъ и не предупреждаетъ суетвѣрія, какъ основательное образованіе. Образованіе дѣвушекъ, хотя и заключенное въ должныя границы и далеко не похожее на занятія ученыхъ, должно отважовѣ идти далѣе, чѣмъ принято думать. Даже тотъ считаетъ себя образованнымъ, кто ровню ничего не знаетъ и до того невѣжествененъ, что не въ состояніи даже понять, чего ему недостаетъ для усвоенія христіанской религіи. Никогда не слѣдуетъ привышивать къ вѣрѣ или къ дѣламъ благочестія ничего такого, что не имѣло бы начала въ Евангеліи или не было бы установлено церковью. Надо осторожно предупреждать дѣтей относительно заблужденій, которыя люди невѣжественные считаютъ согласными съ ученіемъ церкви. Отъ этого невозможно оградить себя иначе, какъ обратившись къ его первоначальному установленію и къ тому, какъ понимали его святые отцы.

Приучайте же дѣвушекъ, по натурѣ своей очень довѣрчивыхъ, относиться съ осторожностью къ различнымъ вѣрованіямъ, неодобреннымъ церковью, и не увлекаться даваніемъ нѣкоторыхъ обѣтовъ, измышленныхъ усердіемъ неосторожныхъ людей, безъ церковнаго утвержденія.

Надежнѣйшимъ способомъ къ тому, чтобы дать имъ правильный взглядъ на эти вещи, служить не строгая критика этихъ вѣрованій и обѣтовъ, сложившихся лишь въ силу из-

вѣстнаго религіознаго настроенія, а указаніе дѣтямъ на то, что она не имѣютъ должнаго основанія; чрезмѣрнаго порицанія при этомъ слѣдуетъ избѣгать.

Съ вашей стороны будетъ вполне достаточно, если вы сами въ своихъ наставленіяхъ христіанской вѣри не введете такихъ элементовъ. Даже одного вашего умалчиванія о нихъ достаточно будетъ для того, чтобы приучить дѣтей понимать христіанскую религію, во всей ея неприкосновенности и совершенствѣ, не касаясь ея обрядовой стороны. Впоследствии вы можете мало-по-малу предубѣдить ихъ противъ проповѣдей кальвинистовъ. Я думаю, что это наставленіе не будетъ излишне, ибо мы ежедневно имѣемъ дѣло съ людьми, столь занятыми своими религіозными убѣжденіями, что они говорятъ о нихъ даже въ обыкновенныхъ разговорахъ.

Кальвинисты навязываютъ намъ, скажете вы дѣтямъ, крайніе взгляды на почитаніе иконъ, на призываніе въ молитвахъ святыхъ, на молитвы за умершихъ, на отпущеніе грѣховъ. А вотъ, къ чему состоитъ ученіе нашей церкви о крещеніи, миропомазаніи, причащеніи и евхаристіи, о покаяніи и исповѣди, о власти папскаго престола и папы, первенствующаго среди нихъ по восстановленію Самого Иисуса Христа, отреченіе отъ котораго равно отпаденію отъ самой церкви.

Вотъ, продолжите вы, все то, во что слѣдуетъ вѣровать; а все то, что по обвиненію кальвинистовъ нами прибавлено, вовсе не составляетъ сути католическаго вѣроученія; желаніе подчинить кальвинистовъ этимъ мнѣніямъ, которыя ихъ отталкиваютъ, но не служатъ при этомъ основами кальвинизма, лишь удержать ихъ отъ воссоединенія съ нами. Въ то же время не забудьте показать, какъ дерзко осудили кальвинисты самыя древніе и священные наши обряды; прибавьте, что всякое, хотя и новое, установленіе, но согласное съ духомъ древней церкви, заслуживаетъ глубокаго уваженія, ибо въ этомъ случаѣ оно является установленіемъ самой церкви, состоящей въ союзѣ со Христомъ.

Говоря дѣтямъ такимъ образомъ о кальвинистахъ, отнявшихъ, подъ предлогомъ реформы, у древнихъ пастырей часть

ихъ стада, не забудьте указать, что эти высокоумные люди забыли слабость человѣческую и сдѣлали религію недоступной для простолюдиновъ, предоставивъ каждому отдѣльному христіанину самостоятельно объяснять догматы св. писанія вмѣсто того, чтобы слѣдовать толкованію св. церкви. Представьте св. писаніе главнѣйшимъ основаніемъ религіи для вѣрующаго человѣка, скажите при этомъ, что мы сами не хуже еретиковъ признаемъ, что церковь должна подчиниться св. писанію; но мы въ то же время утверждаемъ, что Духъ Святой помогаетъ церкви правильно толковать св. писаніе, мы не оказываемъ церкви предпочтенія передъ священнымъ писаніемъ, но толкованія ея ставимъ выше нашихъ собственныхъ. Не верхъ ли гордости и дерзости для отдѣльнаго человѣка думать, что церковь ошиблась въ своихъ рѣшеніяхъ, и не бояться самому ошибиться, принимая рѣшенія, противныя церкви.

Внушите также дѣтямъ желаніе понимать смыслъ всѣхъ обрядовъ и молитвословій, входящихъ въ составъ божественной службы и совершенія таинствъ. Покажите имъ купель— пусть они видятъ, какъ крестятъ, какъ въ великій четвергъ приготавливаютъ святое миро, а въ святую субботу освящаютъ воду въ купели. Развивайте въ нихъ вкусъ къ проповѣдямъ, но только не къ напыщеннымъ, полнымъ излишнихъ прикрасъ, но къ осмысленнымъ и назидательнымъ бесѣдамъ и поученіямъ, хорошо разъясняющимъ слова Евангелія. Покажите имъ, какъ прекрасна и трогательна простота этихъ поученій; внушите имъ любовь къ своему приходу и пастырю, хотя бы и не особенно талантливому и добродѣтельному, который говоритъ и благословляетъ въ силу данной ему отъ Бога власти. Въ то же время развивайте въ дѣтяхъ уваженіе и любовь ко всѣмъ обществамъ, посветившимъ себя служенію церкви; никогда не позволяйте имъ насмѣхаться надъ одианіемъ и образомъ жизни монаховъ; укажите имъ на святость этого учрежденія, пользу, которую они оказываютъ религіи, и громадное количество вѣрующихъ, ищущихъ въ этихъ священныхъ убѣжищахъ того совершенства, которое почти немисливо въ мірѣ, при его современныхъ требованіяхъ. Приучайте дѣтское во-

ображеніе къ мыслямъ и разговорамъ о смерти; пусть ребенокъ безъ смущенія смотритъ на покровъ, вырытую могилу, умирающихъ, равно какъ и мертвыхъ, если только это не вызываетъ въ немъ чувства слѣпого страха.

Ничего нѣтъ обиднѣе, какъ видѣть людей умныхъ и благочестивыхъ, которые не могутъ безъ содроганія подумать о смерти; нѣкоторые блѣднѣютъ, если за столомъ бываетъ тринадцать, если увидятъ дурной сонъ или опрокинуть солонку; скажите дѣтямъ, что боини всѣхъ этихъ воображаемыхъ предзнаменованій есть грубый остатокъ язычества, что это смѣшно и глупо. Хотя женщины и не представляются столько случаевъ выказать своего мужества, какъ мужчины, тѣмъ не менѣе она должна владѣть собой, ибо трусость всюду презираема и на всѣхъ производитъ дурное впечатлѣніе. Надо, чтобы женщина была въ состояніи преодолѣть въ себѣ пустое безволеіе, чтобы она была тверда, во время какой-нибудь непредвидѣнной опасности, чтобы она плакала и пугалась лишь въ случаѣ большого несчастія; добродѣтель должна поддерживать ее въ этомъ случаѣ. Христіанину, къ какому бы полу онъ ни принадлежалъ, не должно быть трусомъ. Презрѣніе къ жизни настоящей и любовь къ будущей составляетъ, если такъ можно выразиться, духъ христіанской религіи.

ГЛАВА VIII.

Наставленіе относительно десяти заповѣдей, таинствъ и молитвы.

Самое главное положеніе, которое постоянно слѣдуетъ представлять дѣтямъ, это то, что Иисусъ Христосъ есть основаніе, средоточіе и завершеніе нашей религіи, — наше единственное унованіе. Я не собираюсь говорить здѣсь о томъ, какъ нужно объяснять дѣтямъ тайну воплощенія; это завлекло бы меня слишкомъ далеко; къ тому же существуетъ достаточно

книгъ, въ которыхъ можно во всей полнотѣ найти все, что слѣдуетъ сообщить по этому предмету. Когда основныя догматы религіи уже прочно заложены въ дѣтскихъ умахъ, слѣдуетъ преобразовать ихъ сужденія и дѣйствія по образу Самого Иисуса Христа, воплотившагося и вочеловѣчившагося, дабы научить насъ, какъ должно жить и умереть, уподобившагося намъ плотію и показавшаго, во что мы должны вѣровать и какъ поступать. Это вовсе не значитъ, что слѣдуетъ постоянно сравнивать чувства и дѣйствія ребенка съ жизнью Иисуса Христа: это сравненіе было бы и утомительно и неудобно; надо лишь приучить ребенка смотрѣть на жизнь Иисуса Христа, какъ на примѣръ для подражанія, а на Его слова, какъ на законъ для всѣхъ насъ. Изъ словъ и дѣйствій Спасителя выбирайте то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ дѣтскому возрасту. Если ребенокъ не можетъ терпѣливо сносить какіи-нибудь жизненные невзгоды, напомните ему о крестныхъ страданіяхъ Спасителя. Если онъ неохотно занимается какимъ-нибудь скучнымъ для него дѣломъ, напомните ему, какъ Христосъ до тридцати лѣтъ работалъ въ мастерской; если у него является себялюбивое желаніе похвалъ и почестей, — расскажите ему о тѣхъ поруганіяхъ, которыя перенесъ Спаситель; неживучему ребенку передайте, какъ Христосъ разговаривалъ съ грѣшниками и самими гнусными лицемерами; злопамятному напомните Христа, умирающаго на крестѣ за враговъ своихъ, виновниковъ Его крестной смерти; ребенку тщеславному и нескромному въ изъявленіи своихъ восторговъ, какъ можно краснорѣчивѣе, изобразите кротость и смиреніе Иисуса Христа, вся жизнь Котораго была такъ строга и полна величія. Наконецъ, приучите дѣтей представлять себѣ, какъ можно чаще, что сдѣлалъ бы или подумалъ бы Иисусъ Христосъ о нашихъ разговорахъ, развлеченіяхъ и зачатіяхъ, даже самыхъ серьезныхъ, если бы Онъ еще былъ среди насъ, и какъ мы были бы поражены, если бы Онъ неожиданно появился среди насъ, забывшихъ Его заповѣди. Не произойдетъ ли этого съ каждымъ изъ насъ въ часъ смертный, а со всѣмъ міромъ въ сокрытый часъ всеобщаго суда? Изобразите же дѣтямъ

превращеніе всей вселенной, когда солнце померкнетъ, звѣзды надутъ съ мѣсть своихъ, воспламененныя стихіи потекутъ, подобно огненнымъ рѣкамъ, потрясая землю до самаго ея основанія! Спросите дѣтей, какими глазами мы должны будемъ смотрѣть на небо, которое покрываетъ землю, по которой мы ходимъ, на зданія, въ которыхъ мы живемъ, и на всѣ другіе, окружающіе насъ предметы, зная, что все это обречено пламени... Расскажите имъ, какъ разверзнутся гробы, мертвые востанутъ, и Иисусъ Христосъ низойдетъ на облакахъ во всей славіи своей; изобразите разверстую книгу, гдѣ начертаны сокровеннѣйшіе помысли нашего сердца; этотъ судъ Божій передъ лицомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ; вѣчную славу, вѣчающую вѣрныхъ, царствованіе со Христомъ у престола Божія и, наконецъ, ту геенну огненную, вѣчный мракъ и непрестанный ужасъ; скрежетъ зубовъ и неистовство вмѣстѣ съ злыми духами, которое будетъ удѣломъ всѣхъ грѣшниковъ.

Какъ можно основательнѣе объясните дѣтямъ десять заповѣдей; покажите имъ, что вкратцѣ онѣ представляютъ весь законъ Божій, а въ Евангеліи заключается лишь послѣдовательное развитіе десяти заповѣдей. Объясните имъ истинное значеніе евангельскаго совѣта; не допускайте вашихъ воспитанниковъ до свойственнаго большинству людей самообмана, въ силу котораго они дѣлаютъ слишкомъ большое различіе между совѣтами и заповѣдями. Скажите, что евангельскія наставленія даны для того, чтобы облегчить исполненіе заповѣдей, подкрѣпить людей въ ихъ собственной слабости и отвести ихъ отъ края пропасти, въ которую они могли бы попасть, будучи предоставлены сами себѣ; наконецъ, евангельскіе совѣты становятся безусловнымъ закономъ для тѣхъ, которые бываютъ не въ состояніи исполнить заповѣдей, не исполнивъ евангельскихъ наставленій. Напримѣръ, люди, слишкомъ преданные свѣту и свѣтскимъ развлеченіямъ, должны слѣдовать евангельскому совѣту — покинуть все и удалиться отъ міра. Повторяйте чаще о томъ, что буква закона мертва есть и только духъ его оживляетъ все; другими словами, — наружное соблюденіе обрядовъ бесполезно и даже вредно, если

оно не одушевляется любовью и вѣрой. Постарайтесь, чтобы слова ваши были понятиы и прочувствованы; скажите, что Богъ желаетъ почитанія не устами, а сердцемъ; что обряды служатъ лишь для выраженія и возбужденія въ насъ религіознаго чувства, а вовсе не составляютъ самой сути религіи; что вѣра внутри насъ есть, ибо Богъ ищетъ поклоненія въ Духъ и истинѣ. Возлюбимъ же Господа всѣмъ сердцемъ нашимъ, душою и мыслию нашею, какъ будто бы во всемъ мірѣ существовали лишь мы да Онъ. Онъ не нуждается въ увѣреніи устъ нашихъ; Ему не нужно наше общественное положеніе, наше состояніе; Ему нужны лишь мы сами. Но не достаточно ограничиваться однимъ исполненіемъ закона; надо еще всегда имѣть въ виду тѣ плоды, которыхъ желаетъ отъ насъ Законодатель. Такимъ образомъ слушаніе литургіи имѣетъ лишь тогда значеніе, когда это дѣлается съ цѣлью единенія съ Иисусомъ Христомъ, принесшимъ себя въ жертву ради насъ, и для назиданія нашего при посредствѣ всего, изображающаго Его закланіе за грѣхи людей. Закончите все словами, что не всѣ изъицающіе: «Господи! Господи!» внидутъ въ царствіе Божіе; что не имѣющіе истиннаго чувства любви къ Богу, не отрехніеся отъ благъ земныхъ, не презрѣвшіе своей личности, не отвратившіеся отъ мірскихъ соблазновъ обратятъ христіанство въ обманчивый призракъ, какъ для себя, такъ и для другихъ.

Затѣмъ перейдите къ таинствамъ. Я предполагаю, что вы объяснили уже обрядовую ихъ сторону во мѣрѣ того, какъ дѣти съ нею знакомились, о чемъ я и упоминалъ выше. Это лучше всего объяснить духъ и цѣль самихъ таинствъ. Вы объясните имъ, какъ важно быть истиннымъ христіаниномъ и какъ постыдно и губительно вести жизнь, предаваясь мірскимъ соблазнамъ. Напоминайте чаще о заклинаніяхъ и обѣтахъ, произносимыхъ при крещеніи, чтобы показать, что мірскіе прихвѣри и правила не только не должны имѣть надъ нами какой-нибудь власти, а наоборотъ, должны сдѣлать насъ подозрительными ко всему, происходящему изъ такого гнуснаго и заразительнаго источника. Не бойтесь даже изобразить имъ,

подобно св. апостолу Павлу, діавола, владичествующаго надъ міромъ и возбуждающаго сердца людей къ сильнымъ страстямъ, которыя порождаютъ стремленіе къ богатству, славѣ и удовольствіямъ. «Это тотъ самый суетный блескъ», скажете вы дѣтямъ, «который исходитъ скорѣе отъ діавола, чѣмъ отъ міра; это то зрѣлище тщеславія, на которое должны быть закрыты очи и сердце христіанина. Первый шагъ христіанина при крещенія есть отреченіе отъ всякаго мірскаго блеска; возвратъ къ нему послѣ такихъ торжественныхъ обѣтовъ, данныхъ Богу, былъ бы равносленъ вѣроотступничеству; такой христіанинъ былъ бы подобенъ монаху, который, забивъ свои обѣты, покинулъ монастырь и свою одежду кающагося, чтобы снова вернуться въ міръ».

Прибавьте къ этому, какъ должны мы презирать незаслуженныя оскорбленія свѣта, его вѣчестивыя насмѣшки, даже его жестокости. Черезъ таинство миропомазанія мы дѣлаемся воинами Христовыми для борьбы съ этимъ врагомъ. «Епископъ», скажете вы своему воспитаннику, «ударилъ тебя железомъ¹⁶», чтобы закалить тебя отъ самыхъ сильныхъ ударовъ твоихъ преслѣдователей. Онъ совершилъ надъ тобой священное помазаніе подобно тому, какъ древніе, иди на сраженіе, умащали масломъ свои члены, дабы сдѣлать ихъ болѣе сильными и гибкими; наконецъ, онъ сдѣлалъ на тебѣ знакъ креста показывая этимъ, что ты долженъ быть распятъ со Христомъ. Хотя мы и не живемъ во времена гоненія, скажете вы далѣе, когда убивали людей, не желающихъ отречься отъ Евангелія, но міръ, никогда не перестававшій быть самимъ собою, т. е. развращеннымъ, хотя и не прямо, во всегда преслѣдуетъ благочестіе, разставляетъ ему всякія ловушки, позорить и смѣется надъ нимъ и дѣлаетъ осуществленіе его въ большинствѣ случаевъ столь труднымъ, что даже въ средѣ христіанскихъ народовъ, гдѣ христіанская религія поддерживается высшей властью, вѣрующимъ приходится стыдиться имени Христа и подражанія Его жизни».

Какъ можно живѣе разъясните дѣтямъ, какое великое счастье даетъ намъ соединеніе съ Иисусомъ Христомъ въ таин-

ствѣ причащенія. Въ крещеніи мы дѣлаемся братьями во Христѣ, черезъ таинство причащенія мы становимся членами тѣла Христова: какъ при своемъ воплощеніи Христосъ отдалъ Себя всему человечеству вообще, такъ въ таинствѣ причащенія, которое есть естественное слѣдствіе тайны воплощенія, Онъ даетъ Себя каждому вѣрному въ отдѣльности. Все въ этомъ рядѣ таинствъ послѣдовательно: Христосъ отдаетъ свою плоть такъ же истинно, какъ приналь ее. Но вкушать животворящую плоть Христову и не жить въ духѣ Христа — это значило бы стать «повиннымъ тѣлу и крови Христовымъ», вкушая ихъ въ судъ и во осужденіе («ядий и пійи недостойно судъ себѣ ясть и пійть»). Тотъ, говорить самъ Иисусъ Христосъ, — кто вкушаетъ отъ плоти Моей, долженъ и жить во Мнѣ.

Но какое несчастіе, скажете вы потомъ, нуждаться въ таинствѣ покаянія, которое предполагаетъ въ насъ грѣховность даже послѣ того, какъ мы сдѣлались синами Божиими! Хотя священная власть, данная Богомъ на землѣ пастирямъ церкви, чтобы, когда нужно, связывать и разрѣшать прегрѣшенія наши, и есть источникъ величайшаго милосердія Божія, тѣмъ не менѣе надо всегда страшиться возможности злоупотребить этимъ даромъ Божиимъ и Его долготерпѣніемъ. Конечно, всею силою души надо желать ежедневно приобщаться тѣла Христова, что есть жизнь, сила и утѣшеніе всѣхъ праведныхъ; но постараемся достигнуть столь совершеннаго здравія душъ нашихъ, чтобы потребность прибѣгать къ этому, какъ средству врачеванія ихъ, съ каждымъ днемъ становилась меньше. Правда, что бы мы ни дѣлали, потребность эта все еще остается весьма большой; но было бы еще хуже, если бы вся жизнь наша представляла собою непрерывный кругъ грѣховъ и покаяній, сѣбяющихъ другъ друга. Вѣдь исповѣдываться надо только для того, чтобы исправиться и обращаться на путь истинный; въ противномъ случаѣ разрѣшительныя слова, произносимыя при отзущеніи грѣховъ, какъ бы ни были могущественны черезъ установленіе Самого Иисуса Христа, останутся, благодаря нашему упорству, лишь одними

словами, но словами роковыми для насъ, — словами обвиненія передъ Богомъ. Исповѣдь безъ внутренняго исправленія не только не освободитъ нашей совѣсти отъ бремени грѣховъ, но, наоборотъ, прибавитъ еще новый грѣхъ — чудовищнаго святотатства.

Прочтите вашимъ воспитанникамъ прекрасныя отходныя молитвы, покажите имъ, что дѣлаетъ и изрекаетъ церковь, давая умирающимъ послѣднее свое напутствіе. Какое утѣшеніе для нихъ получить еще разъ дары святаго помазанія въ этой послѣдней борьбѣ! Но чтобы достойно умереть, нужно и жизнь провести достойнымъ образомъ!

Восхищайтесь благодетями Господа нашего, Который, освящая бракъ, причину нашего грѣховнаго рожденія, не преминулъ найти цѣлительное средство противъ этого источника всѣхъ нашихъ золъ. Что могло быть сдѣлано съ Его стороны лучшаго, какъ не признать таинствомъ союзъ мужа и жены, по образу духовнаго союза Бога съ міромъ и Христа съ церковью. Какъ необходимо это церковное освященіе брака, чтобы обуздать грубыя людскія страсти, распространить миръ и утѣшеніе въ семьѣ, передавать изъ рода въ родъ свою вѣру, какъ вѣчное наслѣдіе Божіе. Отсюда слѣдуетъ, что бракъ есть состояніе священное и неворочное, хотя и менѣе совершенное, чѣмъ состояніе дѣвства; что для брака надо имѣть призваніе; что въ бракѣ не слѣдуетъ искать ни грубыхъ удовольствій, ни мірскаго блеска: при вступленіи въ бракъ нужно желать одного — рожденія и воспитанія дѣтей въ святости и чистотѣ.

Прославляйте безконечную мудрость Сына Божія, поставившаго пастирей, Своихъ замѣстителей, для нашего наставленія по имя Свое, для дарованія намъ святыхъ Своихъ таинствъ, для примиренія насъ съ Собою въ случаѣ паденія нашего, для непрерывнаго приумноженія вѣрующихъ и новыхъ пастирей, которые въ будущемъ наставляющъ бы всѣхъ вѣрныхъ, чтобы церковь, преемственно существовала повѣки. Покажите дѣтямъ, съ какою радостью мы должны взирать на эту могущественную власть, данную Богомъ, среди людей; съ какимъ

религіознымъ чувствомъ и уваженіемъ должны мы относиться къ помазанникамъ Божиимъ, Его избранникамъ и совершителямъ Его таинствъ. Надо опускать взоры и предаваться печали при видѣ малѣйшаго пятна, омрачающаго блескъ ихъ служенія, и въ случаѣ надобности быть готовымъ смить это пятно собственной нашей кровію; ихъ ученіе исходитъ не отъ нихъ самихъ; кто слушаетъ ихъ, — слушаетъ самого Иисуса Христа; когда они собираются во имя Иисуса Христа для объясненія св. Писанія, Духъ Святой говоритъ ихъ устами. Ихъ время не принадлежитъ имъ; поэтому не слѣдуетъ низводить ихъ съ высоты ихъ служенія, вышнивать въ мірскія дѣла, ибо они должны посвятить себя проповѣди и молитвѣ и быть посредниками между Богомъ и людьми. Тѣмъ болѣе не позволительно посягать на ихъ доходы, которые суть на слѣдствіе бѣдныхъ и плата за грѣхи народа⁴⁷⁾; но всего хуже стремиться помѣщать своихъ родныхъ и друзей на эту отвѣтственную должность безъ призванія съ ихъ стороны, въ однихъ лишь временныхъ и корыстныхъ интересахъ.

Затѣмъ остается показать дѣтямъ всю необходимость молитвы, основанной на нуждѣ нашей въ милосердіи Божию, какъ мы сказали выше. Богъ, скажете вы своему воспитателю, желаетъ, чтобы у Него просили Его милостей не потому, чтобы Онъ не зналъ нашихъ нуждъ, но потому что Онъ желалъ заставить насъ лучше сознавать наши потребности, выражая ихъ въ просьбѣ къ Нему; этого-то смиренія нашего сердца, сознанія нашей безпомощности и нашего ничтожества и, наконецъ, вѣры въ Его доброту требуетъ отъ насъ Господь. Молитва, которой желаетъ Господь изъ устъ нашихъ, должна основываться на нашихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ; вѣдь Господь не нуждается въ словахъ нашихъ, и часто во многихъ словахъ не бываетъ истинной молитвы, равно какъ въ горчей внутренней молитвѣ можно не произнести ни одного слова. Тѣмъ не менѣе слова молитвы могутъ быть очень полезны, такъ какъ при внимательномъ произнесеніи они возбуждаютъ въ насъ мысли и чувства, въ нихъ выраженныя. Вотъ тѣ основанія, почему Иисусъ Христосъ далъ намъ обра-

зецъ молитвы. Какъ утѣшительно для насъ знать отъ Самого Иисуса Христа, какой молитвы желаетъ отъ насъ Богъ Отецъ! Какую силою должны обладать прошенія, вложенныя въ наши уста Самимъ Богомъ! Какъ можетъ Господь не исполнить того, чего Онъ самъ научилъ насъ просить; эта молитва проста, возвышенна, кратка и вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ все, чего мы можемъ ожидать свыше⁴⁸⁾.

Я не рѣшаю здѣсь вопроса о первой исповѣди: онъ стоитъ въ зависимости отъ умственного развитія дѣтей, особенно отъ развитія ихъ совѣсти. Значеніе исповѣди надо выяснять имъ съ того времени, когда они будутъ въ состояніи понять его. Подождите перваго сколько-нибудь значительнаго проступка ребенка, какъ можно сильнѣе пристыдите его и заставьте его испытать угрызенія совѣсти, — и вы увидите, что, подготовленный такимъ образомъ къ исповѣди, онъ самъ будетъ искать себѣ утѣшенія въ признаніи духовнику. Постарайтесь возбудить въ немъ сильное раскаяніе; тогда онъ найдетъ въ исповѣди видимое облегченіе своей скорби, и эта первая исповѣдь произведетъ особенно сильное впечатлѣніе на его умъ и послужитъ для всѣхъ послѣдующихъ источникомъ благодати Божіей.

Съ другой стороны, первое причащеніе святыхъ таинъ, по моему мнѣнію, должно совершиться въ то время, когда ребенокъ достигнетъ болѣе разумнаго возраста, станетъ понятливѣе, послушнѣе и освободится отъ болѣе значительныхъ своихъ проступковъ. Только въ это время, когда вѣра и любовь къ Богу принесутъ свои плоды, Иисусъ Христосъ наилучшимъ образомъ дастъ вкусить св. божественныхъ тѣла и крови и почувствовать силу благодати, получаемой въ таинствѣ причащенія. Ребенокъ въ теченіе продолжительнаго времени долженъ ожидать св. причастія и съ самаго раннаго возраста надѣяться на него, какъ на наивысшее благо, возможное на землѣ въ ожиданіи благъ небесныхъ. Приготовленіе къ сему таинству надо обставать какъ можно торжественнѣе; пусть ребенокъ чувствуетъ, что глаза всѣхъ устремлены на него въ это время; что всѣ считаютъ его счастливымъ и при-

нимаютъ живое участіе въ его радости, что отъ него ожидаютъ поведенія выше его лѣтъ, въ виду столь великаго акта. Но хотя и нужно предварительно подготовить ребенка къ причастью, но, по моему мнѣнію, если бы даже онъ и былъ готовъ, можно лишь тогда дѣлать его участникомъ этой великой благодати Божіей, когда его невинность, подвергнутая разнымъ опаснымъ случайностямъ, начнетъ уже увядать.

ГЛАВА IX.

Замѣчанія о нѣкоторыхъ свойственныхъ дѣвушкамъ недостаткахъ.

Намъ слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ слѣдуетъ предохранять дѣвушекъ отъ многихъ недостатковъ, свойственныхъ имъ полу. Получаемое воспитаніе дѣлаетъ ихъ чрезчуръ изысканными, застѣчивыми, не способными къ стойкому и правильному образу жизни. Сначала у нихъ развивается нѣкоторая неестественность, которая скоро обращается въ привычку; потомъ появляется ни на чемъ не основанный страхъ, а потомъ и слезы изъ-за всякаго пустяка. Презрѣніе ко всѣмъ этимъ аффекціямъ можетъ послужить лучшимъ средствомъ къ ихъ исправленію, потому что тщеславіе играетъ тутъ не послѣднюю роль.

Надо также обуздывать въ нихъ слишкомъ нѣжныя ласки, мелкую зависть, излишнюю любезность, льстивость и услужливость: все это портитъ ихъ и пріучаетъ смотрѣть на все дѣловое и серьезное, какъ на нѣчто сухое и холодное. Надо также стараться, чтобы дѣвушки усвоили привычку говорить кратко и точно; вѣдь истинный ужъ не нуждается въ многословіи, — онъ выразитъ многое и въ немногихъ словахъ, чего такъ часто недостаетъ женщинамъ. Онѣ принимаютъ за умъ живость воображенія и способность легко вести разговоры; онѣ не дѣлаютъ выбора между своими мыслями; онѣ говорятъ

безъ разбора, о чемъ ни пошло, съ одинаковой страстностью, которая и является причиной ихъ многословія. Мы не можемъ ожидать отъ женщины чего-нибудь путнаго, если не пріучимъ ее размышлять послѣдовательно, провѣрять свои мысли, выражать ихъ кратко и, наконецъ, умѣть въ-время помолчать.

Другая причина, обуславливающая это женское многословіе — это ихъ врожденная хитрость, заставляющая ихъ прибѣгать къ различнымъ уловкамъ для достиженія желаемой цѣли. Онѣ высоко цѣнятъ эту хитрость, что вполне понятно, такъ какъ ихъ осторожность дается имъ только хитростью, и это первое, чему онѣ научаются отъ окружающихъ. По натурѣ своей женщины склонны ко всякаго рода комедіямъ; слезы ничего имъ не стоятъ; ихъ желанія слишкомъ подвижны, а познанія весьма ограниченны; отсюда происходитъ ихъ неразборчивость въ выборѣ средствъ, на которыхъ никогда не рѣшился бы человѣкъ съ развитымъ умомъ. Онѣ вовсе не разсуждаютъ о томъ, можно ли желать данной вещи, и въ то же время очень изобрѣтательны въ способахъ ея достиженія.

Прибавьте ко всему этому еще то, что онѣ робки и полны ложнаго стыда, что также служатъ причиною притворства. Чтобы предохранять дѣвушку отъ этихъ недостатковъ, надо стараться не ставить ее въ такое положеніе, чтобы ей приходилось хитрить; наоборотъ, слѣдуетъ пріучать ее открыто выказывать свои наклонности къ тому, что дозвоительно. Если, напримѣръ, ей скучно, пусть прямо объ этомъ скажетъ, если ей кто-нибудь не нравится, то не нужно заставлять ее бывать въ его обществѣ; не нравится какая-нибудь книга, — не нужно заставлять читать ее и т. п.

Нерѣдко бываетъ, что мать, настроенная своимъ духовникомъ¹⁵⁾, выказываетъ своей дочери недовольство, пока та не послѣдуетъ его наставленіямъ, дѣлая это однако противъ своего желанія, по одному расчету. Особенно же надо опасаться заронить въ душу дѣвушекъ подозрѣніе, что имъ хотятъ внушить расположеніе къ монастырю; эта мысль подрываетъ ихъ довѣріе къ родителямъ и порождаетъ убѣжденіе, что ихъ не любятъ, волнуетъ ихъ и на долгое время дѣлаетъ

неогороженными. Если несчастная привычка скрывать свои чувства въ нихъ уже вкоренилась, то наилучшее средство отучить ихъ отъ нея — это основательно выяснить имъ, въ чемъ заключается истинная осторожность. Это подобно тому, какъ развивши въ нихъ вкусъ къ полезнымъ и приятнымъ рассказамъ, мы возбуждали въ нихъ отвращеніе къ чтенію пустыхъ и легкомысленныхъ романовъ. Если не дать нищѣ разумной любознательности дѣвушекъ, то у нихъ разовьется любознательность вредная; точно такъ же, если не дать имъ правильного понятія объ истинной осторожности, въ нихъ разовьется осторожность ложная, другими словами — хитрость.

Покажите дѣвушкѣ на приѣздахъ, какъ безъ обмана можно быть сдержаннымъ, осторожнымъ и достигать успѣха дозволенными средствами: «Истинная осторожность», скажете вы ей, «состоитъ въ томъ, чтобы говорить мало, болѣе довѣрять другимъ, чѣмъ себѣ, не лицемерить и не заводить смуть. Прямота и признанная всѣми репутація честнаго человѣка внушаетъ болѣе довѣрія и уваженія, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, даетъ ему больше выгодъ даже здѣсь, на землѣ, чѣмъ всѣ окольные пути. Развѣ эта здравая честность не возвышаетъ человѣка и не дѣлаетъ способнымъ на великіе поступки?»

Прибавьте къ этому, какъ, низко и ничтожно все, что измышляетъ хитрость. Это — или пустякъ, о которомъ даже совѣстно говорить, или пагубная страсть. Если желаніе законно, то его можно выражать открыто и не спѣша добиваться его прямымъ путемъ. Что можетъ быть пріятнѣе и удобнѣе, какъ не то, чтобы быть всегда искреннимъ, спокойнымъ, довольнымъ самимъ собой, ничего не бояться и не имѣть надобности въ выдумкахъ. Между тѣмъ человѣкъ скрытный всегда испытываетъ волненія, угрызения совѣсти, подвергаетъ себя опасностямъ или печальной необходимости прикрывать одну ложь сотнею другихъ.

Даже цѣною этихъ постыдныхъ тревогъ хитрые люди не въ состояніи избавиться отъ того неловкаго положенія, котораго они такъ избѣгаютъ; рано или поздно ихъ поймутъ,

а если имъ удастся обмануть свѣтъ въ какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ, то не могутъ же они обманывать его всей своей жизнію: какимъ-нибудь образомъ ихъ разгадаютъ. Стараюсь обмануть другихъ, они часто обманываются сами, потому что иногда свѣтъ только дѣлаетъ видъ, будто ослѣдленъ ими, а на самомъ дѣлѣ презираетъ ихъ, тогда какъ сами они увѣрены въ общемъ уваженіи. Во всякомъ случаѣ такой человѣкъ не свободенъ отъ подозрѣній, а что же можетъ быть хуже для разумнаго самолюбія, какъ не мысль, что тебя подозреваютъ? Говорите все это исподволь, при случаѣ, по мѣрѣ надобности, сообразуясь со степенью развитія дѣвушки.

Замѣьте также, что хитрость есть удѣлъ низкихъ и недалекихъ. Человѣкъ хитритъ, когда желаетъ скрыть то, что онъ считаетъ предосудительнымъ, или, съ другой стороны, когда достигаетъ своихъ даже дозволенныхъ желаній недостойными средствами, не умѣя выбрать средствъ болѣе честныхъ. Дайте дѣтямъ понять всю нелѣпость нѣкоторыхъ обычныхъ хитростей и то презрѣніе, которымъ награждаютъ лицемеры; наконецъ, прістыдите ихъ, если какъ-нибудь вы уличите ихъ въ притворствѣ. Лишайте ребенка иногда того, что онъ любитъ, если только онъ добивался этого посредствомъ хитрости, и скажите, что онъ скорѣе получитъ желаемое, поступая прямо. Не бойтесь выказывать иногда сочувствіе ихъ маленькимъ слабостямъ, чтобы дать имъ мужество сознаться въ нихъ: ложный стыдъ — самое опасное и требуетъ немедленнаго исправленія; если не принять должныхъ мѣръ, то это зло дѣлаетъ всѣ другіе недостатки неисправимыми.

Отучайте дѣвушекъ отъ тѣхъ тонкихъ хитростей, которыми такъ желаютъ обмануть ближняго, чтобы обмануваемаго нельзя было заподозрѣть въ обманѣ; въ подобныхъ ухищреніяхъ больше извѣсти и лукавства, чѣмъ въ обыкновенной хитрости. Нѣкоторые люди хитрятъ, такъ сказать, чистосердечно, т. е. чтобы увѣрить въ одною обманѣ, они прибавляютъ еще новый. Скажите ребенку, что Богъ есть сама истина; что шутить истиной въ своихъ словахъ все равно, что шутить самимъ Богомъ; надо стараться, чтобы слова наши были ясны и точны,

и избѣгать многословія, чтобы ничего не говорить, крокъ правды, изъ уваженія къ истинѣ.

Ни въ какомъ случаѣ не подражайте тѣмъ, которые восхищаются дѣтьми, выказавшими свой умъ въ какой-либо ловкой хитрости²⁴⁾. Не издумайте находить такіа выходы мялыми, не забавляйтесь ими, а напротивъ, сдѣлайте дѣтямъ строгое внушеніе и устройте такъ, чтобы всѣ ихъ уловки имъ не удавались; со временемъ неудача отобьетъ у нихъ къ этому охоту. Хвалить ихъ въ подобныхъ случаяхъ значило бы убѣждать ихъ въ томъ, что ловкость заключается въ хитрости.

ГЛАВА X.

Тщеславіе, сказывающееся въ желаніи быть красивой и нарядной.

Не бойтесь ничего болѣе тщеславія дѣвушекъ. Онѣ рождаются съ неудержимымъ желаніемъ нравиться. Тѣ пути, которые ведутъ мужчину къ власти и славѣ, для нихъ закрыты; поэтому онѣ стараются вознаградить себя украшеніями своего ума и тѣла²⁵⁾; вотъ откуда эта ихъ ибжная и вкрадчивая рѣчь, это стремленіе къ красотѣ и виѣшнимъ прелестямъ и это пристрастіе къ нарядамъ. Прическа, ленточка, ниже или выше положенный локонъ, выборъ цвѣта — все это для нихъ дѣло величайшей важности.

Въ нашемъ народѣ это увлеченіе сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Невостойство нравовъ, которое царитъ у насъ, порождаетъ безконечное разнообразіе модъ, потому что страсть къ нарядамъ соединяется со стремленіемъ ко всему новому, имѣющему особенную притягательную силу для подобныхъ умовъ. Двѣ эти глупости, соединившись вмѣстѣ, ниспровергаютъ границы между сословіями и портятъ нравы. Когда нѣтъ никакихъ правилъ относительно одежды и домашней обстановки, то одновременно исчезаютъ дѣйствительныя различія между сословіями²⁶⁾. Что же касается до стола частныхъ лицъ, то общественный авторитетъ менѣе всего можетъ

устанавливать для него свои правила. Каждый заводитъ столъ, смотря по деньгамъ, а часто и безъ денегъ, изъ одного честолюбія и хвастовства.

Эта роскошь разоряетъ семьи, а разореніе семей влечетъ за собой порчу нравовъ. Съ одной стороны, роскошь порождаетъ въ людяхъ низкаго происхожденія страсть къ легкой наживѣ, что, по свидѣтельству Духа Святаго, не можетъ быть безгрѣшно. Съ другой стороны, люди знатнаго происхожденія, оставшись безъ средствъ, совершаютъ страшныя низости и подлости, чтобы покрыть свои расходы. Такимъ образомъ мало-по-малу исчезаетъ чувство чести, вѣра, честность и добрая простота отношеній даже между близкими родными.

Все это зло происходитъ отъ того авторитета тщеславныхъ женщинъ, который имъ принадлежитъ въ дѣлѣ модъ; благодаря имъ, всѣ тѣ, которые хотѣли сохранить величіе и простоту древнихъ нравовъ, поднимались на смѣхъ, какъ неуклюжіе галлы.

Пусть дѣвушка пойметъ, насколько уваженіе, приобретаемое хорошимъ поведеніемъ и истинными способностями, выше того, которое достигается прической и костюмомъ. Красота, скажите вы, обманываетъ еще болѣе того, кто ею обладаетъ, чѣмъ того, кто ею ослѣпленъ; она смущаетъ и ошаняетъ душу: часто самообожаніе доходитъ до глупости и бываетъ сильнѣе, чѣмъ самая сильная страсть влюбленныхъ къ своимъ предметамъ. Небольшого числа дѣтъ иногда бываетъ достаточно для того, чтобы красивая женщина потеряла свою красоту²⁷⁾. Красота только вредна, если не помогаетъ дѣвушкѣ удачно выйти замужъ. Да и какъ поможетъ дѣвушкѣ красота въ дѣлѣ замужества, если она не поддерживается другими достоинствами и добродѣтелью? Безъ этихъ качествъ дѣвушка можетъ рассчитывать развѣ только на какого-нибудь молодого безумца, который сдѣлаетъ ее несчастной; только ея разсудительность и скромность заставятъ искать ея руки людей разумныхъ, уважающихъ качества пречыя и непреходящія. Женщина, которая всю свою силу основываетъ на красотѣ своей, становится скоро смѣшной; она незамѣтна для себя

достигаетъ того возраста, когда красота ея блекнетъ; а она все еще очарована собою, тогда какъ свѣтъ уже очень далекъ отъ такого мѣня и смотреть на нее съ отвращеніемъ. Наконецъ, такое исключительное поклоненіе красотѣ столь же безразсудно, какъ поклоненіе единственно лишь физической силѣ, собственное дикимъ варварскимъ племенамъ.

Отъ красоты перейдемъ къ нарядамъ. Истинная прелесть нисколько не зависитъ отъ пустыхъ и причудливыхъ украшеній. Конечно, надо заботиться о томъ, чтобы одежда, необходимая для прикрытія тѣла, была опрятна, прилична и ввору; но все-таки ткани, которыя покрываютъ насъ, могутъ быть и удобны, и пріятны, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ дать того, что даетъ истинная красота.

По моему мнѣнію, не худо бы указать молодымъ дѣвушкамъ на ту благородную простоту, которую мы видимъ въ статуяхъ и другихъ изображеніяхъ, дошедшихъ до насъ отъ греческихъ и римскихъ женщинъ; онѣ увидѣли бы, какъ величественны и красивы эти небрежно связанные сзади волосы и эти свободныя одежды, ниспадающія длинными складками. Хорошо бы также имъ послушать мнѣнія художниковъ и другихъ лицъ, имѣющихъ развитой вкусъ къ древности. Если бы ихъ умъ хоть немного возмечталъ надъ увлеченіемъ модами, онѣ скоро почувствовали бы большое презрѣніе къ этимъ прическамъ, столь далекимъ отъ природы, и къ черзчуръ вычурнымъ платьямъ. Я хорошо понимаю, что нельзя желать, чтобы онѣ приняли на себя античную вышность; такое желаніе было бы нелѣпно; но было бы вполне естественно, если бы онѣ усвоили себѣ вкусъ къ этой простотѣ одежды столь благородной, граціозной и притомъ вполне соответствующей христіанскимъ правамъ. Такимъ образомъ, слѣдуя по вышности современному обычаю, онѣ во крайней мѣрѣ знали бы, какъ на него смотрѣть; онѣ удовлетворяли бы модѣ, какъ непріятной повинности, и отвели бы ей должное мѣсто²¹). Съ самаго ранняго дѣтства дайте имъ понять, что именно тщеславіе и легкомысліе служатъ причиною нестоянства моды. Какъ, напримеръ, бессмысленно нагромождать у себя на головѣ цѣли

массы взбитыхъ волосъ! Красота истинная слѣдуетъ природѣ и никогда ея не стѣсняетъ.

Но мода сама себя уничтожаетъ; она стремится всегда къ совершенству и никогда его не находитъ; по крайней мѣрѣ она ни на чемъ не можетъ остановиться. Еще былъ бы въ ней смыслъ, если бы она мѣнялась до тѣхъ поръ, пока не достигла бы извѣстнаго совершенства относительно удобства и красоты; но безпрестанная перемена — вѣдь это, такъ сказать, погоня за непостоянствомъ и безпорядкомъ, а вовсе не истинная скромность или развитой изящный вкусъ²²). Во всѣхъ модахъ царитъ одинъ капризъ. Рѣшающее значеніе тутъ имѣютъ женщины: нѣтъ одиѣ въ этомъ случаѣ вѣрять; такимъ образомъ самыя легкомысленныя и менѣе другихъ воспитанныя увлекаютъ за собою другихъ. Онѣ не руководятся никакими правилами, бросая одну моду и выбирая новую. Если хорошо придуманная вещь была долго въ модѣ, то этого уже достаточно, чтобы бросить ее и замѣнить другой, иногда даже безобразной новинкой, которая теперь уже приводитъ всѣхъ въ восторгъ.

Заложивъ въ молодой дѣвучкѣ эти общія основанія, укажите ей нѣкоторыя правила христіанской скромности. Изъ нашей религіи, скажете вы, мы узнаемъ, что человѣкъ рождается во грѣхѣ; его тѣло, сотканное изъ грѣховныхъ элементовъ, есть неисчерпаемый источникъ искушеній для его души. Иисусъ Христосъ учитъ насъ всю добродѣтель полагать въ страхѣ и недовѣрїи къ самимъ себѣ. Станете ли вы, можно сказать молодой дѣвучкѣ, подвергать вашу душу и душу вашего ближняго опасности изъ-за глупаго честолюбія? Стыдитесь же обважать свою шею и совершать другія, подобныя этой, нескромности! Если бы даже это дѣлалось не влѣдствіе дурныхъ побужденій, во всякомъ случаѣ это не что иное, какъ тщеславіе и необузданное желаніе правиться. Оправдываетъ ли эта суетность передъ Богомъ и людьми такое безразсудное и неприличное поведеніе, заразительное для другихъ? Прилично ли это слѣпое желаніе правиться душѣ христіанна, которая должна смотрѣть, какъ на идолопоклонство, на все

то, что отвращаетъ ее отъ Создателя и отъ презрѣнія ко всему внѣшнему? На что же рассчитываютъ дѣвушки, когда желаютъ поправиться? Вѣдь не стараются ли онѣ на сакомъ дѣлѣ возбудить въ мужчинѣ страсти? А развѣ можетъ дѣвушка владѣть собой настолько, чтобы остановить эти страсти, въ случаѣ если онѣ далеко зайдутъ? Не придется ли тогда взить на себя всю вину дурныхъ послѣдствій? Вѣдь, даже немного возбудивъ страсти, можно ожидать отъ этого дурныхъ послѣдствій. Вы приготовляете тонкій и смертельный ядъ, разливаете его въ гѣхъ, кто на васъ смотритъ, и считаете себя невинными! Наконецъ, укажите дѣвушкѣ на людей скромныхъ, заслужившихъ своимъ поведеніемъ общую похвалу, равно какъ и на гѣхъ, которымъ послужила во вредъ нескромность. Особенно не допускайте во внѣшности дѣвушекъ ничего, не соответствующаго ихъ общественному положенію; строго обуздайте всѣ ихъ фантазія. Покажите имъ какой опасности и какому презрѣнію у людей умныхъ подвергается вслѣдствіе, забывающій, что онъ такое.

Остается только предостеречь дѣвушекъ отъ увлеченія умнчаньемъ. Если своевременно не обратить на это вниманія, то дѣвушки съ живымъ характеромъ начнутъ во все внѣшиваться, захотятъ обо всемъ говорить, будутъ судить о произведеніяхъ, которыя выше ихъ пониманія, и притворяться сущающими изъ напускной деликатности. Молодая дѣвушка должна говорить лишь въ случаѣ необходимости, съ видомъ нѣкоторой нерѣшительности и уступчивости; какъ бы образована она ни была, она все-таки не должна разсуждать о вещахъ, которыя выше общаго пониманія дѣвушекъ. Какой бы хорошей памятью и живостью воображенія она ни обладала, какъ бы ни были удачны и граціозны ея шутки, это найдется и у большинства другихъ женщинъ, не особенно умныхъ и зачастую заслуживающихъ презрѣнія. Съ другой стороны, поведеніе строгое и ровное, умъ правильный и уравновѣшенный, умѣнье во-время помолчать и во-время сказать — эти рѣдкія качества замѣтно выдѣляютъ ее изъ ряда другихъ женщинъ. Затѣмъ слѣдуетъ сдерживать въ дѣвушкѣ нормы чрезмѣрной

нѣжности или проявленія напускной грусти, указывая имъ при этомъ, что человекъ, съ правильно развитыми вкусами, умѣетъ приноравливаться ко всякому положенію, смотря по тому, насколько оно полезно.

Что болѣе достойно уваженія, какъ не добродѣтель и здравый смыслъ? и то и другое заставляетъ смотрѣть на недовольство или скуку не какъ на достойную похвалы утонченность натуры, а какъ на слабость большого ума.

Такъ какъ намъ приходится жить среди людей грубыхъ, среди далеко не привлекательныхъ занятій, то разумъ, единственная полезная утонченность, требуетъ, чтобы мы сами приноравливались къ тому, съ кѣмъ намъ приходится жить. Человекъ, который понимаетъ утонченность, но, въ случаѣ надобности, умѣетъ стать выше ея, чтобы добиться цѣлей болѣе положительныхъ, безконечно выше людей не въ мѣру утонченныхъ, рабски слѣдующихъ своему извращенному вкусу.

ГЛАВА XI.

Наставленія женщинамъ касательно ихъ обязанностей.

Перейдемъ же теперь къ болѣе подробному разбору тѣхъ свѣдѣній, которыя должно дать женщинамъ получасное ея образование, и разсмотримъ, какія занятія ей наиболѣе свойственны. На обязанности женщины лежитъ забота о воспитаніи ея дѣтей, мальчиковъ до извѣстнаго возраста, дѣвочекъ до выхода замужъ или поступленія въ монастырь, затѣмъ надзоръ за прислугой, присмотръ за ея поведеніемъ и службой, веденіе мелкихъ расходовъ и умѣнье все сдѣлать прилично и экономно, а часто даже заведываніе сельскимъ хозяйствомъ и доходами съ него.

Знанія женщинъ, равно какъ и мужчинъ, должны ограничиваться лишь тѣмъ, что имѣетъ прямое отношеніе къ ихъ обязанностямъ. Разница же ихъ назначенія влечетъ за собою

и различіе въ получаемомъ ими образованіи. Поэтому въ дѣлѣ образованія дѣвушекъ надо ограничиться тѣми предѣлами, которые только что нами указаны. Но любознательная женщина найдетъ, можетъ-быть, что это слишкомъ узко для ея кругозора; она ошибется, не понимая всей важности и широты тѣхъ вопросовъ, которые я ей предлагаю для изученія.

Въ самомъ дѣлѣ, какую проицательностью должна обладать женщина, чтобы понять натуру и способности каждаго своего ребенка, умѣть поставить себѣ съ дѣтми, изучить ихъ характеръ, склонности и таланты; она должна умѣть предупредить зарождающіеся въ нихъ страсти, внушить имъ хорошія правила, вывести ихъ изъ ихъ заблужденій! Сколько благодарности нужно матери, чтобы приобрести и сохранить надъ дѣтми свою власть, не теряя при этомъ ихъ дружбы и довѣрія! Не она ли должна наблюдать и основательно знать людей, которымъ она довѣряетъ своихъ дѣтей! Кромѣ всего этого, чтобы руководить другими, мать семейства должна вполнѣ хорошо знать свою религію, обладать умомъ зрѣлымъ и твердымъ, энергіей и опытностью.

Съ другой стороны, нельзя разсчитывать и на то, что женщина не будетъ обременена всѣми этими заботами; вѣдь онѣ естественнымъ образомъ приходится на ея долю, потому что кругъ дѣятельности ея мужа обыкновенно вѣ дома. Она еще ближе становится къ этимъ заботамъ, если одоубѣтъ. Наконецъ, св. ап. Павелъ вообще такъ тѣсно связываетъ спасеніе женщины съ воспитаніемъ ея дѣтей, что по его мнѣнію одного этого дѣла для нея достаточно для полученія спасенія¹⁴).

Я не стану перечислять здѣсь всѣхъ тѣхъ познаній, которыми должна обладать женщина для воспитанія своихъ дѣтей; это мое сочиненіе и безъ того покажетъ ей всю обширность требуемыхъ отъ нея познаній.

Къ этому обширному кругу обязанностей прибавьте еще хозяйство. Большинство женщинъ пренебрегаютъ имъ, какъ занятіемъ низкимъ, которое прилично лишь крестьянамъ или фермерамъ, а самое большее дворецкому или экономкѣ. Ко всѣмъ этимъ мелочамъ относятся нерадиво и пренебрежительно

по преимуществу женщины, воспитанныя въ нѣгѣ, роскоши и праздности; онѣ не находятъ особенной разницы между деревенской жизнью и жизнью дикарей въ Канадѣ. Если вы станете говорить имъ о продажѣ хлѣба, обработкѣ земли, о разныхъ доходныхъ статьяхъ, о поднятій арендной платы или о другихъ помѣщичьихъ правахъ, о лучшемъ способѣ устройства фермъ или назначенія сборщиковъ, онѣ вообразятъ, что вы хотите заставить ихъ заниматься дѣломъ, для нихъ unintelligible.

Только по невѣжеству относятся онѣ съ презрѣніемъ къ изученію хозяйства. Древніе греки и римляне, столь дѣльные и просвѣщенные народы, изучали эту науку весьма тщательно; самые выдающіеся умы этихъ народовъ древняго міра оставили сочиненія, дошедшія и до нашего времени, гдѣ они на основаніи собственнаго опыта отмѣтили всѣ мельчайшія подробности, касающіяся земледѣлія. Извѣстно, что древніе завоеватели не гнушались земледѣльствомъ и послѣ побѣдныхъ триумфовъ снова возвращались къ своему плугу. Это такъ далеко отъ нашихъ нравовъ, что трудно было бы этому по-вѣрить, если бы въ исторіи не имѣлось несоищившихъ на то указаній. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не естественно, что человѣкъ заботится о защитѣ и увеличеніи своей земли для того, чтобы мирно ее воздѣлывать? Для чего же служить побѣда, какъ не для того, чтобы пользоваться плодами мира? Кромѣ того, умъ основательный всегда стремится наилучшимъ образомъ изучить предметы, служащіе основой человеческой жизни; на этомъ-то и зиждутся всѣ величайшія предпріятія. Сила и благосостояніе государства состоитъ не въ томъ, чтобы было много плохе обработанныхъ земель, а въ умѣнии извлекать изъ земли все, что необходимо для продовольствія многочисленнаго народа.

Безъ сомнѣнія, для успѣшнаго изученія всего, что относится къ хозяйству, или для должнаго руководства цѣлою семьей, которая представляетъ собою какъ бы маленькое государство, — нужно гораздо болѣе обширный и возвышенный умъ, чѣмъ для игры¹⁵), сужденій о модахъ и упражненія въ

пріятныхъ разговорахъ. Умъ, который не идетъ дальше умѣнія хорошо говорить, достоинъ презрѣнія: повсюду мы встрѣчаемъ женщинъ, разговоръ которыхъ полонъ самыхъ строгихъ правилъ, а между тѣмъ поведеніе весьма легкомысленно благодаря тому, что въ раннемъ дѣтствѣ оно было худо направлено.

Но нужно остерегаться и противоположнаго недостатка; вѣдь женщина склонна ко всякимъ крайностямъ. Конечно, хорошо съ дѣтства приучать дѣвушку заведывать чѣмъ-нибудь, сводить счеты, присутствовать при покупкахъ, знать, какъ должна быть сдѣлана какая-нибудь вещь, чтобы быть годной для употребленія и т. п. Но при этомъ надо остерегаться, какъ бы расчетливость дѣвушки не дошла до скупости, и обстоятельно показать ей все безобразіе подобной страсти. Скажите ей при этомъ: «Смотри, какъ бы скупость не доставила тебѣ больше безчестія, чѣмъ бариша; человѣкъ разсудительный долженъ въ трудолюбивой и умѣренной жизни искать средствъ избѣгнуть той неправды и стыда, которыя связаны съ расточительной жизнью и разореніемъ. Надо умѣть отказывать себѣ въ лишнихъ издержкахъ для того, чтобы имѣть возможность болѣе щедро дѣлать тѣ, которыя внушаютъ намъ милосердіе, дружба или благопрістойность. Иногда можно остаться въ большой выгодѣ, сумѣвъ во-время потерять; вѣдь большія выгоды даетъ хорошій порядокъ, а не скарденность»... Не забудьте при этомъ указать на грубое заблужденіе тѣхъ женщинъ, которыя, напримѣръ, экономятъ какой-нибудь свѣчной огарокъ, а въ крупныхъ дѣлахъ даютъ себя обманывать своему управляющему, сколько ему угодно.

Относительно чистоты поступайте такъ же, какъ и относительно бережливости. Приучайте дѣвушку не переносить ничего грязнаго и безпорядочнаго и замѣчать даже малѣйшій безпорядокъ въ домѣ. Внушите ей убѣжденіе въ томъ, что ничто такъ не способствуетъ бережливости и чистотѣ, какъ умѣніе держать каждую вещь на своемъ мѣстѣ. Это, повидимому, пустое требованіе приноситъ однако много пользы, если исполняется точно и неуклонно. Вамъ нужна какая-нибудь вещь, и вы ни минуты не теряете на ея отысканіе; вы просто

берете ее, въ случаѣ надобности, безъ всякихъ хлопотъ, ссоръ или споровъ, а потомъ опять кладете ее на прежнее мѣсто. Этотъ порядокъ и составляетъ главное основаніе опрятности, а строго правильное размѣщеніе вещей больше всего бросается на видъ. Кромѣ того, ставя каждую вещь на ея надлежащее мѣсто, мы не только достигаемъ красоты или удовольствія, но также и сберегаемъ ее. Отъ этого вещь портится гораздо меньше, не подвергается всякимъ случайностямъ и содержится въ чистотѣ. Напримѣръ, сосудъ какой-нибудь не скоро погнется или разбивается, если его каждый день послѣ употребленія ставить на свое мѣсто. За порядкомъ же неизвѣнно слѣдуетъ и чистота. Къ этому можно прибавить ту выгоду, что привычка хозяйки къ порядку и въ прислугѣ искореняетъ лѣнь и безпорядочность. Сверхъ того строго заведеннымъ порядкомъ мы ускоримъ и облегчимъ работу слугъ, а себѣ избавимъ отъ раздраженій по поводу ихъ медленности, которая часто происходитъ потому, что отъ безпорядка вещей ихъ трудно бываетъ скоро отыскать. Но въ то же время слѣдуетъ избѣгать крайностей и не заходить слишкомъ далеко въ погонѣ за чистотой или чистотой. Чистота въ мѣру есть въ некоторомъ родѣ добродѣтель; но когда черезчуръ ею увлекаются, то она обращается въ мелочность. Хорошо развитой вкусъ, не признаетъ въ этомъ никакихъ крайностей, не обращаетъ вниманія на мелочи и совѣмъ ими не занимается. Посмійтесь передъ дѣтми надъ страстью некоторыхъ женщинъ къ разнымъ бездѣлушкамъ, на которыя онѣ незамѣтно для себя дѣлаютъ безразсудныя траты. Приучите дѣвушекъ къ простой и легко исполнимой опрятности; покажите имъ наилучшій способъ дѣлать разныя вещи, а еще лучше научите обходиться и безъ нихъ. Скажите имъ, какъ мелко и низко браниться за разныя пустяки, въ родѣ плохо свареннаго супа, нехорошо повѣшенной занавѣски или, напримѣръ, за какой-нибудь стулъ, сдѣланный ниже или выше обыкновеннаго.

Несомнѣнно, что гораздо больше здраваго смысла быть сознательно грубымъ, чѣмъ во всякихъ пустякахъ гоняться за

утонченной деликатностью. Даже у умныхъ женщинъ это болѣзненное стремленіе къ утонченной деликатности, если его во-время не остановить, можетъ оказаться весьма вреднымъ, особенно же въ разговорахъ: большинство людей кажутся такимъ женщинамъ скучными или пошлыми, малѣйшее отступленіе отъ правилъ вѣжливости кажется имъ просто чудовищнымъ; онѣ постоянно или вышучиваютъ всякаго или брюзжаютъ. Надо, какъ можно раньше, втолковать дѣвушкамъ, что ничего не можетъ быть несправедливѣе, какъ поверхностно судить о человѣкѣ, напримѣръ, по его манерамъ, не разсмотрѣвши основательно его ума, чувствъ и полезныхъ качествъ. Покажите ей на различныхъ примѣрахъ, насколько болѣе достоинъ уваженія какой-нибудь провинціалъ, съ виду грубый или, если хотите, даже смѣшной, со своими тяжеловѣсными комплиментами, но съ сердцемъ добрымъ и твердымъ умомъ, чѣмъ какой-нибудь придворный, у котораго подъ изысканной деликатностью скрывается неблагородное, несправедливое сердце, способное на всякія низости и притворства. Прибавьте сюда то, что люди, всегда склонные къ скукѣ и ничѣмъ не довольные, отличаются обыкновенно слабостью духа. Нѣтъ такого человѣка, изъ разговора съ которымъ, какъ бы онъ ни былъ скученъ, нельзя было бы извлечь чего-нибудь поучительнаго. Конечно, если есть возможность, то слѣдуетъ выбирать въ собесѣдники лучшихъ и болѣе развитыхъ людей, но если приходится вести бесѣду съ людьми мало развитыми, то можно утѣшать себя тѣмъ, что и умный человѣкъ всегда найдетъ чему поучиться у человѣка съ ограниченнымъ развитіемъ, если заставить его говорить о вещахъ, ему хорошо извѣстныхъ²⁴). Возвратимся однако къ предмету обученія дѣвушекъ.

ГЛАВА XII.

Продолженіе объ обязанностяхъ женщинъ.

Умѣнье заставить себя хорошо служить далеко не такъ просто. Надо выбрать прислугу честную и религіозную, надо точно знать обязанности, которыя на нихъ возлагаютъ, надо

принимать въ соображеніе количество времени и труда потребнаго для выполненія ихъ работы, а также способы наилучшаго ея исполненія и необходимыя при этомъ издержки. Не зная, какъ слѣдуетъ, дѣла нашихъ слугъ, вы можете несправедливо побранить слугу за то, что онъ не подалъ вамъ чего-нибудь скорѣе, чѣмъ это возможно, а не зная, напримѣръ, стоимости или количества сахара или чего-нибудь другого, что требуется для заказаннаго кушанья, вы рискуете быть обманутыми или сдѣлаться бичемъ вашей прислуги.

Надо также хорошо знать характеры слугъ, уиѣть щадить ихъ самолюбіе и по-христіански управлять всѣмъ вашимъ маленькимъ государствомъ, которое часто бываетъ очень беспокойно. Конечно, власть необходима, потому что чѣмъ меньше въ людяхъ благоразумія, тѣмъ больше нужно страха, чтобы ихъ сдерживать; но такъ какъ ваши слуги христіане и ваша братія во Христѣ, которыхъ вы должны любить, какъ членовъ одной христіанской семьи, то вы должны употреблять власть лишь тогда, когда убѣжденіе уже не дѣйствуетъ²⁵).

Заставьте нашихъ слугъ полюбить васъ, но ни въ какомъ случаѣ не допускайте съ ихъ стороны какой-нибудь фамильярности, не вступайте съ ними въ лишніе разговоры, но, съ другой стороны, не бойтесь просто и съ участіемъ разспрашивать ихъ объ ихъ нуждахъ. Пусть они будутъ уѣрены въ томъ, что всегда найдутъ у васъ добрый совѣтъ и сочувствіе. Видя ихъ недостатки, не дѣлайте имъ зыбительныхъ замѣчаній или удивленнаго вида и не бросайте презрительныхъ взглядовъ, если есть хоть какая-нибудь надежда на ихъ исправленіе; напротивъ, скромно заставьте ихъ выслушать ваши доводы и перевесите иногда ихъ неисполнительность, чтобы быть въ состояніи побѣдить ихъ вашимъ хладнокровіемъ и доказать имъ, что вы говорите съ ними безъ раздраженія или нетерпѣнія и дѣствуете такъ не для своей выгоды, а въ ихъ же интересахъ. Не легко будетъ приучить молодыхъ дѣвушекъ знатнаго происхожденія къ этому кроткому и милостивому обращенію; нетерпѣвіе и пылкость молодости въ соединеніи съ тѣми ложными понятіями, которыхъ онѣ съ

дѣтства получаютъ о своемъ происхожденіи, заставляютъ ихъ смотрѣть на слугъ почти такъ же, какъ на животныхъ, а на себя, какъ на существо иной, высшей породы, чѣмъ слуги, созданные лишь для удобства своихъ господъ. Постарайтесь же показать молодежи, насколько эти взгляды противорѣчатъ скромности и любви къ ближнему. Въ самомъ дѣлѣ, какое грубое заблужденіе думать, что одни люди созданы для того, чтобы имъ служили, а другіе рождены исключительно для того, чтобы потакать надменности и лѣни другихъ! Установившіяся, вопреки естественному равенству людей, отношенія господъ и слугъ надо стараться по возможности смягчить. Если ужъ сами господа, получившіе несравненно лучшее воспитаніе, бываютъ перѣдко полны недостатковъ, то чего же можно требовать отъ слугъ, которые не только не получили образованія, а часто даже и не видали хорошихъ примѣровъ. Если слугъ портить небрежное исправленіе своихъ обязанностей, то такъ называемая хорошая прислуга окончательно портитъ самихъ господъ; легкая возможность удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ изнѣживаетъ и расслабляетъ человѣка, заставляетъ его съ болѣзненнымъ влеченіемъ гоняться за всѣми жизненными удобствами и неудержимо отдаваться своимъ желаніямъ.

Къ управленію домою лучше всего приучать дѣвушекъ съ самаго ранняго возраста. Поручите сначала дѣвушкѣ заботы какинъ-либо дѣломъ съ тѣмъ, чтобы она отдавала вамъ въ немъ отчетъ. Такое довѣріе приведетъ ее въ восторгъ; вѣдь молодежи доставляетъ необыкновенное удовольствіе, когда ей довѣряютъ и поручаютъ серьезное дѣло. Мы видимъ тому хорошій примѣръ въ королевѣ Маргаритѣ: въ своихъ мемуарахъ она рассказываетъ, что самое сильное удовольствіе въ жизни она испытала, когда ее мать стала говорить съ ней, какъ съ вполне взрослымъ человѣкомъ, хотя она была еще совсѣмъ молоденькая дѣвочка; она была вѣ себя отъ радости, когда ее мать и братъ, герцогъ Анжуйскій, оказали ей довѣріе и посвятили ее въ государственную тайну, тогда какъ до сихъ поръ она ничего не знала, кромѣ своихъ дѣтскихъ игр⁶⁹). Пожертвуйте чѣмъ-нибудь въ цѣляхъ образованія дѣ-

вочки, и пусть она во время такихъ опытовъ дѣлаетъ ошибки; вы спокойно замѣтите ей, какъ слѣдовало поступить, чтобы избѣгнуть тѣхъ затрудненій, въ которыя она попала; затѣмъ расскажите ей объ ошибкахъ изъ вашего прошлаго, равно какъ даже и объ ошибкахъ, постигшихъ, подобно ей, и васъ въ вашей молодости; этимъ вы внушите ей довѣріе къ себѣ, безъ котораго воспитаніе обращается лишь въ стѣснительную формальность.

Научите молодую дѣвушку правильно читать и писать. Стыдно сознаться, но у насъ женщины умныя и часто воспитанныя и не умѣющія порядочно произнести читаемаго — явленіе весьма обычное: онѣ или запинаятся, или читаютъ нараспѣвъ вмѣсто того, чтобы произносить естественно и просто, притомъ твердо и связно. Еще болѣе встрѣчается погрѣшностей противъ орфографіи; каллиграфія также очень плоха; по крайней мѣрѣ ихъ нужно хоть приучать писать прямо, чисто и разборчиво. Точно такъ же необходимо, чтобы дѣвушка знала грамматику. Что касается до родного языка, то ей не нужно изучать его правилъ такъ, какъ школьники проходятъ въ классѣ латинскую грамматику. Безъ особаго принужденія приучайте дѣвушку не смѣшивать, напримѣръ, одного времени съ другимъ и ясно выражать свои мысли, излагая ихъ правильно, коротко и точно. Такимъ образомъ она приобрететъ возможность со временемъ безъ особой науки обучить своихъ дѣтей правильно говорить. Известно, что въ древнемъ Римѣ мать Гракховъ, благодаря своему хорошему образованію, сильно способствовала развитію краснорѣчія въ своихъ дѣтяхъ, впоследствии сдѣлавшихся великими людьми въ своемъ отечествѣ.

Дѣвушкѣ также необходимо знать четыре правила ариметики; при этомъ весьма полезно заставлять ее почаще заниматься счетами. Это занятіе для многихъ очень затруднительно, но привычка къ нему съ малолѣтства и хорошее знаніе правилъ ариметики облегчаютъ и ускоряютъ даже самые завутанные счеты, и благодаря этому мало-по-малу исчезаетъ отвращеніе къ самому занятію; а умѣнье точно сводить счеты,

какъ извѣстно, часто очень способствуетъ порядку въ домѣ.

Не дурно было бы также для дѣвушки имѣть нѣкоторое знакомство съ главнѣйшими законами своей страны. Такъ, напримеръ, полезно знать, какаѧ разница между завѣщаніемъ и дарственной записью; имѣть понятіе о контрактѣ, о порядкѣ наследованія⁴¹⁾, о раздѣлѣ имущества между сонаследниками; о заковахъ и обычаяхъ страны при утвержденіи этихъ актовъ; о частной и общественной собственности, о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и т. п. Если дѣвушка выйдетъ замужъ, она постоянно будетъ имѣть съ этимъ дѣло.

Но въ то же время покажите дѣвушкамъ, насколько онѣ неспособны углубиться во всѣ тонкости права; да къ тому же и само по себѣ право, по причинѣ слабости человѣческаго ума, полно темныхъ и сомнительныхъ мѣстъ; покажите, какъ разнообразны законы, насколько все, зависящее отъ судей, какъ бы ясно оно намъ ни представлялось, оказывается случайнымъ, наконецъ, насколько даже самыя законныя процессы, вслѣдствіе судебной волокиты, бывають разорительны и невыносимы. Укажите имъ на всѣ дѣйствія судебного персонала, на всю злобу ябедъ, на всѣ эти губительныя извороты и тонкости судопроизводства, на тѣ невѣроятныя издержки, которыя оно ведетъ за собой, на бѣдственное положеніе большинства тяжущихся, ловкость адвокатовъ, повѣренныхъ, страичихъ, обогащающихся на счетъ сторонъ. Прибавьте еще о тѣхъ прѣмахъ, которыми по существу правое дѣло становится неправымъ по формѣ, при чемъ практика одного суда часто противорѣчитъ обычаямъ другого: если ваше дѣло пойдетъ по высшей инстанціи, — оно выиграетъ; если же вы пойдете по низшимъ, — то проиграете. Затѣмъ не забудьте о столкновеніяхъ разныхъ судовъ, о томъ, что вамъ могутъ умышленно затинуть ваше дѣло на нѣсколько лѣтъ, чтобы только узнать, какъ его поведутъ. Наконецъ, заимѣйте, какъ различны бывають нерѣдко взгляды судьи и адвоката на одно и то же дѣло. По словамъ адвоката вы должны непременно выиграть тяжбу, а рѣшеніе суда приговариваетъ васъ къ уплатѣ. Все это, по моему мнѣнію, очень важно для того, чтобы похѣшать

женщинамъ слишкомъ увлекаться тяжбами и слѣво слушаться разныхъ совѣтниковъ, враговъ мира и спокойствія, когда онѣ станутъ вдовами или по другому какому-нибудь случаю будутъ самостоятельно располагать своими средствами. Онѣ должны слушать своихъ повѣренныхъ по дѣламъ, но не довѣряться имъ слона⁴²⁾.

Слѣдуетъ, чтобы женщина недовѣрчиво относилась ко всякимъ процессамъ, которые ей навязываютъ; пусть она въ этомъ случаѣ совѣтуется съ людьми наиболѣе развитыми и опытными, а въ особенности понимающими всѣ выгоды миролюбиваго соглашенія; пусть, наконецъ, она убѣдится, что наивысшая ловкость въ судебныхъ дѣлахъ заключается въ умѣнны предвидѣть всякія затрудненія и избѣгать ихъ.

Дѣвушки знатнаго происхожденія и обладающія большимъ состояніемъ должны быть знакомы съ обязанностями владѣльцевъ земель, чтобы быть въ состояніи ими управлять. Изложите имъ, какъ избѣгать злоупотребленій, насилій, тяжбъ, всякихъ обмановъ, столь обычныхъ въ деревнѣ. Объясните имъ, какъ можно устроить здѣсь школы⁴³⁾ и благотворительныя общества для утѣшенія бѣдныхъ больныхъ.

Покажите имъ, какъ иногда можно завести въ деревнѣ какой-либо промыселъ, чтобы хоть немого уменьшить бѣдность ея населенія, а главнымъ образомъ, какъ дать народу хорошую школу и основать ея жизнь на христіанскихъ началахъ. Не здѣсь неумѣство вдаваться въ излишнія подробности относительно всего этого.

Говоря объ обязанностяхъ владѣльцевъ, не забудьте упомянуть объ ихъ правахъ. Скажите дѣвушкамъ, что такое помѣстье, владѣніе сюзеренное и вассальное, подать, аренда, подоходный налогъ, хлѣбный оброкъ, пошлины съ продажи имѣній, вознагражденіе за причиненныя убытки, выкупъ, расписка, опись имѣній и т. п. Эти свѣдѣнія необходимы, такъ какъ они связаны съ управленіемъ имѣніемъ.

Послѣ этихъ свѣдѣній, которыя должны стоять на первомъ мѣстѣ, и считаю полезнымъ, сообразуясь съ развитіемъ дѣвушки, давать ей въ свободное время читать свѣтскія книги,

лишь бы только онѣ не способствовали развитію страстей. Этимъ способомъ скорѣе всего можно внушить отвращеніе къ романамъ и комедіямъ.

Дайте имъ для чтенія греческую и римскую исторію; онѣ увидятъ въ нихъ чудные примѣры храбрости и безкористія. Познакомьте ихъ съ исторіей Франціи⁶⁴), которая также имѣетъ свои красоты, съ исторіей сосѣднихъ государствъ; дайте также нѣкоторое понятіе объ исторіи отдаленныхъ странъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, изложивъ все это какъ можно лучше. Все это развиваетъ умъ и возмущаетъ чувства, лишь бы не зародилось при этомъ въ ихъ душѣ тщеславіе и напыщенность.

Принято думать, что для полнаго образованія молодой дѣвушки знатнаго происхожденія необходимо изученіе итальянскаго и испанскаго языковъ. Что касается до моего мнѣнія, то я не знаю ничего, что было бы столь бесполезно, какъ обученіе этому, если только молодой дѣвушкѣ не предстоитъ состоять при какой-нибудь испанской или итальянской принцессѣ, подобной нашимъ королевамъ Австрійскаго дома или дома Медичи. Къ тому же эти языки пригодны лишь для чтенія опасныхъ книгъ, которыя могутъ только увеличить недостатки женщинъ, и изученіе ихъ такимъ образомъ принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Было бы разумнѣе изучать латинскій языкъ, какъ языкъ нашей католической церкви; кромѣ пользы, мы чувствуемъ невыразимое удовольствіе въ пониманіи словъ божественной службы, на которой такъ часто присутствуемъ. Кромѣ того, любители красотъ рѣчи найдутъ, что латинскій языкъ въ этомъ отношеніи много совершеннѣе и серіознѣе итальянскаго и испанскаго, въ которыхъ преобладаютъ игра словъ, остроуміе и живость дурно направленаго воображенія. Но все-таки и латинскій языкъ я бы посоветовалъ преподавать лишь дѣвушкамъ разумнымъ и скромнымъ, которыя, отбросивъ пустое любопытство, не слишкомъ увлекались бы этимъ изученіемъ, не кичились бы своими знаніями, видя въ нихъ лишь средство для своего нравственнаго возвышенія.

И также возмозно бы такъ дѣвушкамъ, правда со стро-

гимъ выборомъ, чтеніе произведеній краснорѣчія и поэзіи, если онѣ къ тому имѣютъ охоту, и если сужденія ихъ уже достаточно тверды для того, чтобы не злоупотреблять подобными вещами. Я советовалъ бы соблюдать при этомъ строгую умѣренность, чтобы слишкомъ не возбудить ихъ живого воображенія; всякіе намеки на любовь представляются имъ тѣмъ опаснѣе для молодежи, чѣмъ привлекательнѣе эта любовь изображена и чѣмъ болѣе замаскирована.

По отношенію къ музыкѣ и живописи не лишне принять тѣ же предосторожности, потому что всѣ произведенія этихъ искусствъ создаются обыкновенно въ одномъ и томъ же направленіи и вкусѣ. Что касается до музыки, то древніе, какъ извѣстно, полагали, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для хорошо устроеннаго государства, какъ допускать изнѣживающую музыку. Она дѣйствуетъ возбуждающе, размягчаетъ человѣка и наполняетъ его любострастными желаніями; томные и страстные звуки доставляютъ намъ такое удовольствіе лишь потому, что душа наша волюнѣ отдается очарованію своихъ чувствъ до состоянія полнаго омыненія. Вотъ почему въ Спартѣ особые магистраты разбивали тѣ инструменты, звуки которыхъ были слишкомъ мелодичны, и этому учрежденію у нихъ придавалось весьма большое значеніе. Вотъ почему Платонъ строго высказывается противъ музыки азіатскихъ народовъ, которая отличается такой мелодичностью и нѣжностью. Тѣмъ болѣе христіанамъ, которые никогда не должны стремиться къ удовольствію ради удовольствія, надлежитъ чувствовать отвращеніе къ подобнымъ соблазнительнымъ развлечениямъ⁶⁵).

Поэзія и музыка могли бы быть очень полезны для развитія въ душѣ сильныхъ и возвышенныхъ чувствъ, сопутствующихъ добродѣтели, если бы изъ нихъ устранить все то, что не ведетъ къ ихъ истинной цѣли. Сколько имѣемъ мы поэтическихъ произведеній въ св. Писаніи, которыя у евреевъ, по всей вѣроятности, пѣлись. Гимны были первыми памятниками, дошедшими до насъ довольно точно, которые еще до св. Писанія сохранило намъ преданіе, — памятниками о проявленіи

божественной силы среди людей. Мы видѣли, какое могущественное вліяніе имѣла музыка на изычниковъ, какъ возвышала она ихъ душу надъ низменными чувствами. Церковь полагала, что пѣніе хвалебныхъ гимновъ Богу можетъ служить наилучшимъ утѣшеніемъ для ея сыновъ; нельзя поэтому передать совершенному забвенію музыку и пѣніе — искусства, освященныя самимъ Духомъ Божиимъ. Христіанская музыка и поэзія служатъ наилучшимъ средствомъ къ тому, чтобы внушить отвращеніе къ свѣтскимъ удовольствіямъ; но, къ сожалѣнію, нѣкоторые свойственные нашей націи предрасудки дѣлаютъ склонность къ поэзіи и музыкѣ не всегда безопасной. Поэтому, едва мы замѣчаемъ, что молодая дѣвушка воспримчива и впечатлительна, то мы должны непремѣнно дать ей почувствовать, сколько прелести можно найти въ музыкѣ, не выходящей за предѣлы благочестивыхъ сюжетовъ. Если у нея есть голосъ и музыкальный талантъ и пониманіе красота музыки, то не разсчитывайте оставить ее въ невѣдѣніи относительно этого; запретъ только усилитъ ея увлеченіе, и лучше дать должное направленіе этому стремительному влеченію дѣвушки, чѣмъ стараться его остановить.⁶⁶⁾

Направленіе живописи у насъ гораздо лучше; къ тому же для женщинъ живопись тѣсно связана съ рукодѣліемъ, и безъ нея рукодѣліе не можетъ идти хорошо. Правда, можно бы ограничиться простыми работами, не требующими искусствъ; но такъ какъ, по моему мнѣнію, работа должна занимать умъ столько же, сколько и руки, то я совѣтовала бы женщинамъ высшаго круга братьяся за работы, требующія искусства и изобрѣтательности, а поэтому представляющія для нихъ нѣкоторый высшій интересъ. Безъ знанія основныхъ приемовъ рисованія, работы эти не могутъ быть исполнены художественно. Это и служитъ причиной такой безвкусности въ шифонныхъ матеріяхъ, кружевахъ и вышивкахъ; все въ нихъ перепутано и не соразмѣрно. Однако такія вещи считаются достаточно хорошими, такъ какъ требуютъ большого труда отъ исполнителей и большихъ денегъ отъ того, кто ихъ покупаетъ; ихъ блестящій видъ поражаетъ лишь

тѣхъ, кто не понимаетъ въ нихъ толку или видитъ ихъ издали. Но и въ этомъ случаѣ женщины подчинили все модѣ и ея законамъ, и тотъ рискуетъ прослыть фантазеромъ, кто имъ станетъ противорѣчить. Между тѣмъ знаніе живописи избавило бы женщинъ отъ многихъ заблужденій и дало бы имъ возможность, не дѣлая слишкомъ большихъ затратъ, съ удовольствіемъ выполнять разнообразныя красивыя работы, которыя стали бы выше причудъ изычливой моды.

Кромѣ того, дѣвушки должны въ равной степени бояться и презирать праздность. Пусть онѣ вспоминаютъ, что первые христіане, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, работали не ради забавы, а серьезно, послѣдовательно, съ сознаніемъ пользы труда. Естественный порядокъ вещей, наказаніе, назначенное Богомъ первому человѣку, а черезъ него и всему послѣдующему поколѣнію, высокой примѣры новаго человѣка, Иисуса Христа — все это заставляетъ каждого изъ насъ вести трудовую жизнь по мѣрѣ силъ своихъ.

При воспитаніи дѣвушки слѣдуетъ сообразоваться съ ея положеніемъ, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ей придется провести свою жизнь, и тѣмъ предполагаемымъ родомъ дѣятельности, который, повидимому, она изберетъ. Постарайтесь о томъ, чтобы дѣвушка не возмѣла надеждъ, не соответствующихъ или превышающихъ ея состояніе и положеніе. Нѣтъ такого человѣка, который бы дорого не заплатилъ за свои необычные мечты. Вѣдь даже счастливое положеніе покажется ничтожнымъ, если начать мечтать о положеніи высшемъ. Если молодая дѣвушка должна провести свою жизнь въ деревнѣ, то съ самаго ранняго дѣтства направляйте всѣ ея способности на соответствующія занятія, не дайте ей войти во вкусъ городскихъ удовольствій и укажите ей на всѣ преимущества простой и дѣятельной жизни. Если она принадлежитъ къ среднему городскому сословію, то не допускайте ее до знакомства съ придворными: такое знакомство ничего не принесло бы ей хорошаго, кромѣ смѣшныхъ и несоответствующихъ ея положенію привычекъ. Напротивъ, воставьте дѣвушку въ условія, соответствующія ея положенію, и для

примѣра укажите ей на людей ея круга, которые здѣсь достигаютъ во всемъ большихъ успѣховъ; направьте ея способности на то, съ чѣмъ ей придется вѣдаться всю жизнь, приучите ее къ хозяйству средней руки и къ тѣмъ заботамъ, съ которыми сопряжено получение доходовъ съ земли, съ городскихскихъ имуществъ и т. п.; пусть она также изучитъ все, касающееся воспитанія дѣтей, кое-что относящееся къ торговлѣ и нѣкоторымъ другимъ занятиямъ, которыя, по вашему мнѣнію, представляются ей по выходѣ замужъ.

Наоборотъ, если дѣвушка, безъ всякаго поужденія со стороны родителей, изъявитъ стремленіе пойти въ монастырь, то съ этого же момента начинайте направлять ея воспитаніе, сообразно съ этимъ ея призваніемъ; пусть она еще до искуса постриженія испытаетъ свои душевныя и тѣлесныя силы, — искуса, который есть не что иное, какъ залогъ отреченія отъ міра сего. Приучайте ее пребывать въ молчаніи и послушаніи относительно всего того, что идетъ въ разрѣзъ съ ея характеромъ и привычками. Мало-по-малу постарайтесь узнать, обладаетъ ли она качествами, необходимыми для того образа жизни, на который она себя обрекла; старайтесь приучить ее къ тяжелой, трудовой и вѣдальной жизни; какъ можно убѣдительно покажите ей, насколько свободнѣе и счастливѣе всѣ, умѣющіе обходиться безъ того, что въ монастырѣ кажется намъ необходимымъ лишь въ силу нашей суетности, низменности и приличій свѣта; однимъ словомъ, пусть она пойметъ бѣдность, пойметъ, въ чемъ состоитъ то высокое счастье, которое открылъ намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Наконецъ, употребите всѣ ваши старанія къ тому, чтобы она, покидая свѣтъ, не сохранила въ своемъ сердцѣ сожалѣнія о немъ или суетныхъ желаній. Не подвергая ее слишкомъ опаснымъ испытаніямъ, откройте ей ту скрытую горечь, которая таится въ суетныхъ мірскихъ удовольствіяхъ, и укажите на людей, которые посреди этихъ удовольствій все-таки чувствуютъ себя несчастными.

ГЛАВА XIII.

Воспитательницы.

Я уже предвижу, что этотъ планъ воспитанія покажется многимъ невыполнимымъ. По всей вѣроятности, найдутъ, что для его выполненія необходимо глубокое знаніе человѣческой природы, огромный запасъ терпѣнія и особенный талантъ. Но гдѣ же можно найти воспитательницъ, способныхъ усвоить этотъ планъ, а тѣмъ болѣе способныхъ ему слѣдовать въ дѣлѣ воспитанія? При этомъ слѣдуетъ всегда помнить, что, взявши на себя задачу дать дѣтямъ наилучшее воспитаніе, никогда не слѣдуетъ останавливаться на полпути, а наоборотъ, должно постоянно стремиться къ наивысшему совершенству въ этомъ направленіи. Правда, не всякому доступно выполненіе на практикѣ этого труда въ совершенствѣ; но, имѣя это въ виду, мы употребимъ всѣ силы для достиженія цѣли, и это есть единственный способъ приблизиться къ идеалу. Притомъ же въ этомъ сочиненіи я не предполагаю ни совершенной дѣтской природы, ни счастливаго сочетанія всѣхъ условій и обстоятельствъ для совершеннаго воспитанія; наоборотъ, я стараюсь указать здѣсь средства для исправленія дурныхъ и испорченныхъ натуръ; я имѣю въ виду самую обычную ошибку въ дѣлѣ воспитанія и предполагаю самые простые способы для предотвращенія ихъ въ цѣломъ или по частямъ, гдѣ какъ требуется. Правда, въ этомъ небольшомъ трактатѣ вы вовсе не найдете указаній на то, какимъ образомъ можно достигнуть успѣха даже при воспитаніи небрежкомъ и дурномъ; но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Не лучше ли всего въ этомъ случаѣ искать правилъ простыхъ, точное исполненіе которыхъ способствовало бы правильному воспитанію? Признаю, что мы можемъ дѣлать и дѣлаемъ для дѣтей гораздо менѣе того, что я предлагаю; но, съ другой стороны, какъ много терпятъ молодежь отъ этихъ упущеній! Но какъ бы ни казался длиненъ предлагаемый мною путь, онъ все-таки — путь кратчайшій уже потому, что ведетъ

прямо къ желаемой цѣли. Другой путь, — путь угрозъ и поверхностнаго развитія ума, — какъ бы коротокъ онъ ни казался, въ сущности путь очень длинный и медленный, ибо имъ никогда не достигается истинная цѣль воспитанія, т.-е. развитіе твердыхъ убѣжденій и любви къ добродѣтели. Большинство дѣтей, воспитаніе которыхъ шло этимъ путемъ, оказываются совершенно не воспитанными именно въ то самое время, когда ихъ воспитаніе считается уже законченнымъ; впоследствии, вступивъ въ жизнь и въ теченіе первыхъ лѣтъ ея сдѣлавъ нѣсколько, часто неоправданныхъ, ошибокъ, они собственнымъ горькимъ опытомъ дойдутъ до тѣхъ истинъ, которыхъ не сумѣло имъ дать ихъ поверхностное и принудительное воспитаніе⁶⁷⁾. Слѣдуетъ также замѣтить, что эти первые труды и заботы, которые я прошу пожертвовать для дѣтей, и которые люди неопытные считаютъ тяжелыми и неудобноисполнимыми, избавятъ насъ отъ неприятностей еще болѣе тяжелыхъ и устранить непреодолимыя препятствія, являющіяся слѣдствіемъ поверхностнаго и грубаго воспитанія. Обратите, наконецъ, вниманіе на то обстоятельство, что для выполненія этого плана воспитанія требуется не столько таланта, сколько умѣнья избѣгать тѣхъ грубыхъ ошибокъ, о которыхъ я изложилъ выше довольно подробно. Часто требуется лишь не стѣснять дѣтей, быть неотлучно при нихъ, внимательно наблюдать за ними, внушать имъ къ себѣ довѣріе, ясно и разумно отвѣчать на всѣ ихъ маленькіе вопросы, давать просторъ ихъ природѣ, чтобы лучше ее изучать и терпѣливо исправлять всѣя ихъ ошибки.)

Нельзя желать отъ плохой воспитательницы хорошаго воспитанія, но и человѣкъ со средними способностями можетъ, конечно, достигнуть успѣха въ этомъ дѣлѣ, если ему дать извѣстныя правила, если у него есть здравый смыслъ, живучій характеръ и истинный страхъ Божій, а эти требованія не слишкомъ высоки. Воспитательница съ названными сейчасъ качествами не найдетъ въ этомъ сочиненіи ничего хитраго и отвлеченнаго; если даже для нея не все будетъ ясно, то общій смыслъ она пойметъ, и этого съ нею будетъ совершенно до-

статочно. Заставьте ее перечестъ это нѣсколько разъ; возьмите на себя трудъ прочестъ его вмѣстѣ съ ней, позвольте ей останавливать васъ, когда она плохо понимаетъ или не вполне соглашается съ прочитаннымъ, наконецъ, предоставьте ей возможность примѣнить это на практикѣ. Когда вы будете замѣчать, что въ обращеніи съ ребенкомъ она упускаетъ изъ виду правила этого сочиненія, которымъ она должна слѣдовать, замѣйте ей это кротко и наединѣ. Выполнить это будетъ вамъ сначала очень трудно, но если вы отецъ или мать ребенка, то это — ваша прямая обязанность, тѣмъ болѣе что въ спорѣ времени это не представлять для васъ большихъ затрудненій: вѣдь воспитательница умная и усердная, по своему опыту и по вашимъ указаніямъ, въ одинъ мѣсяцъ пойметъ все это лучше, чѣмъ на основаніи долгихъ разсужденій, и скоро самостоятельно пойдетъ по должному пути. Вашъ трудъ еще болѣе облегчится тѣмъ, что воспитательница найдетъ въ этомъ небольшомъ сочиненіи почти всѣ главнѣйшіе разговоры, которые ей придется вести съ дѣтьми о нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ уже готовыми, и ей останется только воспользоваться ими. Такимъ образомъ передъ ея глазами будетъ небольшой сборникъ разговоровъ, которые ей придется вести съ дѣтьми о вещахъ, которыя дѣтямъ наиболѣе понятны. Это родъ практическаго воспитанія, которымъ воспитательница и должна руководствоваться. Вы при этомъ можете съ большимъ успѣхомъ пользоваться Историческимъ Катехизисомъ, о которомъ уже шла рѣчь раньше⁶⁸⁾. Заставьте вашу воспитательницу перечестъ его нѣсколько разъ, а главнымъ образомъ постарайтесь о томъ, чтобы она хорошенько поняла предисловіе и такимъ образомъ освоилась съ этимъ методомъ преподаванія.

Надо однако сознаться, что даже и людей со средними способностями воспитателя, какими я здѣсь ограничиваюсь, сравнительно не много; но тѣмъ не менѣе дѣло воспитанія требуетъ для себя подходящаго орудія, ибо даже дѣла самыя простыя не дѣлаются сами собой и исполняются очень плохо, если ими руководятъ неразвитые люди. Поэтому выберите среди

вашихъ домашнихъ, въ деревнѣ, черезъ вашихъ друзей или, наконецъ, въ хорошемъ воспитательномъ учрежденіи дѣвушку, которую вы находите способною къ усвоенію правилъ воспитанія; заранѣе подготовьте ее разніемъ и нѣкоторое время поддержите ее около себя на испытаніи, прежде чѣмъ довѣрить ей столь дорогое для васъ дѣло. Пять или шесть воспитательницъ, подготовленныхъ такимъ образомъ, могли бы въ свою очередь подготовить и многихъ другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ могли бы, конечно, оказаться неудачными, но, безъ сомнѣнія, изъ большого количества всегда можно выбрать такихъ, которыя вознаградятъ васъ на счетъ другихъ, и вамъ не придется испытать обычнаго въ такихъ случаяхъ затрудненія. Духовныя и свѣтскія учрежденія, имѣющія своимъ назначеніемъ воспитаніе дѣвушекъ, должны бы имѣть все это въ виду при подготовкѣ учительницъ и воспитательницъ для своихъ школъ и пансіоновъ⁶⁹⁾.

Какъ ни трудно найти хорошую воспитательницу, но надо сознаться, что въ дѣлѣ воспитанія существуетъ еще большее затрудненіе — это беспорядочность самихъ родителей: всѣ усилія пропадутъ даромъ, если сами родители не содѣйствуютъ труду воспитателя. Основаніемъ всего служатъ тѣ честныя правила и собственный поучительный примѣръ, который должны подавать родители своимъ дѣтямъ. Къ сожалѣнію, только небольшое число семей могутъ удовлетворить этимъ требованіямъ; въ большинствѣ же домовъ мы видимъ только беспорядокъ, постоянныя перемѣны, массу слугъ, которые тѣмъ беспорядочнѣе, чѣмъ больше они видятъ раздоровъ между своими господами. Какая ужасная школа для дѣтей! Часто намъ случается встрѣчать матерей, которыя всю жизнь проводятъ въ забавахъ, театрахъ, веселыхъ разговорахъ и тѣмъ не менѣе пресерьіозно заявляютъ, что никакъ не могутъ найти для своихъ дочерей способной воспитательницы. Но что же можетъ сдѣлать самое лучшее воспитаніе для тѣхъ дѣвочекъ, которыя имѣютъ передъ глазами подобныхъ матерей? Бываютъ часто и такіе родители, которые, какъ говоритъ св. Августинъ⁷⁰⁾, сами податъ своихъ дѣтей на публич-

ныя зрѣлища и другія увеселенія, которыя не замедляютъ отаратить ихъ отъ той серьезной и дѣятельной жизни, къ которой эти же самые родители желаютъ ихъ направить. Такимъ образомъ они примѣшиваютъ ядъ къ здоровой пищѣ: они только и говорятъ дѣтямъ о мудрости; а между тѣмъ сами же приучаютъ живое дѣтское воображеніе къ сильнымъ возбужденіямъ, производимымъ разными дѣйствующими на страсти представленіями или музыкой, послѣ чего дѣти ни на чемъ уже не могутъ сосредоточиться. Такимъ образомъ сами родители развиваютъ въ нихъ влеченіе ко всему возбуждающему страсти и отвращеніе къ невиннымъ удовольствіямъ. И послѣ всего этого они надѣются еще на успѣшность воспитанія! Видѣ они находятъ воспитаніе слишкомъ скучнымъ и суровымъ, если въ немъ нѣтъ смѣшенія добра и зла. Не есть ли это самообманъ, если мы будемъ желать дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, не прилагая къ тому никакого труда и не подчиняясь наиболѣе необходимымъ правиламъ?

Довершимъ сказанное нами изображеніемъ добродѣтельной женщины, даннымъ у Премудраго⁷¹⁾: «Цѣла ея выше жемчужинъ. Увѣренно въ ней сердце мужа ея, и онъ не останется безъ прибитка. Она воздастъ ему добротю, а не злою, во всѣ дни жизни своей. Добываетъ шерсть и ленъ и съ охотою работаетъ своими руками. Она, какъ купеческіе корабли, издадека добываетъ хлѣбъ свой. Она встаетъ еще ночью и раздаетъ вино въ домъ своемъ, а урочное служанкамъ своимъ. Задумаетъ она о полѣ, — и приобрѣтаетъ его, отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ. Преносиваетъ силою чресла свои и укрѣпляетъ мышцы свои. Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью. Протягиваетъ руки свои къ прилкѣ, и персты ея берутся за веретено. Длань свою она открываетъ бѣдному и руку свою подаетъ нуждающемуся. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды. Она дѣлаетъ себѣ конры; виссонъ и пурпуръ — одежды ея. Мужъ ея извѣстенъ у воротъ, когда сидитъ на софтахъ со старѣйшими нами земля. Она дѣлаетъ покрывала и продаетъ, и посылы

доставляетъ финикійцамъ. Крѣпость и красота — одежды ея, и весело смотритъ она на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростью и кроткое наставленіе на языкѣ ея. Она наблюдаетъ за хозяйствомъ въ домѣ своемъ и не ѣстъ хлѣба праздности. Встанутъ дѣти и ублажаютъ ее, — мужъ хвалитъ ее. Много было женъ добродѣтельныхъ, но ты превзошла всѣхъ ихъ. Милосердіе обманчиво и красота суетна; но жена, боявшая Господа, достойна хвалы. Дайте ей отъ плода рукъ ея, и да прославитъ ее у воротъ дѣла ея».

Несмотря на огромную разницу этихъ нравовъ, эту краткость, эту смѣлость образовъ, которая придаетъ языку нѣкоторую туманность, если взглянуть поглубже, находишь стиль этого изреченія полнымъ прелести и жизни. Особенно же я желаю обратить вниманіе на авторитетъ Соломона, мудрѣйшаго изъ мужей, и силу убѣжденія Духа Святаго, величественныя слова Котораго заставляютъ насъ преклоняться предъ простотою нравовъ, бережливостью и трудолюбіемъ богатой и знатной женщины.

Совѣтъ одной знатной дамѣ относительно воспитанія ея дочери.

Милостивая Государыня!

Согласно желанію вашему, я предлагаю на ваше усмотрѣніе мои взгляды на воспитаніе вашей дочери.

Если бы у васъ было много дочерей, вамъ было бы затруднительно ихъ воспитать вслѣдствіе тѣхъ обязанностей, которыя налагаются на васъ: свѣтъ, — обязанностей болѣе частыхъ, чѣмъ вы того желали бы. Въ этомъ случаѣ вамъ пришлось бы выбрать для нихъ одинъ изъ монастырей, въ которомъ дѣло воспитанія наиболѣе правильно поставлено. Но такъ какъ у васъ только одна дочь, и Господь далъ вамъ способность воспитать ее, то я полагаю, что вы сами сдѣлаете это лучше, чѣмъ въ любомъ монастырѣ. Глазъ вѣжливой и умной матери-христіанки отерпѣетъ, безъ сомнѣнія, многое, чего другіе замѣтить не въ состояніи. Такъ какъ всѣ эти качества

весьма рѣдки, то большинство матерей, страдающихъ недостаткомъ необходимыхъ для того знаній, всего лучше сдѣлаютъ, если поручатъ монастырямъ заботы о воспитаніи своихъ дочерей; если даже матери и обладаютъ этими качествами, то не поддерживаютъ ихъ примѣромъ своего христіанскаго поведенія, безъ котораго всѣ самыя внушительныя наставленія не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; все, сказанное матерью, теряетъ для дочери всякое значеніе, если сама мать на дѣлѣ показываетъ иное. Совѣтъ другой представляется мнѣ вы, сударыня; всѣ ваши помыслы направлены къ служенію Богу; религія — ваша главнѣйшая забота, и вы будете внушать вашей дочери лишь то, что она увидитъ изъ вашего собственнаго поведенія; поэтому исключаю васъ изъ общаго правила и въ дѣлѣ воспитанія вашей дочери отдаю вамъ предпочтеніе передъ всѣми монастырями. Ваше личное воспитаніе своей дочери имѣетъ даже громадное преимущество. Если монастырское воспитаніе поставлено не вполне правильно, то въ немъ дѣвушка увидитъ суетное стремленіе къ почестямъ, а это самый опасный ядъ для молодой дѣвушки: здѣсь она услышитъ сужденія о свѣтѣ, какъ о чемъ-то волшебномъ, а ничто не производитъ такого пагубнаго впечатлѣнія, какъ это ложное изображеніе свѣта, который издали кажется восхитительнымъ и сулитъ человѣку одни лишь удовольствія, не показывая тѣхъ разочарованій и огорченій, которыми онъ полонъ. Свѣтская жизнь представляется всегда еще ослѣнительнѣе издали особенно для человѣка, не знакомаго близко съ ея соблазнами. Поэтому и боясь монастыря, зараженнаго мірской суетой больше, чѣмъ самаго свѣта. Наоборотъ, если монастырь отличается ревностью и строгостью своего устава, то молодая дѣвушка можетъ вырасти въ полномъ невѣдѣніи свѣта; конечно, было бы очень хорошо, если бы это невѣдѣніе осталось навсегда, но если эта дѣвушка, достигнувъ извѣстнаго возраста, изъ монастыря переселится въ родительскій домъ и сразу попадетъ въ свѣтъ, то ничто не можетъ быть для нея опаснѣе этой неожиданности, производящей столь сильное впечатлѣніе на ея живое вообра-

женіе. Дѣвушка, которая не имѣла привязанности къ свѣту лишь въ силу своего невѣдѣнія, и добродѣтель которой не пустила еще глубокихъ корней, способна подумать, что отъ нея умышленно скрываютъ прелесть свѣта. Она выходитъ изъ монастыря, подобно человѣку, который выросъ въ темной пещерѣ и сразу былъ вынужденъ на дневной свѣтъ. Ничто не можетъ быть ослѣпительнѣе этого неожиданнаго перехода къ столь непривычному блеску. Пусть лучше молодая дѣвушка исподволь привыкаетъ къ свѣту, подъ руководствомъ благочестивой и скромной матери, которая покажетъ ей только то, что найдетъ для нея возможнымъ, откроетъ ей при случаѣ недостатки свѣта и подастъ ей примѣръ того, что пользоваться свѣтомъ надо умѣренно и лишь тогда, когда это необходимо. Я высоко цѣню воспитаніе, даваемое хорошими монастырями; но во всякомъ случаѣ воспитаніе хорошей матери, свободно посвятившей себя этому занятію, я ставлю выше. Поэтому-то я и прихожу къ тому выводу, что вы сами лучше воспитаете нашу дочь, чѣмъ наилучшія изъ монастырей. Но какъ мало такихъ матерей, которымъ можно было бы дать подобный совѣтъ!

Правда, домашнее воспитаніе можетъ быть сопряжено съ большими опасностями, если вы съ недостаточной осторожностью отнесетесь къ выбору лицъ, ее окружающихъ. Ваши занятія въ домѣ и свѣтскія отношенія въ его не возмозаютъ вамъ имѣть постоянно вашу дочь у себя на глазахъ. Хотя вы и будете стараться о томъ, чтобы она какъ можно рѣже бывала безъ васъ, однако не можете же вы брать ее всюду съ собою. Если вы поручите ее женщинамъ легкомысленнымъ, беспорядочнымъ или нескромнымъ, то онѣ въ одну недѣлю принесутъ ей больше зла, чѣмъ вы сами въ нѣсколько лѣтъ можете принести ей пользы. Такія особы, сами обыкновенно получившія дурное воспитаніе, могутъ воспитать и вашу дочь подобнымъ же образомъ. Онѣ будутъ, не стѣсняясь, говорить обо всемъ въ присутствіи нашей дочери, которая за всѣмъ этимъ будетъ наблюдать и воображать, что ей можно дѣлать то же самое; онѣ будутъ высказывать при нашей дочери

разныя ложныя и опасныя мысли; ей придется услышать кругомъ себя злословіе, ложь, легкомысленныя подозрѣнія, споры изъ-за всякихъ пустяковъ; она сдѣлается свидѣтельницей сценъ зависти, вражды, увидитъ уродливыя нравы, неуживчивые характеры, а иногда суетнѣе, притворно или превратно понятое благочестіе, нимало не способствующее нравственному совершенству. Подобныя личности употребятъ все усилія къ тому, чтобы понравиться ребенку при помощи раболѣвства, угодливости и опасной лести. Думаю, что самое посредственное монастырское воспитаніе лучше подобнаго домашняго. Но я заранѣе полагаю, что дочь ваша постоянно будетъ у васъ на глазахъ, исключая тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда вы будете поставлены въ необходимость оставлять ее, сданы на попеченіе какой-нибудь особы, въ которой вы можете быть вполне увѣрены. Такая особа должна быть въ достаточной степени умна и добродѣтельна, чтобы приобрести авторитетъ въ домѣ, держать другихъ женщинъ въ строгомъ повиновеніи, наставлять вашего ребенка на путь истинный, не возстановляя его противъ себя, и отдавать вамъ отчетъ во всемъ, что заслуживало бы вашего вниманія. Конечно, такую женщину нелегко найти; но тѣмъ не менѣе необходимо искать ее и не отступать ни передъ какими расходами, необходимыми для ея обезпеченія. Я знаю, что тутъ вы можете встрѣтиться со многими неприятностями и неудачами; но нужно довольствоваться самими главными качествами и при этихъ качествахъ помириться съ нѣкоторыми недостатками; не имѣя же такой подходящей личности, способной вамъ помочь, вы не достигнете никакого успѣха.

Такъ какъ наша дочь обнаруживаетъ достаточное умственное развитіе въ соединеніи съ природнымъ дарованіемъ, сообразительностью и проницательностью, то я боюсь, какъ бы она не увлеклась въ сторону остроумія, какъ бы въ ней не развился излишекъ суетной и опасной любознательности. Я позволяю себѣ, сударыня, высказать мнѣніе, что женщина охотѣе готова блеснуть своимъ умомъ, чѣмъ даже своею тѣлесною красотой; при чемъ слышу оговориться, что это

мое замѣчаніе не можетъ относиться къ вамъ, а потому и не можетъ васъ оскорбить. Тѣ, которые способны къ наукамъ и надѣются отличиться на этомъ поприщѣ, съ большиною пристрастіемъ занимаются книгами, чѣмъ свои наряды; а если онѣ иногда и скрываютъ свою ученость, то скрываютъ только наполовину, чтобы имъ ставили въ заслугу ихъ скромность на ряду съ такими способностями. Другіе виды тщеславія, выражающіеся въ болѣе грубой формѣ легче поправимы, такъ какъ волюнѣ замѣтны, часто подвергаются упрекамъ и обнаруживаютъ неустойчивый характеръ. Но женщина, любознательная и считающая себя свѣдущей, воображаетъ уже себя гениальной среди другихъ женщинъ. Она гордится тѣмъ, что презираетъ всякія удовольствія и ничтожныя интересы своего пола. Она слишкомъ увѣрена въ своихъ достоинствахъ, и ничто не въ состояніи излѣчить ее отъ этого увлеченія, обыкновенно же она знаетъ все лишь наполовину, и такое знаніе скорѣе ослѣпляетъ ее умъ, чѣмъ просвѣщаетъ его; она же воображаетъ, что уже все знаетъ; она занимается рѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, принимаетъ участіе въ спорахъ, при чемъ всегда пристрастно относится къ одной изъ сторонъ, даже въ вопросѣ о религіи; вотъ почему всѣ возникшія секты распространялись благодаря женщинамъ, которые ихъ выдвигали на видъ и поддерживали. Женщины биваютъ очень краснорѣчивы въ разговорахъ и энергично приводятъ свои замыслы въ исполненіе. Грубыя проявленія женскаго тщеславія, признанныя за вѣдомо ничтожными, гораздо менѣе опасны, чѣмъ то утонченное и серьезное тщеславіе, когда женщина начинаетъ умничать, чтобы хоть по виду блеснуть различными солидными достоинствами. Такой образомъ для насъ очень важно при воспитаніи вашей дочери наблюдать во всемъ истинную простоту. Религію ей достаточно знать настолько, чтобы вѣрить въ Бога и въ жизни поступать сообразно съ Его законами, не позволяя себѣ никогда пускаться въ разсужденія о ней. Она должна во всемъ слѣдовать ученію церкви, а не увлекаться какимъ-нибудь проповѣдникомъ, который противорѣчитъ ученію церкви или внушаетъ подозрѣніе

своими новшествами; ея духовникъ долженъ быть человекъ, открыто возстающій противъ всякой партійности. Пусть дочь ваша избѣгаетъ разговоры съ женщинами, которые съ дерзкимъ неразуміемъ пускаются въ разсужденія о религіозныхъ доктринахъ; пусть она создаетъ, насколько непристойно и пагубно подобное свободомысліе. Пусть она чувствуетъ отвращеніе къ чтенію запрещенныхъ книгъ, не стремясь даже узнать, что является причиной ихъ запрещенія. Пусть она не слишкомъ полагается на свои собственные силы и не довѣряетъ тѣмъ сѣтямъ, которые разставляетъ наше любопытство и самонадѣянность; пусть она научится молиться Богу со всею смиреніемъ, уподобляясь нищей духомъ, пусть она углубляется въ самое себя, безпрекословно повинуется, допускаетъ мудрыхъ и уважаемыхъ лицъ руководить даже самыми основными своими сужденіями, пусть больше молчитъ, давая говорить другимъ. Я предпочелъ бы скорѣе, чтобы она была болѣе знакома со счетами буфетчика, чѣмъ со спорами богословомъ о благодати. Пусть она займется какимъ-нибудь рукодѣліемъ, которое можетъ пригодиться въ хозяйствѣ, и приучится обходиться безъ опаснаго общенія со свѣтомъ; разсуждать о богословскихъ вопросахъ очень опасно для ея вѣры; все погубло, если она пристрастится къ этимъ мудрствованіямъ и почувствуетъ отвращеніе къ домашнимъ заботамъ. Добродѣтельная женщина проводитъ время за пралкой⁷²⁾, среди хозяйственныхъ заботъ, молчитъ, вѣритъ и повинуется, а не вступаетъ въ споры относительно церкви.

Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, сударыня, что вы сумѣете при случаѣ поставить на видъ вашей дочери всю непристойность и безпорядочность умствованій нѣкоторыхъ женщинъ, чтобы предостеречь ее отъ этого опаснаго подножнаго камня. Но такъ какъ авторитета матери можетъ оказаться недостаточно, и самая мудрая ея наставленія, можетъ-быть, не всегда въ состояніи преодолѣть склонностей ея дочери, то я желалъ бы, чтобы лица, пользующіяся особеннымъ уваженіемъ въ обществѣ и принадлежація къ числу вашихъ друзей, въ присутствіи вашей дочери, но какъ бы не имѣя ея

нѣ виду, порицали суетность и смѣшной видъ тѣхъ женщинъ, которыя претендуютъ на ученость и выказываютъ нѣкоторое пристрастіе къ религіознымъ новшествамъ. Эти косвенныя⁷³⁾ наставленія должны произвести больше впечатлѣнія, чѣмъ всѣ ваши наставленія, направленныя къ ней непосредственно.

Что касается до одежды⁷⁴⁾, то я желалъ бы, чтобы вы постарались внушить вашей дочери любовь къ истинной умѣренности. Существуютъ женщины съ весьма крайними взглядами, совсѣмъ не выходящія средины; вмѣсто того, чтобы держаться умѣренности, золотой средины, онѣ презираютъ ее, какъ недостатокъ вкуса и нѣчто пошлое; онѣ отрекуются даже отъ всякой роскоши и предпочитаютъ самую строгую простоту, лишь бы только эта простота имѣла прелесть новизны. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ, вполне справедливо признавать наиболѣе достойнымъ уваженія и рѣдкимъ того человѣка, который, благодаря своей мудрости и чувству мѣры, избѣгаетъ всякихъ крайностей и, отдавая требованіямъ приличія то, въ чемъ имъ нельзя отказать, не переходитъ извѣстныхъ границъ. Истинно благоразумные люди должны стараться о томъ, чтобы въ ихъ обстановкѣ, экипажахъ, одеждѣ не было ничего, бросающагося въ глаза, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніяхъ. Сдѣлайте вашей дочери такое наставленіе: при выборѣ платья довольствуйся тѣмъ, чтобы тебя не осудили, какъ въ безвкусіи, неаккуратности и неряшествѣ, и въ своей вышности тщательно избѣгай всякой пышности и блеска. Этимъ ты покажешь, что твой умъ и добродѣтель выше такихъ вещей, какъ мебель, экипажи и одежда; пользуйся всѣмъ этимъ, но не будь рабой этого. Надо затѣмъ дать понять молодой дѣвушкѣ, что не что иное, какъ роскошь смѣшиваетъ всѣ сословія, что она одна возвышаетъ людей низкаго происхожденія, обогатившихся быстро и нечистыми средствами, надъ людьми высокаго рожденія; что это ненормальное положеніе способствуетъ порчѣ нравовъ всякой націи, возбуждаетъ алчность, приучаетъ ко всевозможнымъ интригамъ и низостямъ, разрываетъ мало-по-малу

основы честности. Молодая дѣвушка должна понять, что каждая женщина, какія бы средства она ни внесла въ семью, живо разоритъ ее, если заведетъ въ домъ роскошь, для которой не хватитъ никакихъ средствъ. Въ то же время приучите вашу дочь съ состраданіемъ относиться къ ужасающей нищетѣ бѣднаго люда; пусть она пойметъ, насколько протавно чувству человѣчности поведеніе тѣхъ людей, которые не знаютъ вредѣла своей роскоши и въ то же время съ жестокостью отказываютъ другимъ въ самомъ необходимомъ. Но если вы поставите вашу дочь въ условія, рѣзко отличающіяся отъ условій жизни другихъ сверстницъ ея круга, то этимъ вы рискуете потерять надъ нею вліяніе; она можетъ съ увлеченіемъ стремиться къ тому, чего она можетъ и не получить, и восхищаться этимъ, видя въ другихъ издали; она можетъ вообразить, что вы слишкомъ строги къ ней, и ее будетъ тянуть, какъ можно скорѣе, сдѣлаться самостоятельной, чтобы безъ всякой мѣры предаваться своимъ суетнымъ желаніямъ. Вы сдержите ее лучше всего, если будете держаться относительно ея золотой средины, которую всегда одобряетъ люди умные и достойные уваженія. Она пойметъ тогда, что вы желаете предоставить ей то, что согласно съ правилами благопристойности, что вами не руководитъ мелочная расчетливость, что вы относитесь къ ней со всякой снисходительностью, и что вы хотите лишь предостеречь ее отъ излишествъ, свойственныхъ тѣмъ людямъ, которые не знаютъ границъ своему тщеславію. Особенно важно, чтобы вы замѣчали ей малѣйшія ея нескромности, недостойныя нашей религіи. А чтобы кромѣ того усилить авторитетъ религіи въ этомъ отношеніи, вы можете основываться на правилахъ благопристойности или стать на почву ея личнаго интереса, высказавъ такія, наиримѣръ, соображенія. Молодая дѣвушка рискуетъ спокойствіемъ всей своей жизни, если выходитъ замужъ за человѣка суетнаго, легкомысленнаго и безнравственнаго; поэтому для нея весьма важно постараться найти собѣ мужа умнаго, нравственнаго, озабоченаго, способнаго имѣть усиліе на предстоящемъ ему поприщѣ. А чтобы найти подобнаго человѣка, надо быть

скромной, не обнаруживать легкомыслія или вѣтренности. Какой же умный и скромный человекъ выберетъ себя въ жены дѣвушку легкомысленную, нравственность которой по вѣшнему виду представляется двусмысленной?

Но главное, что обезпечить вамъ успѣхъ, — это овладѣть сердцемъ вашей дочери для христіанской добродѣтели. Не запугивайте ее ради достиженія благочестія бесполезной строгостью; дайте ей свободу разумно пользоваться невянными удовольствіями, приучите ее находить радости ни въ грѣхѣ и удовольствія вдали отъ всякихъ соблазновъ. Дайте ей подругъ, которыя не могли бы ее испортить; найдите ей опредѣленные часы развлеченій, которыя не заставятъ ее пренебрегать серьезными занятіями въ теченіе всего остального дня. Постарайтесь о томъ, чтобы она прониклась любовью къ Богу; пусть она не смотритъ на Него, какъ на Судію могущественнаго и неумолимаго, который только и дѣлаетъ, что провѣряетъ насъ и стѣсняетъ нашу свободу. Покажите ей, какъ Онъ благъ и милостивъ, какъ Онъ нечется о всѣхъ нуждахъ нашихъ, съ какими состраданіемъ относится Онъ къ слабостямъ нашимъ. Пусть она приблизится къ Богу, какъ къ отцу нѣжному и сострадательному. Пусть она не смотритъ на молитву, какъ на дѣло скучное и бесполезное, какъ на стѣсненіе ума въ то время, когда является желаніе предаться своимъ мечтамъ. Пусть она пойметъ, что приходить въ общеніе съ Богомъ можно, только углубясь въ самого себя, ибо «царствіе Божіе внутри насъ есть». Обращаться къ Богу слѣдуетъ просто и смеласно, дабы повѣрить Ему наши грѣхи, просить о всѣхъ вашихъ нуждахъ и съ Его помощью изыскивать способы избавленія насъ отъ грѣховъ. Слѣдуетъ съ благоговѣніемъ внимать внутреннему голосу Божію, говори вмѣстѣ съ псаломщикомъ: «Да внемлю глазу Божію, глаголющему во мнѣ». Надо усвоить благую привычку поступать такъ, какъ мы поступали бы въ видномомъ присутствіи Божіемъ, и во имя любви къ Богу радостно исполнять всѣ дѣла, какъ легкія, такъ и трудныя. Слѣдуетъ воскрешать въ себѣ мысль о присутствіи Божіемъ

всякій разъ, какъ мы почувствуемъ, что забыли Его. Замѣтивъ, что какіи-либо мысли развлекаютъ насъ, мы должны тотчасъ же отдѣлаться отъ нихъ, стараясь при этомъ, чтобы самая борьба не была для насъ источникомъ разсѣянности, и чтобы ихъ частое возвращеніе не было источникомъ нашей тревоги. Въ этой борьбѣ съ самимъ собою не слѣдуетъ терять терпѣнія и ни въ какомъ случаѣ не падать духомъ, какъ бы ясно ни было сознаніе своего легкомыслія. Невольная разсѣянность не удаляетъ насъ отъ Бога; для него нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ это смиренное терпѣніе души христіанина, стремящагося къ борьбѣ съ самимъ собою, лишь бы только снова обратиться къ Богу. Ваша дочь скоро пойметъ всю силу молитвы, если вы ее научите тому, какъ приступить къ этому святому занятію. Для этого не требуется ни особеннаго уединеннаго напряженія, ни возвышенныхъ чувствъ, которыя Господь Богъ даетъ намъ и беретъ назадъ по волѣ Своей. Когда молитва доходитъ до крайняго возбужденія или напряженія чувствъ, она вызываетъ въ насъ вначалѣ внутреннее самоудовольствіе, а потомъ мы впадаемъ въ отчужденіе, ибо такая молитва скоро истощается, и мы думаемъ тогда, что все погибло. Скажите же вашей дочери, что истинная молитва походитъ на простое непринужденное и нѣжное общеніе съ Богомъ или, иначе сказать, она и есть само это общеніе. Приучите ее раскрывать передъ Богомъ свое сердце, доверчиво бесѣдуя съ Нимъ рѣшительно обо всемъ, точно такъ же, какъ мы привыкли свободно и безъ утайки говорить съ человекомъ, котораго мы любимъ и въ любви котораго мы увѣрены. Большинство людей, ограничивающихся молитвой принужденной, относится къ Богу, какъ къ такому лицу, которое уважаютъ, но видятъ лишь изрѣдка, во обязанности, не любя и не будучи любимы; въ такой молитвѣ все лишь обрядность и пустыя слова; во время такой молитвы бываешь стѣсненъ, скучаешь и съ нетерпѣніемъ ждешь, когда она кончится. Наоборотъ, люди, поистинѣ пропитанные молитвой и самоуглубляющіеся, видятъ въ Богѣ своего лучшаго друга; они не возвышаютъ cadaго своего слова, ибо знаютъ Того,

съ Кѣмъ ведутъ свою бесѣду; все здѣсь исходитъ отъ полноты чувствъ и простоты сердца; они бесѣдуютъ съ Богомъ о тѣхъ общихъ дѣлахъ, въ которыхъ проявляется Его слава и наше спасеніе. Мы бесѣдуемъ съ Нимъ о нашихъ недостаткахъ, въ которыхъ мы хотимъ исправиться, о предстоящихъ намъ обязанностяхъ и нуждахъ, о тѣхъ искушеніяхъ, которыя намъ предстоитъ поборотъ, о тонкихъ ухищреніяхъ нашего самолюбія, которыя нужно подавить. Все говорятъ мы Богу, — и всему внимаетъ Онъ; мы обращаемся къ Его заповѣдямъ и слѣдуемъ Его совѣтамъ. Это уже не принужденная бесѣда, — это бесѣда свободная, истинно дружеская; въ это время Господь становится нашимъ сердечнымъ другомъ, отцомъ, успокоивающимъ Своихъ дѣтей на лонѣ Своемъ, супругомъ, силою благодати Своей составляющимъ съ нами единое по духу. Мы смиряемся сердцемъ, но жива надежда наша на Него; съ полнымъ довѣріемъ къ Богу живемъ мы и не рассчитываемъ на силы свои; мы не забудемъ тогда исправляться въ грѣхахъ нашихъ и не станемъ внимать льстивымъ совѣтамъ нашего самолюбія. Если вы выйдете въ сердца вашей дочери, сударини, это простое благочестіе, питаемое внутренней потребностью его, то она достигнетъ извѣстнаго совершенства.

Желаю вамъ и пр.

ПРИМѢЧАНІЯ¹⁾.

¹⁾ Ср. слова M-me de Lambert: «Воспитаніе дѣвушекъ во все время было въ пренебреженіи; обращалось вниманіе лишь на воспитаніе мужчинъ, и женщинамъ, какъ будто особая порода людей, предоставлялась самимъ себѣ, оставаясь безъ всякой поддержки и не считаясь на колѣнну чловѣческаго общества».

²⁾ Въ XVII в. французское «возрожденіе» характеризовалось между прочимъ особенной заботливостью объ изящней формѣ разговорной рѣчи и утонченности обращенія, что исходило изъ салоновъ свѣтскихъ дамъ. Съ этими была связана не только поэтическая литература, но даже общественная жизнь, въ которую вносилось много искусственнаго и романтическаго. Все обильное и повседневное вышло съ величайшимъ усердіемъ какъ изъ искусства, такъ и изъ общественныхъ отношеній. Дамы утонченнаго свѣтскаго общества называли себя *grâcieuses* (драгоценныя), чтобы показать, что онѣ уже отбросили все простое и обильное. Въ этого круга *grâcieuses* скоро стало означать «искусственныя» или «жеманныя», на что замечаетъ и Фенелонъ, говоря о той избыточности, которая дѣлаетъ женщинъ тщеславными и искусственными, или жеманными. Источникъ этого направленія свѣдѣетъ некая въ тѣхъ изготонныхъ романахъ, которые изображали воображаемый міръ вѣдь вѣдомъ настоящей действительности, каковы напр. извѣстные тогда романы M-me Скюдери Кира Великій, Клеліа и др. На литературу этого сорта намекаетъ Фенелонъ еще въ главѣ II этого своего сочиненія. Въ своемъ изслѣдованіи «О выборѣ и методѣ наукъ» (*Traité du choix et de la methode des études*) аббатъ Флѣри (1640—1723) въ главѣ XVII говоритъ о томъ сантиментальномъ пернчаніи, которое эти «*grâcieuses*» выставляли на показъ. Мольеръ въ своихъ «*Grâcieuses ridicules*» (1659 г.) на вѣчныхъ пресена осуждалъ жеманство и умищаніе такихъ женщинъ. За ними слѣдовали такъ называемыя «ученыя женщины», съ которыми мы встрѣчаемся у знаменитаго комика въ его «*Femmes savantes*» (1669 г.); о послѣднихъ упоминаетъ и Фенелонъ. Руссо имѣлъ, конечно, въ виду разсматриваемое нами мѣсто, когда писалъ въ своемъ Эмилѣ, гл. VI: «Софья не была ни жеманна, ни

¹⁾ Большую часть замечаній изъ названнаго Салльери: *Fénelon und die Litteratur der weiblichen Bildung in Frankreich von Claude Fleury bis Frau Necker de Saussure*. Langensalza 1886.

смішна» (Sophie n'estait ni précieuse, ni ridicule). Авторъ сочиненія «Наставленіе молодой принцессѣ, или образъ истинной женщины» (Шетарда) говоритъ слѣдующее: «Есть что-то страшное въ духѣ времени: величество презирается, но и противоположное ему не находитъ себѣ должнаго одобренія». Причину этого онъ объясняетъ недостаткомъ скромности въ тѣхъ, кто считаетъ себя образованными; поэтому онъ не желаетъ «ученикъ женщинъ» и считаетъ женщину уже достаточно образованной, если она выработала себѣ розный и кроткій характеръ. М-me de Lambert замѣтно расходится съ Фенологомъ; во ея мнѣнію, людямъ съ живымъ характеромъ слѣдуетъ больше заниматься науками, а не развѣшивать въ себѣ фантазію, которая можетъ служить вишею для опасныхъ страстей.

3) Ср. у М-me de Lambert: «Молодая дѣвушка, вступающая въ свѣтъ, имѣетъ преувеличенное представленіе о томъ счастьи, которое ожидаетъ ее здѣсь; она хотѣла бы видѣть свои мечты осуществленными, — и это желаніе является источникомъ ея безпокойства; она гонимая за своей фантазіей и надѣется на возможное счастье, — и эта надежда является не точивкомъ легкомыслія и незрѣлостію».

4) Въ формѣ острой сатиры описываетъ Руссо (Эмилъ, V гл.), какъ модная дама того времени проводить утро, т.-е. часъ послѣ вставанія: «Какъ она могла бы проводить свою жизнь отъ 12 ч. дня до 9 ч. вечера, если бы она не имѣла туалета? Видѣ она собираетъ вокругъ себя женщинъ и очень доволна при видѣ ихъ ветеринарія: это уже для нея нѣчто значить. Она избѣгаетъ такимъ образомъ всякихъ истинныхъ разговоровъ съ мужемъ, — это уже нѣчто гораздо поважнѣе. Затѣмъ приходятъ продавщица, торговки, обожатели, назначающіе писатели со стѣнками, вѣсенки, бронзерки; видѣ ихъ нельзя принять какъ слѣдуетъ безъ туалета». Кстати замѣтимъ, что существуютъ дѣшево большіе сборники такихъ вѣсенокъ на злобу дня кинорастительнаго характера, оставшихся главными образами отъ прошлаго столѣтія.

5) «Исходія», I, 8: «Cum ipsi appellabant rem aliquam et cum resumendum eam vocem corporis ad aliquid movebant, videbam et tenebam hoc ab eis vocari rem Elam, quod sonabant, cum eam vellent ostendere. Hoc autem eos velle, — ex motu corporis experiebatur, tanquam verbis naturalibus omnium gentium, quae sunt vultu et nutu oculorum, ceterorumque membrorum actu et sonitu vocis, indicante affectionem animi in pretendendis, reiiciendis fugiendisve rebus. Ita verba in variis sententiis locis suis posita et crebro audita, quarum rerum signa essent, paulatim colligebam meaque iam voluntates, «domito in eis signis ore, per haec enuntiabam». (Когда они сами называли какую-либо вещь и соответственно этому слову двигались къ какому-либо предмету, я видѣла и замѣчала, что словомъ, произнесеннымъ ими, называется именно этотъ предметъ, видѣла какъ его они хотѣли показать. А что они хотѣли его показать, для меня было ясно по ихъ движеніямъ, этого какъ бы естественнаго языка всѣхъ народовъ,

обнаруживаемаго выраженіемъ лица, движеніемъ глазъ, жестами и тономъ голоса, возбуждающими известное душевное настроеніе, когда они чего-нибудь желаютъ, что-нибудь имѣютъ, или отъ чего-нибудь бѣгутъ. Такимъ образомъ мало-по-малу я начала понимать, что означаютъ слова, произнесенныя въ продолженіяхъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, и скоро стала выражать я свои желанія, послѣ того, какъ мои уста осознали съ этими словесными знаками.)

6) «Исходія», I, 7: «Vidi ego et expertus sum zelantem parvulum: nondum loquebatur et intuebatur pallidus amaro aspectu collactationem matris» (я видѣла и наблюдала заставляющаго младенца: онъ не умѣлъ еще говорить, а уже блѣдный и съ недовольствомъ на лицѣ смотрѣлъ на своего молочнаго брата). Августинъ приводитъ это въ доказательство того положенія, что во слабости тѣлесной ребенокъ лишень возможности грѣха, а душа его уже носитъ въ себѣ зародки грѣховнаго начала. Эти послѣднія слова Августина Раунеръ въ своей «Исторіи педагогикѣ» противопоставляетъ дѣвкѣ Руссо: «Все хорошо въ томъ видѣ, какъ оно выходитъ изъ рукъ Творца». (Эмилъ гл. I.) М-me Сампране (De l'éducation I, 6) рассказываетъ объ одной трехлѣтней дѣвочкѣ, которая, будучи до того времени совершенно здорова, вдругъ начала хрипеть безъ всякой видной причины. Приглашенный къ ней врачъ нашелъ, что причиной этого была ея четвертичная сестра, которую мать въ ея присутствіи кормила грудью. Дѣвочекъ разлучили на два года и во промежутки этого срока старшая сестра съ радостью встрѣчалась съ младшею и съ этого времени стала любить ее самымъ нѣжнымъ образомъ. Фенологъ возвращается къ этому еще въ гл. V нашего трактата.

7) Вотъ главное положеніе Локка (Мысли о воспитаніи § 38): «Первое, что слѣдуетъ внушать дѣтямъ, — должно быть то убѣжденіе, что они не получаютъ что-либо, что это имъ нравится, а потому, что это принадеется для нихъ полезнымъ».

8) По психологіи Картезія, крокъ есть виновникъ всякаго душевнаго возмѣнія: если воспитаніе не выработается о томъ, чтобы какъ можно раньше познать или, по крайней мѣрѣ, унять приступы страстей, которыя черезъ кровь дѣйствуютъ на мозгъ, — то кровь перегрѣвается и перегораетъ (se brûle), воспитаніе является уже слишкомъ поздно. Этого взгляда еще яснѣе выступаютъ въ гл. V этого трактата.

9) Ср. съ этими выводами у Руссо, Эмилъ, гл. II.

10) Ср. у Руссо: «Наблюдай природу и слѣдуй тому пути, который она тебѣ указываетъ» (Эмилъ, гл. I).

11) Ср. съ этими словами Фенолова слѣдующую мысль Локка § 118: «Ложность является у дѣтей выраженіемъ ихъ жажды къ знанію, которую немощны въ нихъ слѣдуетъ поддерживать не только, какъ хорошее показаніе, но и какъ драгоценное сродіе, которымъ снабдила насъ природа для того, чтобы устранить то отсутствіе знаній, съ которыми мы являемся на свѣтъ, и которое, безъ этого неутомимаго душевнаго стремленія, слѣ-

дѣло бы насъ робками и безвольными твореніями». М-ше de Lambert, очевидно подъ влияніемъ того же источника, говоритъ: «любознѣство есть начало знанія, которое ведетъ тебя по пути истины дальше и спорѣ» и т. д.

14) Локкъ выставляетъ такое же основное положеніе съ тѣмъ же самымъ основаніемъ (Мысли о воспитаніи § 94).

15) Локкъ требуетъ, чтобы воспитанница знакомила съ окружающимъ міромъ со всѣхъ его сторонъ и уже въ раннемъ возрастѣ показывала и дурную сторону (§ 94). У Руссо въ различныхъ мѣстахъ находимъ къ тому наставленія и примѣры.

16) Ср. Руссо (Эмиль, гл. II): «Если не слишкомъ спѣшить съ ученіемъ, то не придется быть слишкомъ воспріимчивымъ и въ своихъ требованіяхъ. Пользуйтесь же всякой возможностью ничего не требовать не въ-время».

17) Ср. гл. III.

18) При всемъ различіи взглядовъ на образование представлений у Локка и Фенелона умѣсто здѣсь вспомнить тѣ мѣста, гдѣ Локкъ сравниваетъ фактъ воспріятія представлений въ умѣ съ начертаніемъ письменъ на бумагѣ, напр. «Мысли о воспитаніи» (§ 167). «Держи душу (воспитанница) въ настроеніи пріятномъ и покойномъ, если ты хочешь, чтобы ребенокъ воспріимъ твои наставленія или получалъ какое-либо прибавленіе къ своимъ познаніямъ. Однакоже невозможно начертать что-либо чистое и правильное на дрожащей душѣ, какъ на колеблющейся бумагѣ». Сравниваетъ съ этимъ также и слова Fénelon въ его «Traité de l'éducation et de la méthode des études», гл. 10: «Такъ какъ дѣтскій мозгъ еще нѣженъ, и все для дѣтей ново, то окружающіе ихъ чувственные предметы производятъ на нихъ живое впечатлѣніе, которое остается неизгладимымъ. Отъ этого происходитъ то, что они легко привносятъ между собою въ связь все то, что въ данное время возбуждаетъ ихъ вниманіе, какъ напр. какой-нибудь опредѣленный звукъ съ опредѣленною фигурою или извѣстнымъ запахомъ, хотя бы эти вещи и не имѣли между собою никакой естественной связи. Эти верныя впечатлѣнія столь могущественны, что они часто образуютъ душевный складъ на всю послѣдующую жизнь. Здѣсь лежитъ, очевидно, одна изъ причинъ образованія привычекъ» и т. д.

19) Точно такъ же и Локкъ требуетъ, чтобы дѣтямъ давалась полная возможность задавать вопросы и получать въ отвѣтахъ взрослыхъ разурѣшеніе ихъ. См. «Мысли о воспит.» § 120.

20) Главы, посвященныя игрѣ и любознѣтельности, стоятъ у Локка рядомъ. У Руссо игра и обученіе ставятся вообще въ другое отношеніе: у обученія отнята его самостоятельная цѣль, и такимъ образомъ все воспитаніе принимаетъ характеръ игры. Взглядъ за Руссо это заблужденіе, т.-е. неправильное пониманіе отношенія игры и обученія, проникло и въ педагогику (Валевскій); оно было омыто устранено лишь въ позднѣйшее время, благодаря строгому психологическому изученію вопроса.

21) Фенелонъ и Локкъ верны съ достаточными педагогическими основаніями

вступили противъ бессмысленной системы наказаній средневековой школы. Обратчикъ школьнаго режима того времени можно видѣть въ мемуарахъ Дюбуа, находящихся въ библиотекѣ Ecole des chartes, отрывокъ изъ которыхъ мы здѣсь приводимъ: Сентября 20-го 1661 г. (получилъ дефинъ, воспитанника Воссюэта, тогда 10-лѣтній мальчикъ) два раза удары по рукамъ (bâtonnes); 21-го утромъ и вечеромъ — удары; 22-го утромъ — тоже; «своей обѣды наказанія не было, но мы этого очень боялись». 23-го и 24-го все шло хорошо, а 25-го утромъ г-нъ Montausier, гувернеръ принца, далъ ему столько «хорошихъ ударовъ, что у принца распухла рука, при чемъ боль и дрожаніе руки настолько ему мѣшало, что онъ не могъ продолжать и окончить своего scriptum», и т. д. Существовала книга достопочтеннаго Père de la Salle «О веденіи христіанскихъ дѣтей», которая содержала въ себѣ указанія правильныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ физическихъ наказаній.

22) Очевидно, Фенелонъ намекаетъ на слѣдующее мѣсто «Исповѣди» (I, 9): «Загнѣтъ отдалъ меня въ школу, чтобы овладѣютъ меня съ науками, толзили которыхъ я, бѣдный, не понималъ, получая въ то же время удары за лѣность въ ученіи. Родители одобряли это, и многіе, избравшіе еще до насъ ту же участь, приготовили для насъ этотъ тернистый путь; мы должны были проходить его съ трудомъ и мученіемъ, которые были столь умножены (въ школѣ) для славной Адамовыхъ. Родители наши сибались надъ мученіями, какія претерпѣли мы, мальчичкамъ, учителя наши. И мы не менѣе боялись этихъ мученій и молчали отъ нихъ, но все-таки часто оказывались виновными, когда писали, или читали, или размышляли при обученіи мѣсяцъ, тѣмъ отъ насъ требовалось. Нельзя сказать, чтобы намъ не хотѣло занять или рассудка, ибо и тѣмъ и другимъ Ты, Господи, обильно награждалъ насъ во нашихъ дѣтяхъ; но насъ забавляла игра, и за нее-то карали насъ тѣ, которые сами незрѣлою предавались тому же самому. Но размысленія взрослыхъ обыкновенно называютъ зачатками; когда же дѣлаютъ это мальчички, ихъ наказываютъ за это. И перенесъ розги за то, что любилъ играть въ мячъ и тѣмъ отылевался отъ наученія свѣдѣній, которыми я долженъ былъ потому играть еще смирнѣйшимъ образомъ. И сѣкъ меня тотъ, кто самъ мучился завистью и досадою, когда другой ученикъ побѣждалъ его въ какомъ-нибудь спорѣ, точно такъ же, какъ сердился я, когда товарищи побѣждали меня въ игрѣ мячикою».

23) Локкъ рекомендуетъ вступать съ ребенкомъ въ разсужденія съ того момента, когда ребенокъ начинаетъ понимать языкъ (Мысли о воспит. § 51).

24) Премудр. Іисуса сына Сирахова, XXX, 1, 9 и слѣд.: «Кто любитъ сына своего, тотъ пусть чаще наказываетъ его, чтобы впоследствии угнѣтаться имъ. Легкій дѣтъ, — и оно устранитъ тебя; играй съ нимъ, — и оно озоветъ тебя. Не смѣйся съ нимъ, чтобы не горевать съ нимъ, и послѣ не скрежетать зубами своими. Не давай ему вали въ кости и не возворстуй неразумію его. Пагабай выю его въ кости и сокрушай ребра его, доколы оно холодо» и т. д.

²¹⁾ Фенелонъ, безъ сомнѣнія, исходитъ изъ ходячихъ взглядовъ своего времени, которые высказываютъ, напр., Локкъ (§ 46 «Мыслей»): «Если духъ ребенка стѣсненъ и пришибленъ, если его жизненные силы сломаны или слажены строгими режимами, то воспитателемъ напрасно терять всю свою силу и строгость и находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ другіе».

²²⁾ Подобные же взгляды мы находимъ и у Локка (§§ 57 и 60); они вытекаютъ изъ основныхъ воззрѣній оboзръ педагоговъ на сущность и проявленіе дѣтскихъ движеній.

²³⁾ Точно такъ же и Локкъ приходитъ къ тому заключенію, что дѣти должны въ концѣ концовъ сами потребовать, чтобы ихъ познакомили съ буквами. Подобнымъ же образомъ и Руссо ведетъ рѣчь о «невозбужденномъ интересѣ», какъ о величайшемъ и единственномъ двигателѣ, вѣрно и продолжительно дѣйствующемъ въ дѣлѣ воспитанія. Оба эти педагога рекомендуютъ такое обученіе въ противоположность формальному.

²⁴⁾ То же мы находимъ и у Локка (§ 156 «Мыслей», гдѣ рекомендуются Локкъ въ картинкахъ и др. книжкахъ).

²⁵⁾ Мы приводимъ это въ высшей степени интересное мѣсто изъ его общей сказки. Августинъ рассказываетъ («Исповѣдь», I, 14) о тѣхъ трудностяхъ, которыми ему приходилось преодолевать при изученіи греческаго языка, и затѣмъ продолжаетъ: «Трудности, вообще связанныя съ изученіемъ чужого языка, отражали какъ бы желчь всю ту сладость, которую содержала въ себѣ греческая басня. Я не понималъ самихъ словъ, а меня страхомъ, жестокостью и наказаніемъ заставляли ихъ изучать. Хотя латинскіе мѣты, какъ ребенку, также были трудны, но я однако научился ей, благодаря только одному вниманію, безъ всякаго страха и мученія среди ласкъ моей матери, подъ шумъ и веселье тѣхъ, которые здѣсь играли и смѣялись. И всѣ эти латинскіе слова я изучалъ безъ мучительнаго стѣсненія со стороны монашескихъ, а по влеченію моего сердца, побуждаемаго живости моей мысли на слова Гомеровъ; всего этого я никогда бы не одолѣлъ, если бы я не научился словамъ не отъ учащихся, а отъ говорящихъ, въ уши которыхъ я впадалъ то, что чувствовалъ. Изъ этого достаточно ясно видно, что свободная любознательность вытекаетъ изъ дѣлѣ обученія несравненно болѣе живее, чѣмъ вынужденное страхомъ прируженіе».

²⁶⁾ Это мѣсто цитируетъ Руссо въ V гл. своего Эммануэля; Ролленъ тоже усвоилъ себѣ его, не цитируя Фенелона (*Traité des études*, VII, 1): «Такъ какъ мы отъ природы лѣнны и враждебно относимся къ работѣ, особенно къ работѣ по принужденію, то не удивительно, что въ одною мы находимъ все удовольствіе, а въ другомъ — только одну тягость, а именно: тягость въ занятіяхъ, а удовольствіе въ отдыхѣ; ребенокъ же къ первому относится съ нетерпѣніемъ, а къ второму хваляется съ жадностью».

²⁷⁾ Локкъ очень часто говоритъ объ игрѣ, какъ о необходимомъ противоядіи дѣлѣ работѣ. Но его мнѣнію, отъ воспитателя требуется лишь направить должнымъ образомъ естественное стремленіе дѣтей къ дѣятельности.

²⁸⁾ Взгляды на дѣтскія игры, какъ на выраженіе естественнаго стремленія дѣтей къ дѣятельности, преимущественно встрѣчаются у Локка.

²⁹⁾ Подобныя же мысли встрѣчаются и у M-me de Lambert: «Мы прилежно къ удовольствіямъ, какъ больной, у котораго исчерченъ вкусъ: мы воображаемъ, что у насъ необходимо развить этотъ вкусъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ лишь испорченъ».

³⁰⁾ Ср. о томъ же у Руссо, «Эммануэль» гл. II.

³¹⁾ Привлеченіе восторженныхъ лицъ къ участию въ дѣлѣ исправленія ребенка, какъ воспитательнаго мѣра, вошло въ употребленіе со времени гуманизма. Ср. Локка «Мысли о воспитаніи» § 73. Руссо часто обращается къ этому секрету и, прибавивъ, сознательному воспитательному процессу. См. особ. главу III «Эммануэля».

³²⁾ «Исповѣдь» IX, 8. Еще девочкой, Моника обыкновенно приносила, по приказанію своихъ родителей, вино изъ бочки; при этомъ у нея образовалась привычка каждый разъ немного откидывать изъ кубка; въ концѣ концовъ привычка эта до такой степени усилилась, что девочка съ жадностью стала уже вынимать по цѣлому кубку. Служанка, ходившая за нею за виномъ, однажды съ глазу на глазъ сильно поборолась съ этою, называла «паницей» и т. п. На девочку это весьма сильно подействовало: она почувствовала все безобразіе этой привычки и навсегда ее оставила.

³³⁾ Ср. у Локка, «Мысли» § 52.

³⁴⁾ Локкъ являть уваженію на нравственныхъ основаніяхъ рекомендуемыхъ имъ наградъ. Дѣти еще не дѣйствуютъ по собственному разумію; масштабомъ разумности ихъ поступковъ служить для нихъ мнѣніе взрослыхъ и то уваженіе, которое дѣти питаютъ къ взрослымъ. Это можетъ быть, во-первыхъ, при условіи познаго авторитета воспитателей и, во-вторыхъ, при условіи удаленія дѣтей отъ общества такихъ лицъ, которыя не отличаются особенно строгой нравственностью.

³⁵⁾ Собраніе басенъ, входящее въ сочиненія Фенелона, кромѣ басенъ изъ мѣра животныя, содержитъ въ себѣ и болѣе длинныя сказки, какими: *Histoire de la reine Gisèle et de la fille Coryzante*, *L'anneau de Gugès*, *Histoire de Rosimond et de Braminte* и др.

³⁶⁾ *Исторія Иосифа* — это первая библейская исторія, которую Локкъ рекомендуетъ читать при обученіи дѣтей, тогда какъ совершенно не одобряетъ чтенія всей Библии, хотя бы лишь для одного чтенія.

³⁷⁾ Это знаменитый «*Petit Catéchisme historique*» аббата Клода Фабри (см. прим. 2), выдержавшій безчисленное множество изданій. Библейская исторія въ немъ доведена до Константина Великаго и изложена весьма простымъ языкомъ, при томъ постепенно, урокъ за урокомъ, введено совершенно катехизическое ученіе. Какъ образчикъ, мы приводимъ вышеупомянутую исторію крещенія Иисуса Христа во Иорданѣ (урокъ XVI): «Иисусъ, подобно другимъ, пришелъ креститься отъ Іоанна, и своимъ собственнымъ прощеніемъ освятилъ воду и сообщилъ ей силу отпущенія грѣховъ въ таин-

ствѣ врендія. Святой Іоаннъ Креститель свидѣтельствовалъ вредъ всѣмъ о соединеніи Духа Святаго въ видѣ голубя на Іисуса. Іоаннъ сказалъ о Немъ: «Се агнецъ Божій, Который беретъ на Себя грѣхъ міра». — «Заковъ данъ черезъ Моисея; благодать же и истина произошла черезъ Іисуса Христа».

Въ 1666 году, вслѣдствіе рѣшенія Триентскаго собора, былъ изданъ Сатесіишнз Романи, собравшій въ себѣ все ученіе католической церкви. Этотъ катехизисъ ни въ какомъ случаѣ не могъ удовлетворить педагогическимъ взглядамъ Фенелона, который отдаетъ преимущество «Историческому Катехизису» Флѣри во многихъ отношеніяхъ (см. главы VII, VIII).

40) Упомянутый выше «Историческій Катехизисъ» Флѣри снабженъ также картинками.

41) Гл. III. — Родень рекомендуетъ этотъ предложенный Фенелономъ приемъ изложенія религиозныхъ ученій и при обученіи мальчиковъ. (См. его *Traité des études*, L. VII, sec. partie, art. 5). Особенно же онъ настаиваетъ на целесообразности обученія религіи, основаннаго на историческомъ ея изученіи.

42) Здѣсь говорить еще ученикъ Декарта, призывающій прозрѣнныя идеи, противъ которыхъ скоро выступитъ Локкъ.

43) Въ XVII в. у дворянъ было въ модѣ брать съ собой друзей или болѣе провожатыхъ, которые съ своей стороны облачили были драгъ между собой.

44) (На стр. 44.) Случившаяся въ 1663 г. дуэль между четырьмя парами (Voltaire, *Siècle de Louis XIV*, ch. 29) принудила короля принять самыя строгія мѣры противъ сепардантовъ, но воедники между обидчиками и оскорбленными онъ не былъ въ состояніи вывести. Однако лучшіе люди того времени встали противъ этого варварскаго обычая. Въ 1651 году маркизъ Антуанъ де Фенелонъ, маркизъ Антуанъ де Фенелонъ, старшій зюлка, человекъ съ такимъ прошлымъ, которое не позволяло заводозрѣть его въ трусости, вступилъ въ соглашеніе съ другими востановленными военными людьми, и въ силу этого соглашенія состоялось скрѣпленное присягой обязательство не подавать воюда къ дуэли, не принимать ее и не покровительствовать ей. Такой рѣшительный шагъ времени шая стародавняго обычая обратилъ на себя вниманіе Людовика XIV и несомнѣнно оказалъ свое вліяніе на волю короля на этотъ предметъ. Вопросъ о воедникахъ съ нравственной точки зрѣнія живо интересовалъ философскія общества XVIII столѣтія.

44а) (На стр. 47.) Подъ примѣчками Фенелонъ разубѣждаетъ усвоенныя благодаря воспитанію формы мышленія, живыми примѣчки и основанно принципомъ. Подражаніе и врижѣръ вверно выступаютъ, какъ психологическіе факторы, у Локка въ его «Мысляхъ о воспитаніи» (§§ 71 и 82).

45) Посланіе къ Тимошею II, 11—14: «Жена да учится въ безмолвіи, со всакою покорностію»; а учить женѣ не позволяю, ни влѣствовать надъ мужемъ, но быти въ безмолвіи. Ибо вредѣ созданъ Адамъ, а потому

Ева. И не Адамъ президентъ, но жена, прельстившись, впаде въ преступленіе».

46) При чтеніи этой главы нужно помнить, что авторъ говоритъ объ обрядахъ и обычаяхъ своей, т.-е. католической, церкви.

47) Здѣсь Фенелонъ разубѣждаетъ доходи благотворительныхъ учрежденій, выходящихся подъ особымъ покровительствомъ перкии и духовенства.

48) Родень еще подробнѣе останавливается на вопросѣ о томъ, какъ надо молиться. Практикой этого является то обстоятельство, что во время выхода въ свѣтъ его *Traité des études* (1726), люди, по его словамъ «дѣлали надѣ, что имъ стыдно за то, что они христіане». Молитва за столомъ въ то время въ особенности выходила изъ обыкновенія въ семьяхъ.

49) Слѣдуетъ замѣтить, что Фенелонъ придаетъ огромное значеніе духовнику; въ одномъ изъ своихъ *lettres spirituelles* онъ считаетъ духовникомъ какъ бы настоятелемъ августовъ, которыми Самъ Христосъ поручилъ духовное поведеніе о всакой христіанской душѣ.

50) Подобное предостереженіе дѣлаетъ и Локкъ (§ 70).

51) *M-me de Lambert* повторяетъ эту мысль Фенелона: «У дѣвочки весьма сильно желаніе нравиться, и такъ какъ пути къ славы и почестямъ для нихъ закрыты, то они находятъ другое средство удовлетворять своимъ стремленіямъ и вознаграждать себя тѣмъ, что украшаютъ свое тѣло».

52) Въ «Телемакѣ» Фенелона Менторъ подраздѣляетъ всѣхъ подданныхъ Идомея на семь классовъ, которые узнаются по различію ихъ одежды. Еще болѣе относится къ стону вѣсту рѣчи Ментора въ книгѣ 28-й «Телемака», гдѣ изображается роскошь и чрезвычайная утонченность вкуса со всѣмъ ея дурными послѣдствіями: «Близкаіе родственники царя (Идомея) желаютъ похвалить его великолѣпію, а люди высокопоставленные — роскоши царскихъ родственниковъ; люди средняго состоянія желаютъ сравняться съ высокопоставленными людьми, ибо кто въ состояніи правильно судить о себѣ? Люди маленькіе въ свою очередь таятся за людьми средняго состоянія. Каждый дѣлаетъ больше, чѣмъ можетъ: одинъ изъ любви къ роскоши, чтобы насладиться своимъ богатствомъ, а другой изъ чувства ложнаго стыда, чтобы скрыть свою бѣдность. Даже люди настолько умные, что могутъ осудить столь большое заблужденіе, не достаточно умны для того, чтобы сами не стать выше всего и первыми подать примѣръ противозоложнаго. Всѣ различія между сословіями сглажены и уничтожены. Страсть къ приобритенію средствъ на покрітіе самихъ пустыхъ утратъ корнѣт сама чистая душа. Каждый желаетъ одного лишь богатства, и бѣдность считается стыдомъ».

53) Додовное почти повтореніе этого находится и у *M-me de Lambert*: «Красота объявляетъ того, кто ею обладаетъ; она объявляетъ душу; а между тѣмъ достаточно небольшого рада головъ для того, чтобы исчезла разница между женщиной красной и такой, которая никогда не была красной»...

54) То же самое и у *M-me de Lambert*.

53) Ср. у M-me de Lambert: «Мода была бы разумна, если бы она могла остановиться на чем-нибудь истинно удобном и красивом, но эти восточные перекланы доказывают скорое неустойчивое, чѣмъ хорошо развитый вкусъ».

54) Ср. Первое посланіе къ Тимотею, II, 15.

55) Здѣсь говорится о распространенной тогда страсти къ карточной игрѣ на деньги.

56) Ср. изрѣченія Платона, что «нѣтъ такой плохой вещи, чѣмъ которой не принесло бы какой-нибудь пользы».

57) Ср. Фабра трактатъ «Объ обязанностяхъ господъ и слугъ».

58) Маргарита Французская, или Валуа, верная супруга Генриха IV, ум. въ 1618 году. Ея мемуары издали были въ 1648 году.

59) Т.-е. о ввѣдѣ во владѣніе и утвержденіи въ правахъ наследства.

60) Это предостереженіе имѣло въ то время огромно значеніе, такъ какъ страсть къ сутяжничеству и всякаго рода процессамъ было сильно развито. У Расина въ его *Plaideurs* буржуа Шавано жалуется, что изъ-за двухъ виллажъ сына онъ долженъ былъ заплатить отъ пяти до шести тысячъ франковъ судебныхъ издержекъ, прежде чѣмъ процессъ, наконецъ, кончился. Особенную же страсть къ процессамъ имѣли тогда женщины. Въ приведенной комедіи «графиня» заявляетъ, что она ведетъ свой процессъ во крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ.

61) Здѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣется такъ называемыя *petites écoles*, т.-е. церковно-приходскія школы, учрежденныя повсемѣстно во Франціи съ начала XVI в.

62) Согласно Gréard, *La question de programmes etc.*, 1884, стр. 21, впервые французская исторія была введена въ учебные планы казенныхъ учебныхъ заведеній при Людовикѣ XIV въ 1675 году.

63) Февелонъ говоритъ здѣсь объ особой полицейской магистратурѣ у древнихъ грековъ, вѣдшей наблюденіе за музыкой; хотя на это есть указаніе и у другихъ новѣйшихъ писателей, однако существованіе особой музыкальной полиціи у древнихъ не подтверждается точными историческими данными. Дѣйствительно музыка считалась у грековъ существенной частью національнаго образованія, такъ что государство удерживало надъ нею строгій надзоръ, который у сардапцевъ, въ силу ихъ національнаго характера, часто доходилъ до ведантическаго ригоризма. Это искусство перешло въ простую забаву въ часъ досуга, когда свобода греческихъ государствъ проглатила свое существованіе. Платонъ (*De republica*, III 9) высказываетъ желаніе, чтобы вогу, когда онъ приходитъ въ его (т.-е. Платоновское) государство, создавали подобающія вѣнцы и затѣмъ отправляли въ другое государство, такъ какъ съ музыкой и поэзіей у него тѣсно связано воспитаніе юношества. Юношамъ должно преподавать все простое, — все, укрѣпляющее въ нихъ будущаго хранителя свободы. Поэтому мелодія миксолдіческая (т.-е. свѣтлая лидійская) или синтонодіидійская (т.-е. сильная или твердая лидійская) и другія имъ подобныя, какъ отличающіяся

жалобнымъ характеромъ звуковъ, не должны быть терены; разнымъ образомъ не должно допускать мелодій іонійской и лидійской, имѣющихъ ивннй и характеръ звуковъ. Нужно предпочитать мелодіи дорійскую и фригійскую, какъ возбуждающія мужество и совершенное настроеніе. Изъ инструментовъ слѣдуетъ допускать лишь лиру и китару, — инструменты Аполлона, а не флейту Марсія. Точно также слѣдуетъ употреблять лишь простые ритмы (*De republica*, III, 11). Все это доказываетъ, что греки получали отъ музыки чрезвычайно сильное впечатлѣніе, и что ко времени Платона музыка дошла до чрезвычайной искусственности.

64) Напротивъ, ведаготамъ этой эпохи свойственна болѣзнь искусства, причиною чего было тогдашнее социальное положеніе поэтовъ, музыкантовъ и другихъ представителей искусства, которое считалось лишь средствомъ забавы великихъ мира сего. На это указываютъ в Локкѣ (§§ 174 и 194).

65) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта рѣзкая критика воспитанія, дѣйствующаго страхомъ и принужденіемъ, не дающаго истиннаго духовнаго развитія и подвѣржающаго воспитываемыхъ величайшимъ опасностямъ при ихъ вступленіи въ свѣтъ, — относится къ тому воспитанію, которое давали французскіе монастыри того времени.

66) Въ предисловіи къ «Историческому Катехизису» Введенія (въ латинскомъ изданіи) о введеніи названо *praefatio*, посвященъ заглавіе «О цѣли и употребленіи Катехизиса», обстоятельно говорится о методѣ первоначальнаго религіознаго обученія и особенно настаивается на томъ, что изложеніе и разсказъ долженъ безусловно подходить къ возрасту учащагося, и при томъ дальнѣйшее должно опираться на ранее разсказанные факты и постоянно выводить изъ нихъ. Кромѣ того къ каждой главѣ приложены относящіяся къ содержанію вопроса, которые представляютъ образецъ простой катехизаціи.

67) Мысль о женскихъ учительскихъ семинаріяхъ была осуществлена лишь закономъ 9 августа 1876 года, согласно которому французское правительство обязало департаменты въ теченіе четырехъ лѣтъ основать у себя заведенія этого типа.

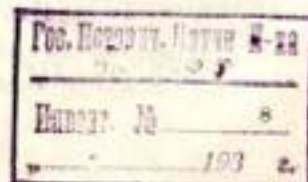
68) «Исповѣдь», I, 10.

69) Притчи Соломонова, XXXI, 10 до конца.

70) См. «О воспитаніи дѣвцъ» XIII.

71) «О воспитаніи дѣвцъ», V.

72) «О воспитаніи дѣвцъ», X.

Май 1890 года.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ ВЫПУСКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ,

ИЗДАВАННОЙ

Н. Тихомировымъ и А. Адольфомъ.

Вып. I. Избранныя педагогическія сочиненія Коменскаго. Часть I. Великая Дидактика. Переводъ съ латинскаго А. Адольфа и С. Любомудрова. Съ портретомъ Коменскаго, очеркомъ его жизни и дѣятельности и объяснительными примѣчаніями. Москва 1893 г., XXVI+308 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Вып. II. Избранныя педагогическія сочиненія Коменскаго. Часть II. Мелкія сочиненія, примыкающія къ Великой Дидактикѣ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Адольфа и С. Любомудрова. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Москва 1893 г., VIII+270 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Вып. III. Избранныя педагогическія сочиненія Песталоцци. Томъ I. Лингардъ и Гертруда. Части I и II. Переводъ съ нѣмецкаго В. Смирнова. Съ портретомъ Песталоцци и очеркомъ его жизни и дѣятельности. Москва 1893 г., LX+436 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Вып. IV. Избранныя педагогическія сочиненія Песталоцци. Томъ II. Лингардъ и Гертруда. Части III и IV. Переводъ съ нѣмецкаго В. Смирнова. Москва 1894 г., 558 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Вып. V. Избранныя педагогическія сочиненія Песталоцци. Томъ III. Мелкія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго В. Смирнова. Москва 1896 г., 560 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Вып. VI. Л. Келльнеръ. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Переводъ съ нѣмецкаго О. Масловой, подъ редакціей Н. Горбова. Съ портретомъ Келльнера, очеркомъ его жизни и примѣчаніями. Москва 1895 г., XIX+250+IV стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Вып. VII. Иммануилъ Кантъ. О педагогикѣ. Переводъ съ нѣмецкаго С. Любомудрова. Съ портретомъ и краткой біографіей Канта. Москва 1896 г., VIII+92 стр. Цѣна 75 к.

Вып. VIII. Руссо. Эмилъ. Въ переводѣ съ французскаго П. Первова. Съ портретомъ и біографіей Руссо. Москва 1896 г., XL+656 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Вып. IX. Локкъ. Мысли о воспитаніи. Въ переводѣ съ англійскаго А. Басистова. Съ портретомъ и біографіей Локка. Москва 1896 г., XVI+240 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Вып. X. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Въ переводѣ съ французскаго В. Недачина. Съ портретомъ и біографіей Фенелона. Москва 1896 г., XVI+96 стр. Цѣна 75 коп.

Вып. XI. Рабле и Монтань. Мысли о воспитаніи и обученіи. Избранныя мѣста изъ „Гаргантюа и Пантагрюэла“ Рабле и „Опытовъ“ Монтаня. Въ переводѣ съ французскаго В. Смирнова. Съ портретами Рабле и Монтаня. Москва 1896 г., 135 стр. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. выпуски I и VI рекомендованы для фонд. библ. среднихъ учеб. завед., мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ ин-

ститутахъ, а вып. II одобренъ для фундамент. библ. средн. учебн. заведеній.

Особымъ отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. выпуски I и II одобренъ для учит. библ. низшихъ училищъ и ученическихъ библ. учит. семинарій; выпуски III и IV одобренъ для учит. библиотекъ низш. учил., а также учит. семинарій и институтовъ.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ вып. I и II одобренъ для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ и епархіальныхъ жемскихъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи дидактики; вып. III и IV допущены къ приобритенію въ фонд. библ. духовныхъ семинарій.

Дальнѣйшіе выпуски „Педагогической Библиотекы“
будутъ содержать:

Избранныя педагогическія сочиненія Гербарта.
Въ одною томѣ. Въ переводѣ А. Адольфа. Съ портретомъ
и біографіей Гербарта (печатается и выйдетъ осенью
1896 года).

Ролленъ. Избранныя мѣста изъ его *Traité des études*.

Избранныя педагогическія сочиненія Дистервега.

Избранныя педагогическія сочиненія Фребеля.

Жанъ Поль Рихтеръ. Лезана.

Вильманъ. Дидактика. Для тома.

Русская педагогическая хрестоматія. М. Демкова.

Складъ выпусковъ „Педагогической Библиотекы“ — при книжномъ магазинѣ Н. И. Тихомирова (Москва, Кузнецкій мостъ).

Цѣна 75 коп.